

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Тульский государственный университет»

16+
ISSN 2071-6141

ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные науки

Выпуск 4

Тула
Издательство ТулГУ
2020

Председатель

Грязев М. В., д-р техн. наук, ректор.

Первый заместитель председателя

Воротилин М. С., д-р техн. наук, проректор по научной работе.

Заместитель председателя

Прейс В. В., д-р техн. наук, заведующий кафедрой, авторизованный представитель Издательства ТулГУ в РИНЦ.

Ответственный секретарь

Фомичева О. А., канд. техн. наук, начальник Управления научно-исследовательских работ, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционного совета:

Батанина И. А. д-р полит. наук, – гл. редактор серии «Гуманитарные науки»;

Берестнев М. А. канд. юрид. наук, – гл. редактор серии «Экономические и юридические науки»;

Борискин О. И. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Технические науки»;

Егоров В. Н. канд. пед. наук, – гл. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О. В. д-р пед. наук, – гл. редактор серии «Педагогика»;

Качурин Н. М. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Науки о Земле»;

Понаморева О. Н. д-р хим. наук, – гл. редактор серии «Естественные науки»;

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Батанина И. А., д-р полит. наук (ТулГУ, г. Тула).

Ответственный секретарь

Ваховский А. М., канд. полит. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционной коллегии:

Бродовская Е. В., д-р полит. наук (Московский педагогический государственный университет, г. Москва);

Васильева Н. А., д-р филос. наук (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург);

Грачев М. Н., д-р полит. наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва);

Джанкар-Вебстер Б., д-р филос. наук (Государственный университет штата Нью-Йорк, США);

Домбровская А. Ю., д-р социол. наук (Московский педагогический государственный университет, г. Москва);

Назарова Е. А., д-р социол. наук (Институт государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва);

Огнева В. В., д-р полит. наук (Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел);

Римский В. П., д-р филос. наук (Белгородский государственный институт искусства и культуры, г. Белгород);

Стемпень-Кучинска А., д-р полит. наук (Лодзинский университет, Польша, г. Лодзь);

Шаронова С. А., д-р социол. наук (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Юрков С. Е., д-р филос. наук (ТулГУ, г. Тула)

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-75990 от 19 июня 2019 г.

Подписной индекс 27844 по Объединенному каталогу "Пресса России"

Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по следующим научным специальностям:

09.00.03 История философии;

09.00.11 Социальная философия;

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы;

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии;

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика. (политические науки, социологические науки)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323.22/.28

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10401

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЛЬ «ЦИФРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Е.Г. Кирсанова

Анализируется роль «цифрового правительства» в ходе формирования национальной инновационной системы современной России. Автор обращает внимание на то, что в эпоху глобальных изменений, связанных с появлением цифровых технологий, развитием цифровой экономики и, как следствие, продвижением модели управления «цифрового правительства», происходит модернизация управления инновационными процессами в сторону большей открытости, гибкости, цифровизации всех процессов. Также автор акцентирует внимание на том, что, создавая новую платформу – цифровую платформу, «цифровое правительство» формирует особую среду для «выращивания» инноваций. Для этой среды характерна своя парадигма мышления, в ней функционируют свои правила «игры», преобладают свои ценностные принципы.

Ключевые слова: «цифровое правительство», «электронное правительство», цифровая среда, цифровая платформа, национальная инновационная система, инновационная политика, инновационная парадигма, инновации, научно-техническая политика, постиндустриальный мир.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31118 ОПН.

Сегодня инновации становятся важным фактором развития современного мира. Потенциал государств зависит от возможности продуцировать, воспринимать и использовать различного рода нововведения: продуктовые, технологические, социальные, культурные, технические, экономические и др. В этой связи ключевой задачей инновационного развития становится наращивание человеческого потенциала в различных сферах, а в первую очередь – в науке и образовании, технологиях и инновациях.

Вхождение государства в постиндустриальный мир сегодня рассматривается через развитие инновационной сферы и активное внедрение инноваций в производственный сектор. В этой связи проблематизация и концептуализация не только понятия «инновации» является актуальной научной проблематикой, но и тех возможностей и ограничений, вызовов и угроз, которые порождают новейшие технологии. Многие страны продолжают осуществлять процесс сложных институциональных изменений, связанных с переходом на инновационные рельсы развития, что сопровождается сменой парадигмы восприятия окружающего мира, трансформации

модели государственного управления в сторону «цифрового правительства», формированием новой технологической базы, появлением новых акторов политического процесса, а значит, и новых принципов взаимодействия между ними.

Таким образом, в этих условиях инновационная политика становится предметом исследования различных научных направлений, в том числе и политической науки, которая с позиций современных теоретических конструкций даёт ответы на вопрос о сущности инновационной парадигмы, об особенностях новых управленческих моделей, таких как «цифровое правительство», о месте и роли инновационной политики в системе национальных приоритетов, о принципах и возможных механизмах взаимодействия бизнеса, государства и науки.

Описание научной проблемы. В эпоху глобальных изменений, связанных с появлением цифровых технологий, развитием цифровой экономики и, как следствие, продвижением модели управления «цифрового правительства», происходит модернизация управления инновационными процессами в сторону большей открытости, гибкости, цифровизации всех процессов. В этой связи управление национальными инновационными системами также подвергается изменениям. Данная проблема становится особенно актуальной в ситуации запроса на повышение эффективности политического управления.

Формирование нового «инновационного уклада» сопровождается новыми явлениями в экономической сфере, которые связаны с современными вызовами научно-технического прогресса, кардинальными инновационными преобразованиями и, конечно же, с цифровизацией экономики. Их воздействие на экономику и общественную жизнь очень велико и требует глубокого концептуального осмысления, оценки развития, последствий и перспектив. От этого зависит эффективность управления не только экономическими процессами, но и всеми сферами жизни общества. В этой связи на повестке дня – вопрос современной модели управления, а именно: функционирования модели «цифрового правительства» в условиях построения национальной инновационной системы, её возможностей и пределов, преимуществ и недостатков.

Для политической науки вопросы повышения качества и эффективности политического управления представляют собой важную научную проблематику. В контексте обеспечения технологического прорыва разработка национальной модели «цифрового правительства» важна ещё и по той причине, что национальная инновационная система, по сути, уже начинает базироваться на основе цифровой экономики. И если наша страна этот путь начала и по ряду направлений имеет отдельные успехи, то мировая практика свидетельствует о примерах государств, демонстрирующих завершённые проекты реализации проектов «цифрового правительства» (примеры Сингапура, США). Ответы на вызовы цифровизации и измене-

ний, происходящих как в политической сфере, так и в социально-экономических отношениях, представляют собой научную проблему ряда исследовательских направлений, часть из которых развивается и в рамках политической науки. Исследовательская задача состоит в том, чтобы проанализировать модель «цифрового правительства» в условиях современных реалий инновационной парадигмы развития в контексте последних достижений четвёртой промышленной революции.

Государство, бизнес и наука, являясь главными акторами национальной инновационной системы, выстраивают диалог для реализации своих проектов. От слаженности их взаимодействия зависит успех, по сути, всей инновационной системы. В контексте реализации концепции «цифрового правительства» открытое правительство, использование цифровых платформ для оперативного взаимодействия, для решения сложных задач, участие общественности и корпоративного управления являются требованиями к правительствам, желающим «оставаться на связи» с предпринимательскими и научными структурами [1]. В этой связи происходит процесс преобразования «электронного правительства» в «цифровое правительство», которое можно рассматривать как следующий этап в повышении эффективности управления.

Однако приходится констатировать, что в настоящий момент концепция «цифрового правительства» в отечественной политической науке пока не разработана, особенно слабо исследованы социокультурные аспекты внедрения цифровых технологий в политику и управление, связь «цифрового правительства» с развитием национальной инновационной системы и человеческого капитала.

Что же касается исследования «цифрового правительства» в рамках функционирования национальной инновационной системы, то, как правило, учёные ограничиваются исследованиями процесса разработок новых технологий и управления ими (исследование моделей пяти поколений инноваций, NBIC-технологии) [2]. Вопросы, связанные с моделью «цифрового правительства» в указанном аспекте, как правило, не рассматриваются как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях.

Таким образом, новизна данного исследования связана с анализом использования новой модели управления, а именно модели «цифрового правительства» в контексте построения национальной инновационной системы с учётом современных достижений в области цифровой среды.

Методологическая основа исследования. Методология данного исследования базируется на ряде подходов, которые могут быть использованы при анализе инновационных процессов. Концепция национальной инновационной системы будет использована автором для анализа инновационной сферы с системных позиций. Учитывая национальные составляющие, связанные с особенностями истории и культуры, параметрами разви-

тия российского общества, также будет задействован социокультурный подход.

Особенности концепции «электронного правительства» в управлении инновационными системами. Концепция «электронного правительства» возникла как результат тенденций конца XX века: с одной стороны, серьёзное реформирование государственного управления в целях повышения эффективности, а с другой – развитие информационно-коммуникационных технологий. В странах-лидерах технологического уклада были пересмотрены традиционные модели и методики управления в связи с рядом причин, среди которых можно отметить рост спроса на повышение качества предоставляемых услуг, повышение эффективности госаппарата, падение доверия со стороны населения к институтам власти. Таким образом, повышение производительности, ориентация на потребителя, децентрализация, ориентация на результат стали принципами нового государственного управления. «Концепция электронного государства» стала следующим этапом в модернизации государственного управления и методом преодоления «информационного разрыва» между уровнями государственной власти, средствами обеспечения гибкости и адаптивности госуправления. В качестве направлений электронного правительства принято выделять электронное администрирование (e-Administration), электронное взаимодействие с гражданами (e-Services), развитие информационного общества (e-Society).

Проанализировав период реализации концепции «электронного правительства» с позиции инновационной политики, можно сделать вывод, что на этот этап приходится использование модели инноваций четвёртого поколения. Для инноваций первого поколения, преобладающих в 1950-е – сер. 1960-х гг., характерна информационная модель, в которой научно-технический прогресс ориентируется на последовательный процесс: от появления идеи до выхода готового продукта на рынок (линейная модель инновационного процесса). Для следующих двух поколений инноваций (второе поколение: кон. 1960-х – нач. 1970-х гг.; третье поколение: нач. 1970-х – сер. 1980-х гг.) характерна прагматическая модель, в центре внимания которой оказывается запрос инноваций со стороны рынка и коммерциализация научных исследований. При этом третье поколение инноваций связано с усложнением инновационного процесса, что является следствием научно-технического прогресса. Быстрое развитие научных знаний и их внедрение в производственный процесс и быденную жизнь даёт основание заявлять о зарождении четвертого поколения инноваций (с сер. 1980-х гг. до сер. 2000-х гг.). В этой модели происходит трансформация принципов взаимодействия акторов инновационной сферы, усложняются прямые и обратные связи, акцент смещается в сторону параллельной деятельности интегрированных групп специалистов, работающих одновременно над идеей по нескольким направлениям.

Глобальное использование информационно-коммуникационных технологий в рамках государственного управления становится относительно новой тенденцией, которая распространяется во многих странах мира. Его эффективное использование не только приносит много материальных и нематериальных благ, но и помогает участию государств в современных цепочках создания стоимости знаний. В этой связи можно согласиться с точкой зрения, что «электронное правительство» рассматривается как стимул инновационных преобразований и развития публичного управления» [3, 123]. Возможности «электронного правительства» стали дополнительным фактором инновационного развития. Неудивительно, что внедрение этой концепции в государственное управление в 2008 году [4] сопровождалось принятием ряда важнейших решений в инновационной политике. Так, к примеру, в том же году была принята Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [5], а через несколько лет была принята «Стратегия инновационного развития...» [6], а в один из базовых законов, связанных с реализацией инновационной политики [7], были внесены поправки. Все эти документы были призваны ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития, а также определить цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики на базе новых возможностей в сфере информационно-коммуникационных технологий. В частности, к ним можно отнести:

- обеспечение открытости функционирования национальной инновационной системы;
- широкое внедрение в деятельность органов государственного управления современных инновационных технологий;
- повышение активности инновационного бизнеса и ускорение появления новых инновационно-активных компаний на базе современных технологий;
- снижение издержек в ходе осуществления инновационного развития;
- повышение эффективности управления основных акторов инновационного процесса.

В качестве центрального принципа реализации управления инновационной системой предполагался сетевой подход, потенциал которого стал постепенно использоваться для совместной деятельности общества, бизнеса и науки для выработки решений стратегического развития.

Также важно отметить, что в 2002 году Михаил Роко и Уильям Бейнбридж впервые описали взаимодействие информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки, после чего возник термин «NBIC-конвергенция» (N – нано; B – био; I – инфо; C – когно). Необходимо отметить, что в настоящее время не все направления «NBIC-конвергенции» развиваются одинаково. Приходится констатировать, что наиболее развитой частью «NBIC-конвергенции» являются информацион-

но-коммуникационные технологии, так как именно IT-сфера обеспечивает другие составляющие конвергенции большим количеством необходимого инструментария. Это достигается за счёт компьютерного моделирования различных процессов и работы с большими массивами данных. Другими словами, информационно-коммуникационные технологии дали сильный толчок к развитию других направлений для появления в их сферах инноваций. Эти изменения породили появление нового термина – «цифровое правительство», который стал отражать последние достижения и порождающие возможности в цифровой сфере.

Концепция «цифрового правительства» в контексте управления национальной инновационной системой. Независимо от политических или экономических условий государства, скорость и степень развития и влияния цифровых технологий всё больше и больше ощущаются во всех сферах жизни общества. Концепция «электронного правительства» постепенно стала сменяться концепцией «цифрового правительства». Примечательна в этой связи позиция Европейского союза, который рассматривает «цифровое правительство» и цифровую экономику как наиболее значимые драйверы для инноваций и повышения конкурентоспособности. Цифровая трансформация характеризуется сочетанием новейших технологий и инновационных бизнес-моделей через взаимодействие [8].

На этот период приходится развитие пятого поколения инноваций (с сер. 2000-х гг. по наст. вр.). Данная модель характеризуется как интегрированная, основными чертами которой являются межфункциональные, мультиинституциональные сетевые особенности инновационного процесса. Здесь же мы наблюдаем распространение возможностей электронного пространства, формирование цифровой среды, а также становление и дальнейшее развитие концепции «цифрового правительства» как управленческой модели.

Трансформация моделей поколений инноваций в XX и XXI вв. показывает систематическое усложнение инновационных процессов, перевод части инновационной деятельности в цифровое пространство. В условиях постоянной борьбы за лидерство на международной арене, а также в условиях кризисов (к примеру, экономического или финансового) развитие цифровой платформы рассматривается как основа для будущих инноваций.

Первичные проявления цифровизации стали следствием поиска решений в области снижения себестоимости производства любого вида продукции и предоставления услуг, в результате чего была сформирована концепция принципиально новой индустрии – Индустрии 4.0, в основе которой лежат достижения процесса цифровизации.

Выделим основные характеристики национальной инновационной системы в условиях её управления «цифровым правительством»:

- цели: на основе внедрения новых технологий оперативное принятие решений, повышение эффективности их выполнения, использование новых способов обработки больших данных;

- главные «ценности»: наукоёмкие технологии, определяющие вектор экономического и социального развития, а также человеческий капитал;

- в основе национальной инновационной системы (НИС): информационно-телекоммуникационные технологии, формирующие цифровое пространство, в котором осуществляются инновационные процессы;

- преобладающий принцип взаимодействия акторов НИС - сетевой, он носит открытый характер, проявляющийся в объединении усилий государственного начала, предпринимательского сектора и научного сообщества, а также посредников, консорциумов, что активизирует развитие связей и образует кооперационные цепочки.

Важно отметить, что с развитием цифровизации меняется и парадигма мышления восприятия инновационных процессов. Что же меняется с «внедрением цифры»? Дело в том, что ещё недавно производители создавали новый продукт и выводили его на рынок, задумываясь в первую очередь о внедрении последних научных разработок в новую продукцию. С развитием цифровой сферы и активным использованием её достижений производители делают ставку на последующую модернизацию произведённой продукции с помощью внедрённых в неё датчиков, которые передают информацию в единый сервер. Получая большой объём данных, программное обеспечение оперативно его анализирует и благодаря искусственному интеллекту моделирует предложения по совершенствованию текущей продукции.

А кроме этого, в эпоху цифрового мира появляется еще одна схема работы – плата не за само изделие, не за его ремонт и обслуживание, а за физические часы его работы. К примеру, если воспользоваться прокатом велосипеда в крупных городах, то система будет высчитывать, сколько минут наездил пассажир, потом система переводит информацию в денежный эквивалент с учетом амортизации и выставляет счет. Плата взимается только за наезженные «мили». В случае с энергетической системой плата будет взиматься за то количество мощности, которое было потреблено, и т. д.

Такую парадигму восприятия можно обозначить «продукт как услуга».

Как новая парадигма влияет на функционирование национальной инновационной системы государства и управление ею?

Во-первых, развитие «умных технологий» становится аксиомой управленческих решений. И если ещё не так давно дискуссии о необходимости скорейшего развития цифрового управления подвергались сомнению, то сегодня это становится приоритетом каждого экономически развитого государства. Можно с полной уверенностью говорить, что «цифровое

правительство» становится важной составляющей национальной инновационной системы, от эффективности работы которого зависит успешность инновационного развития.

Во-вторых, существенное влияние на инновационное развитие оказывает фактор использования и анализа больших данных, получаемых в результате внедрения «умных технологий» в производимую продукцию. При этом необходимо понимать, что создание «умных технологий» связано с проведением целенаправленной научно-технической политики государства. Именно научно-техническая политика становится драйвером для многих отраслей экономики, так как от её достижений зависит эффективность других направлений производственного сектора.

В-третьих, как следует из предыдущего вывода, уровень финансирования научной сферы должен быть высоким и составлять большой процент от ВВП. Сфера науки становится стратегическим звеном в цепочке создания новейших технологий. Причем такой подход должен разделяться как государством, так и предпринимательским сектором.

В-четвёртых, скорость модернизации технологий увеличивается в разы, что связано с оперативной обработкой больших данных, получаемых от «умных технологий». В этой связи быстрота принимаемых решений, отвечающих запросам реальности, также должна осуществляться со стороны управленческих структур государств. По сути, «цифровое правительство» становится, с одной стороны, центром принятия решения, а с другой – драйвером инновационных процессов.

В-пятых, создавая новую платформу – цифровую платформу – «цифровое правительство» формирует особую среду для «выращивания» инноваций. Для этой среды характерна своя парадигма мышления, в ней функционируют свои правила «игры», преобладают свои ценностные принципы.

С полной уверенностью можно утверждать, что основой развития производства на данный момент выступает цифровизация технологических процессов. Именно она сегодня является базой формирования передовых производственных технологий, которые создают новые рынки и целые отрасли, способствуют росту производительности труда, повышению конкурентоспособности. Неслучайно страны-лидеры технологического уклада активно продвигают концепцию «цифрового правительства». Для продвижения своих национальных инновационных систем государства активно разрабатывают различные меры поддержки новых производственных технологий. Являясь лидером в области производства промышленного оборудования, Германия акцентировала внимание на совершенствовании процессов и нормативном регулировании (а не на создании новых структур), а Китай сконцентрировал своё внимание на технологиях, которые снижают зависимость от трудовых ресурсов [9]. При этом для всех стран в приоритете находятся «умные технологии».

Здесь примечателен опыт Сингапура, который буквально за несколько десятилетий превратился в одно из самых конкурентоспособных и динамично развивающихся государств. Цифровые технологии в прямом смысле слова пронизывают большую часть сфер жизни общества. В начале 2000-х годов правительство Сингапура сделало ставку на информационные технологии, активно развивая собственный инновационный бизнес и привлекая в эти направления международных партнёров. По мнению Б. Хатчинсона, в настоящее время Сингапур реализует модель «умного города» версии 3.0, так как проводит комплексную стратегию внедрения передовых производственных технологий, а в инфраструктуру крепко встроены информационные технологии [10]. Однако наравне с выдающимися достижениями исследователи отмечают определённые недостатки реализации подобных проектов. К примеру, И.А. Василенко обращает внимание на то, что в ходе осуществления проекта «умной нации» теряется культурная составляющая этих процессов. Так, «культ техники, точных наук и предпринимательства обернулся тем, что литература и искусство, фундаментальные научные исследования перестали интересовать сингапурцев: за полвека в обществе не сложилось ни одной научной, музыкальной, литературной, художественной или поэтической национальной школы» [11].

Уроки для России. Развитию «цифрового правительства» и «цифровой экономики» в России уделяется особое внимание. Премьер-министр российского правительства М.В. Мишустин обозначил данное направление как центральное во всех сферах жизни общества, а каждому профильному министерству дал указание создать отдельный департамент по цифровому обеспечению. На реализацию национального проекта «цифровая экономика» отведено значительное финансирование, что свидетельствует о его значимости для страны. С какими проблемами сегодня сталкивается Россия и что пока не удаётся решить?

«Цифровое правительство» связано с развитием новейших технологий, так как базируется на достижениях науки в сфере цифровой среды. Однако важно понимать, что, кроме технической составляющей, не менее важным аспектом является социокультурный фактор. Дело в том, что можно внедрять самые сложные разработки, но они всё равно будут управляться людьми, которые живут в определённом государстве, у которого своя история, культура и, как следствие, свой социокультурный код. В этой связи нельзя принимать какую-либо модель «цифрового правительства» за универсальную, имеющую исключительно положительные характеристики.

По официальным данным Росстата, количество инновационно активных предприятий уже долгое время не поднимается выше 10 %. Развитие цифровой среды и цифрового управления может стать благоприятной средой для увеличения данного показателя за счёт более открытого и простого

взаимодействия предпринимательского, государственного и научного секторов.

Немаловажным фактором выступает система механизмов стимулирования инновационной деятельности. К традиционным методам стимулирования в области налоговой сферы или классических механизмов концессии и государственно-частного партнёрства постепенно добавляются новые возможности, которые связаны с доступом к «большим данным», с возможностью их анализировать с помощью искусственного интеллекта и использовать полученную информацию для модернизации текущих продуктов.

Однако если в российской действительности не сложилась «культура» инновационной деятельности со стороны предпринимателей, если для них не созданы эффективные и понятные механизмы стимулирования этого направления, то даже с развитием цифрового пространства, целевые показатели в сфере инновационной политики скорее всего будут достигнуты не в полной мере.

Здесь важно отметить, что если для многих стран проект создания цифровой среды рассматривается как политический и экономический вопрос, то в России создание цифровой среды является в первую очередь идеологической составляющей, которая как бы сама по себе должна заставить предпринимательский сектор не только быть вовлечённым в цифровую систему по тем же самым политическим и экономическим причинам, но и осознать необходимость развивать собственные инновации.

Ставка на разработку собственных технологий и их активное внедрение в производственный сектор должна стать не только государственной задачей, но и задачей для предпринимательского сектора. Исследователи отмечают, что международные инновационные компании стараются активно развивать цифровые технологии как для производства, так и для коммуникации, используя для этого цифровые каналы связи как наиболее предпочтительные [12].

Несмотря на все предпринимаемые меры, в настоящее время в России остаётся высоким уровень «цифровой» асимметрии. Для решения данной проблемы возможно задействовать механизмы кластерной политики.

Технологии сами по себе являются источником усложнения, их влияние, преимущества и недостатки в настоящее время ещё поняты не всеми заинтересованными сторонами. Мировая практика показывает, что многие проекты, направленные на создание «цифрового правительства», не реализуются либо реализуются частично: «30 % проектов оцениваются как неудачные, 50–60 % – частичный провал вследствие перерасхода выделенных средств и несоблюдения плановых сроков. Успешными являются лишь менее 20 % всех проектов» [13]. Точно так же до конца не определены последствия развития и внедрения новейших технологий, их влияние на человека, на его систему ценностей и мировоззрение.

Важный фактор успешной реформы - это объективность применяемой системы оценки и закрепление возможностей независимого оценивания. Во многом этого можно достичь за счёт вовлечения широких слоёв населения в данные процессы, выстраивание механизмов контроля со стороны общественности, а также за счёт повышения цифровой грамотности.

Подытоживая данную статью, можно сделать вывод, что переход от концепции «электронного правительства» к концепции «цифрового правительства» сопровождается рядом трансформаций, направленных, в первую очередь, на более открытый способ взаимодействия государства и бизнеса, науки и бизнеса, государства и общества. Новая парадигма восприятия инновационных процессов оказывает серьёзное влияние на функционирование национальной инновационной системы: меняются принципы взаимодействия её основных акторов.

И если концепция «электронного правительства» в основном уделяла внимание предоставлению услуг в электронном виде, вовлечению большего количества субъектов в электронное пространство, то концепция «цифрового правительства», продолжая основной лейтмотив концепции «электронного правительства», отличается рядом специфических черт, главная из которых состоит в формировании государства как цифровой платформы.

Список литературы

1. Evans A.M. and Campos A. (2013). Open government initiatives: Challenges of citizen participation, J. Policy Anal. Manag., Vol. 32, №1. P. 172–185.
2. National nanotechnology Initiative – Past, Present, Future. – Dr. M.C. Roco / US National Science Foundation and National nanotechnology Initiative, March 2007; Alton Parish. Production and Applications of Carbon Nanotubes, Carbon Nanofibers, Fullerenes, Graphene and Nanodiamonds: A Global Technology Survey and Market Analysis. February 2011.iRAP Innovative Research and Products Inc. [Электронный ресурс]. URL: http://www.innoresearch.net/report_summary.aspx?id=77&pg=531&rcd=ET-113&pd=2/1/2011 (дата обращения: 13.11.2020).
3. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство как вектор инновационных государственных преобразований в России // Вестник РУДН. Политология. 2016. № 4. С.121–129.
4. Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года (одобрена распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р).
5. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р).

6. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» (от 21 июля 2011 г. №254-ФЗ).

7. Там же.

8. European Commission // [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/digitaltransformation_en (дата обращения: 13.11.2020).

9. Дежина И. Передовые производственные технологии: место России // Экономическое развитие России. 2014. № 2. С.47–50.

10. Сингапур // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intelligentcommunity.org/singapore> (дата обращения: 13.11.2020).

11. Василенко И.А. «Сингапурское чудо» в фокусе политического анализа: искушение и разочарование в азиатской хай-тек утопии // Власть. 2018. №6. С. 169–175.

12. Leonard K.M., Van Scotter J.R., Pakdil F., Chamseddine N.J., Esatoglu E., Gumus M. [et al.]. Examining media effectiveness across cultures and national borders: A review and multilevel framework // Int. J. of Cross Cult. Manag. 2011. Vol. 11. №1. P. 83–103.

13. Болдырева Л.Б. Коммуникация правительства и предпринимательских структур и проблемы создания «цифрового правительства» // E-Management. 2020. №1. С. 75–85.

Курсанова Екатерина Геннадиевна, канд. полит. наук, преподаватель, e-kirsanova@mail.ru, Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

FORMATION OF THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM OF MODERN RUSSIA: THE ROLE OF «DIGITAL GOVERNMENT»

E.G. Kirsanova

The article analyzes the role of the «digital government» in the formation of the national innovation system in modern Russia. The author pays attention on the fact that in the era of global changes associated with the emergence of digital technologies, the development of the digital economy and, as a result, the promotion of the «digital government» management model, the management of innovative processes is being modernized in the direction of greater openness, flexibility, and digitalization of all processes. The author also focuses on the fact that by creating a new platform—a digital platform, the «digital government» creates a special environment for «growing» innovations. This environment is characterized by its own paradigm of thinking, it has its own rules of the «game», and its own value principles prevail.

Key words: «digital government», «e-government», digital environment, digital platform, national innovation system, innovation policy, innovation paradigm, innovation, science and technology policy, post-industrial world.

Kirsanova Ekaterina Gennadiievna, candidate of political sciences, lecturer, e-kirsanova@mail.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University.

ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПРОТИВОБОРСТВА НА ПРИМЕРЕ СМИ РОССИИ И США

Н.Б. Белугина, Л.В. Рязанова

Представлены результаты прикладного исследования технологий конструирования виртуальной политической реальности, выраженной в дискурсе противоборства России и США. Исследуются ведущие приемы формирования политического дискурса на примере трех кейсов: вхождение Республики Крым в состав РФ, война в Сирии, выборы Президента США в 2016 году. Установлено, что в интернет-изданиях России наиболее выраженными являются дискурсы, отражающие в отношении к США образы холодной войны и страны-агрессора с помощью механизмов стереотипизации и дегуманизации. В интернет-изданиях США наиболее выраженными являются дискурсы, отражающие «нелегитимность» действий российского руководства путем стереотипизации, упрощения и примитивизации рассмотренных проблем. Кроме того, использование метода дегуманизации при конструировании образа России нацелен на формирование негативных установок в отношении России.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурс-анализ, виртуальная политическая реальность, политическая коммуникация, информационное противоборство, манипуляция.

Российско-американские отношения со времен Советского Союза, а затем и РФ то носили союзнический характер, то обострялись в период холодной войны. В новейшей истории переломным моментом в отношениях между странами стала мюнхенская речь Президента России В. Путина в 2007 году [1], в которой Президент обозначил недопустимость однополярной модели мира и роль России в изменившейся конфигурации сил на мировой арене. Спустя десять лет, в 2017 г., организаторы Международной конференции по безопасности в Мюнхене представили доклад «Постправда, пост-Запад, постпорядок?» [2], в котором подтвердили тезис о завершении эпохи однополярной конфигурации миропорядка, однако при этом подвергли критике внешнюю политику как США, так и России. По мнению экспертов, непредсказуемость США может пошатнуть систему мировой безопасности, а экономическая политика страны все больше сводится протекционизму. В докладе также были отмечены темы военного вмешательства России в сирийский конфликт и агрессия страны на Украине. Отдельное внимание было уделено феномену фейкньюс (преднамеренно ложные новости), были затронуты тема утечки информации, использования интернет-ботов и другие манипулятивные практики. В качестве примера подобных противоправных действий было приведено вмешательство России в выборы Президента США 2016 года.

В последнее время ситуация между странами обострилась с прекращением действия договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в 2019 году, выходом США из Договора по открытому небу в 2020 году, неопределенностью относительно продления Договора о стратегических наступательных вооружениях, срок которого истекает в 2020 году. Негативное влияние оказали и санкции США против России.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами актуальность приобретает **анализ политического дискурса противоборства** России и США с целью выявления различий репрезентаций виртуальной политической реальности двух стран.

Теоретическая основа статьи состоит из трех блоков. Первая часть объясняет причину проведения исследования в рамках интернет-изданий, вторая заключается в интерпретации используемых понятий, третья направлена на описание инструментария прикладного исследования.

Интернет-издания были нами выбраны для проведения анализа, так как, с одной стороны, они в односторонней направленности по-своему интерпретируют и освещают события, с другой стороны, их функционирование обусловлено рамками интернет-пространства. Интернет-издания отличаются от иных сайтов тем, что они зарегистрированы в Роскомнадзоре, их деятельность регулируется законом «О средствах массовой информации» и они придерживаются принципов журналистики. И несмотря на развитость новых площадок для получения информации, таких как соцсети, блоги, подкасты и т. д., интернет-издания как электронный формат СМИ продолжают оставаться важным источником формирования общественного мнения.

Одним из основных понятий в исследовании является понятие «виртуальной политической реальности». Оно базируется на концепциях «симулякр», что означает копия, оторванная от оригинала [3], «псевдосреда» как упрощенное представление о действительности [4] и «постправда» – «прилагательное, определяемое как относящееся к обстоятельствам или обозначающее обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям» [5]. При этом события, несмотря на неопровержимые доказательства, могут трактоваться в выгодном для их обозревателя ключе. Термин «постправда», по версии составителей Оксфордского словаря, стал словом 2016 года, его актуальность эксперты объяснили контекстом происходящих в указанный период событий (референдум о членстве Великобритании в ЕС и выборы президента США 2016 года).

Теоретическую основу исследования составляет конструктивистский подход, он предполагает познание и интерпретацию реальности с помощью текста и допускает сосуществование множества версий «реальности» (Дж. Келли, Бергер и Лукман) [6]. Манипулятивный потенциал политического дискурса исследуется с опорой на работы Аронсона, Э.Р. Прат-

кинса, С.Г. Кара-Мурзы, Т.В. Евгеньевой, В.В. Кафтана [7–10] и др. авторов о манипуляции общественным мнением.

В последнее время все большее значение и актуальность приобретают скрытые формы воздействия на общественное сознание. В условиях осложнения международной обстановки возрос интерес к проблеме манипуляции. Под манипуляцией понимают определенный «вид психологического воздействия, направленного на побуждение адресата к совершению определенных манипулятором действий в результате скрытого внедрения в психику объекта целей, желаний, намерений, установок, отношений, не совпадающих с теми, которые адресат мог бы сформировать самостоятельно» [11]. В политическом дискурсе речевые стратегии действуют в одном направлении: оказать воздействие на адресата [12], убедить в необходимости тех или иных решений. Путем манипулирования в сознание внедряются идеи, образы, стереотипы, которые могут изменить отношение индивида к определенному предмету, событию, группе явлений, изменить картину мира представителей определенного социума или подкрепить существующие убеждения.

На наш взгляд, принципы конструируемости дискурса в СМИ как следствие виртуальной политической реальности наиболее точно изложил Н. Луман в работе «Реальность массмедиа» [13]. По его мнению, СМИ является отражением и способом формирования реальности на основе анализа и интерпретации событий, а также вследствие работы определенных групп интересов. В результате адресат получает готовую картину мира. Как отмечает Ш. Вебер, «конструктивность» медиа – это тенденция, которая пронизывает средства массовой информации, создающие сознательно и бессознательно свою собственную реальность» [14].

Методологическую основу дискурс-анализа составляют постмодернистские концепции, представленные работами Эрнесто Лакло, Шанталь Муфф, Якоба Торфинга, Марианне В. Йоргенсен, Луизы Дж. Филлипс [15–16]. В рамках данного направления информационное воздействие рассматривается как манипуляция, а контроль над дискурсом открывает доступ к его производству и содержанию. Более того, дискурсы постоянно находятся в состоянии противоборства и конкурируют за установление значений.

В рамках информационно-психологического воздействия субъект может применять аффективное и рациональное ценностное воздействие в политическом дискурсе. Ориентируясь на тип манипулятивного воздействия, в рамках проведения анализа интернет-источников России и США нами были выделены технологии конструирования манипулятивного дискурса, ориентированные на дискредитацию акторов, героизацию, примитивизацию проблемы и стереотипизацию.

Стратегии конструирования дискурса опираются на осознанный субъектом коммуникации выбор речевых категорий, восприятие которых аудиторией обеспечивает соответствующий эффект влиятельности и рас-

пространение дискурсивной практики. Социально-конструктивистская традиция подразумевает, что дискурс конструируется в соответствии с паттернами, которые обуславливают речевые практики в различных сферах, то есть дискурс любого политического актора социально обусловлен [17].

Далее перейдем к прикладной части анализа, он состоит из следующих этапов: отбор кейсов, определение временных интервалов и фильтров исследования, автоматический сбор данных с помощью поисково-аналитической системы «Интегрум», количественный и качественный анализ полученных материалов. При отборе кейсов мы ориентировались на наличие противоположных позиций стран относительно тех или иных событий. В результате нами были выделены следующие темы с целью анализа политического дискурса противоборства России и США:

- присоединение Крыма;
- война в Сирии;
- «вмешательство» России в выборы президента США 2016 года.

Выборка публикаций по датам осуществлялась индивидуально для каждой темы, критерием выступили пики интенсивности поисковых запросов пользователей в Google Trends по ключевым словам Crimea, Syria, United States Presidential election 2016 и фильтрам Russia/United States, Low, Government, News Search.

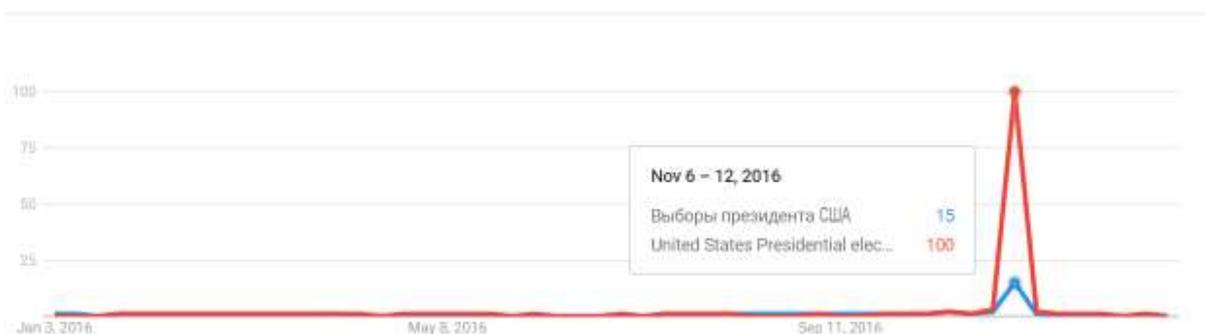

Рис. 1. Динамика информационного потока по теме «Крым» в американском и российском сегментах сети Интернет
(источник – Google Trends)

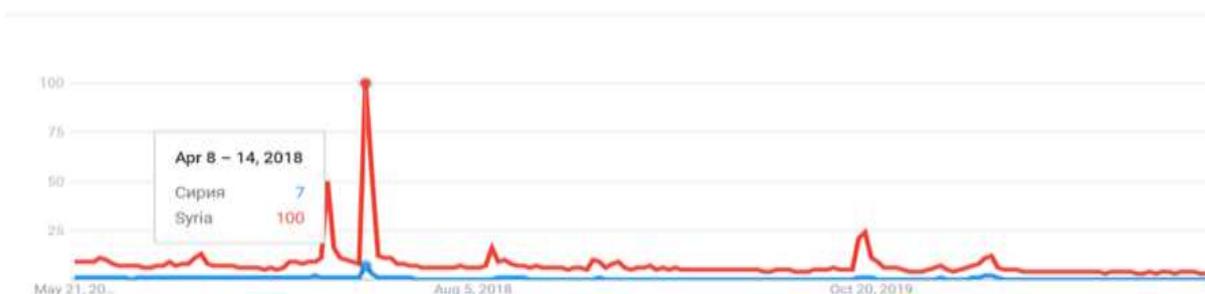

Рис. 2. Динамика информационного потока по теме «Сирия» в американском и российском сегментах сети Интернет
(источник – Google Trends)

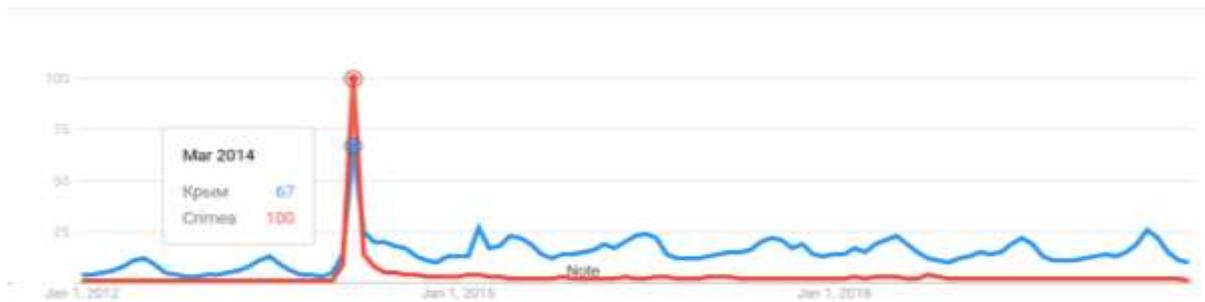

Рис. 3. Динамика информационного потока по теме «Выборы Президента США в 2016 году» в американском и российском сегментах сети Интернет
(источник – Google Trends)

Затем были составлены запросы для отбора сообщений интернет-изданий в поисково-аналитической системе «Интегрум» по фильтрам: дата документа (неделя с даты ключевого события), федеральные интернет-издания, региональные интернет-издания, по популярности. Анализ проводился по первым 100 источникам. Наше исследование билингвально, по этой причине поисковые запросы для «Интегрум» были осуществлены на русском и английском языках.

Кейс «Вхождение Крыма в состав Российской Федерации». В российских СМИ относительно всех кейсов превалирует нейтральная тональность, так как в большинстве случаев сообщения транслируют официальную позицию значимых политических акторов. На данном фоне выделяется позитивная тональность, связанная с присоединением Крыма к России (около 30 % от общего количества сообщений). Однако и негативная тональность также является наибольшей по сравнению с остальными кейсами, так как мировое сообщество активно высказывалось относительно недопустимости аннексии территории.

Анализ сообщений показал наибольший процент рационального и эмоционального ценностного воздействия относительно остальных событий, что связано, с одной стороны, с официальной информацией о вхождении Крыма в состав России, с другой стороны, яркими эмоциями относительно произошедшего события. Среди сообщений с положительной тональностью преобладает стратегия героизации.

Преобладают образы «Крым – наш», «аннексия Крыма», «противостояние России и Запада».

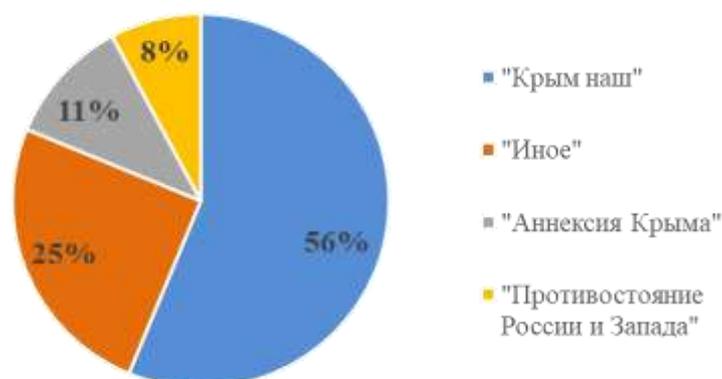

Рис. 4. Распределение сообщений по темам в российских интернет-изданиях, в %

Отмечаются следующие сообщения: «Мы вместе!», «Одна страна – один народ!», «Крым, с возвращением!», «Крымчане, мы вместе с вами!» [18].

В сообщении в контексте аннексии Крыма сообщается: «То, что состоялось сегодня в Москве, не имеет ничего общего ни с демократией, ни с правом, ни со здравым смыслом», - добавил Перебейнос» [19].

«Ожидается, что Россия быстро сделает шаги к аннексии Крымского полуострова, невзирая на колоссальный ущерб для ее отношений с Западом» – пишет «Financial Times» [20].

Наибольшей негативной тональностью обладают сообщения, отобранные по запросу «США и Крым». В них российские интернет-издания через призму собственного видения ситуации обозначают позицию мирового сообщества.

Основной манипулятивный инструмент – эмоциональная стереотипизация. Например, следующая цитата предваряет анализ выдержек из статьи главы МИД Великобритании и трансформирует тональность текста в негативную. Кроме того, в цитате формируются образы войны и врага, задействуется механизм стереотипизации. «Как трудно жить на свете, когда с Россией никто не воюет», - эти ставшие знаменитыми слова произнес премьер Британии лорд Пальмерстон. Произошло это незадолго до начала Крымской войны 1853–1856 года [21]. Количество сообщений с негативной тональностью увеличивается и некоторыми публикациями с российской стороны.

«Во время подведения результатов референдума по присоединению Крыма к России, в итоговой передаче «Вести недели» ведущий Дмитрий Киселев пригрозил США ядерным взрывом в случае усугубления конфликта с Россией из-за Крыма» [22].

Преобладают образы «санкции», «аннексия Крыма», «Крым наш», «противостояние России и Запада».

В дискурсивных практиках интернет-изданий США после референдума 2016 года доминирует тема «незаконного» присоединения Крыма к России. Наиболее заметным является конструирование образа России как агрессора и захватчика украинских земель (см. рис. 5).

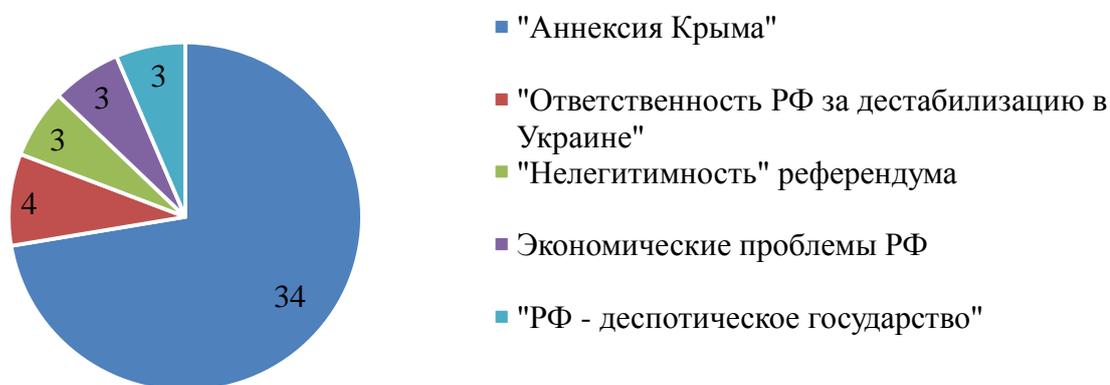

Рис. 5. Распределение сообщений по темам в интернет-изданиях США, в %

В рамках рассматриваемого периода акцент был сделан на двух аспектах: во-первых, Россия в публикациях выступает как вооруженный захватчик и агрессор, во-вторых, указывается на «нелегитимность» референдума. Об этом свидетельствуют следующие цитаты:

«We reject the 'referendum' that took place today in the Crimean region of Ukraine» White House press secretary Jay Carney said. «This referendum is contrary to Ukraine's constitution, and the international community will not recognize the results of a poll administered under threats of violence and intimidation»[23].

«The Russian occupation has brought relations between the West and Russia to their lowest point in years» [24].

Для конструирования образа захватчика использовались аффективные механизмы воздействия с упором на внедрение образа захватнической стратегии России и, в частности, дегуманизацию вооруженных сил РФ. Особо ярко это проявляется в публикациях, посвященных переходу авиабазы Бельбек на сторону правительства Автономной Республики Крым (АРК) в марте 2014 года:

«With a burst of automatic weapons fire and stun grenades, Russian forces in armored personnel carriers on Saturday broke through the walls of one of the last Ukrainian military outposts in Crimea, then quickly overpowered Ukrainian troops armed only with sticks» [25].

Таким образом, после референдума по вопросу вхождения Крыма в состав РФ значительное внимание было сфокусировано на конструировании негативных оценок действий руководства и вооруженных сил РФ. Отметим, что 59 % сообщений, отражающих тему присоединения Крыма, имеют негативную тональность в отношении России и конструируются вокруг «аннексии Крыма» [26] как основополагающего концепта.

Кейс «Война в Сирии». Результаты анализа сообщений по данному запросу показали отсутствие сообщений с положительной тональностью. По данному кейсу небольшое количество сообщений без манипулятивной или оценочной составляющей.

Преобладают сообщения с механизмами эмоциональной стереотипизации и дегуманизации. *«Наши отношения с Россией сейчас хуже, чем когда-либо, включая холодную войну. Для этого нет оснований. России с её экономикой нужна наша помощь», - написал Трамп в своём Twitter [27].*

«Россия обещает сбивать любые ракеты, выпущенные по Сирии. Готовься, Россия, они прилетят. Они будут хорошие, новые и «умные»! Не надо поддерживать животное, которое убивает газом своих граждан и получает удовольствие!» – написал Трамп [28].

В интернет-изданиях преобладают образы противостояния США с Россией, «холодной войны». В источниках опровергается применение химического оружия в Сирии, Россия показана как сильная страна, а США – воинственная. Большое внимание уделено теме санкций.

В отличие от «крымского кейса», в американских СМИ относительно войны в Сирии прослеживается воспроизводство гуманистических претензий к России. При помощи технологии дегуманизации конструируется образ России как «страны, поддерживающей зверский режим, убивающий своих граждан». Наиболее частым является аффективный прием ценностного воздействия без апелляции к доказательствам. Наиболее часто используемыми маркерами являются слова «животное», «животный», «агрессор», «агрессия».

Характерным примером конструируемого дискурса служит следующая цитата: *«As we've said, Russia ultimately bears responsibility for the brutal targeting of countless Syrians with chemical weapons. Russia's protection of the Assad regime and failure to stop the use of chemical weapons in Syria calls into question its commitment to resolving the overall crisis» [29].*

США предстают в публикациях государством, которое борется за справедливость. В большинстве материалов СМИ используется такая технология конструирования дискурса, как «метод общего вагона», указывающая на то, что все западное цивилизованное сообщество не может мириться с действиями Президента Башара Асада и поддерживающей его Российской Федерации. Информационный поток в отношении США ха-

рактируется позитивно-нейтральной модальностью со смешанным (эмоционально-рациональным) ценностным воздействием.

Кейс «Выборы Президента США в 2016 году». «Россия и выборы Президента США 2016» - это второй после запроса «Россия и Крым», который набирает большее число позитивной тональности, чем другие. Второе событие по наличию манипулятивного воздействия после запроса «Россия и Сирия». Как и в запросе «Россия и Крым», тут присутствует стратегия героизации события, россияне и представители власти радуются избранию президента США как значимому событию для России. «На заседании Госдумы новость об избрании Трампа встретили аплодисментами» [30], «жители Рязани подписали петицию о переименовании улицы в честь Трампа» [31], «Минкульт одобрил выбор американцев и переделал часть куплета о Винни-пухе в его честь» [32]. «Трамп – друг», «перезагрузка отношений», «Трамп непредсказуем», «вмешательство в выборы – фейк».

В сообщениях на тему «США и выборы президента США» преобладают стратегии примитивизации и героизации. Стратегии примитивизации выражаются в подобных сообщениях: «Австралийцы предлагают заменять фото Трампа в новостях бургером» [33] из-за названия бургера известной компанией в честь Трампа, «в Красноярске амурская тигрица и белый медведь предсказывали победу на выборах». К стратегии героизации относится следующее сообщение: *«Сейчас, когда по всей Америке идут антитрамповские демонстрации, порой перерастающие в беспорядки, когда сторонники Клинтон набрали уже два миллиона голосов под требованием пересмотреть итоги выборов, я, Артём Игоревич Майнас, считаю, что это очень важно здесь - в России, в Обнинске, поддержать избранного законно нового президента США»* [34].

Американские информационные потоки о выборах 2016 года в рассматриваемый период в большей степени ориентированы на внутренние политические процессы. Однако имеет место обвинение России во вмешательстве в выборы в США: т. н. «российские хакеры» отмечены в 18 % публикаций. Вместе с тем, по теме выборов преобладают нейтральные высказывания о России, в отличие от двух предыдущих кейсов.

Особенностью современных политических процессов является возрастание и усложнение информационных потоков в кризисных ситуациях. Поэтому информационное столкновение политических акторов в ходе медийного освещения событий в условиях информационного противоборства означает продолжение политического доминирования ненасильственными (информационно-психологическими) действиями. Для оценки агрессивности СМИ по каждому рассмотренному кейсу мы рассчитали индекс агрессивности (ИА) (рис. 6). Исследование индекса агрессивности базируется на

качественно-количественном контент-анализе материалов СМИ и позволяет различать уровни информационной опасности для государства [35].

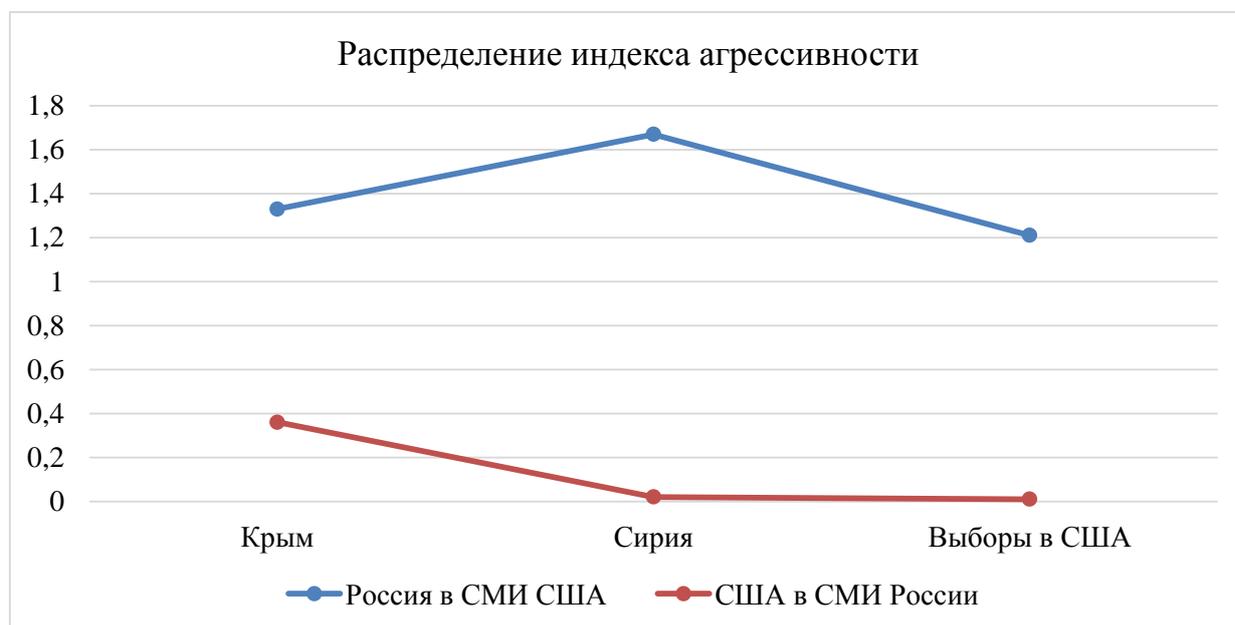

Рис. 6. Распределение индекса агрессивности СМИ России и США

По результатам анализа можно констатировать, что материалы американских СМИ в отношении России были более негативными. ИА материалов СМИ по теме вхождения Крыма в состав РФ равен 1,33. По войне в Сирии – 1,67, индекс агрессивности по теме выборов в США составил 1,21. Образ США в российских СМИ конструируется менее агрессивными методами, что выражается в меньших значениях индекса агрессивности. Для сравнения: 0,36 по «крымскому кейсу», 0,02 – по теме войны в Сирии и 0,01 – по теме выборов Президента США в 2016 году.

Таким образом, проведенный дискурс-анализ позволяет сделать ряд выводов:

- в российских интернет-изданиях «образ врага» в лице США формируется с помощью технологий стереотипизации и дегуманизации;
- по итогам общей оценки дискурса в российских источниках было выявлено, что негативная повестка в отношении Соединенных Штатов нивелируется позитивной оценкой результатов выборов президента США 2016 года;
- американские медийные потоки в отношении России отличаются большей агрессивностью и использованием аффективных механизмов формирования манипулятивного дискурса;
- в американском сегменте интернет-изданий наиболее заметен дискурс дискредитации России и формирование образа России как «агрессо-

ра» и «захватчика» при помощи методов дегуманизации и примитивизации мотивов действий руководства РФ.

Список литературы

1. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10.11.2016).
2. Munich Security Report 2017 Post-Truth, Post-West, Post-Order? [Электронный ресурс]. URL: https://securityconference.org/assets/02_Dokumente/01_Publikationen/MunichSecurityReport2017.pdf (дата обращения: 10.11.2016).
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
4. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
5. Post-truth // Oxford learners dictionaries. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/post-truth> (дата обращения: 10.11.2016).
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Academia-центр, Медиум, 1995. 334 с.
7. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2015. 219 с.
9. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им. Спецкурс по политической психологии. СПб.: Питер, 2007. 112 с.
10. Кафтан В.В., Супонова К.В. Современные информационно-коммуникативные технологии измененного состояния массового сознания // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. №2. С. 20–26.
11. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
12. Кафтан В.В. Постмодернистские основания репрезентации современной войны // Гуманитарные науки. 2015. № 3. С.58–65.
13. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Практика, 2005. 256 с.
14. Weber Stefan. Was heißt «Medien konstruieren Wirklichkeit»? Von einem ontologischen zu einem empirischen Verständnis von Konstruktion / Weber Stefan // Medienimpulse. Beiträge zur Medienpädagogik. Heft 40. 2002. 1S2 p. / цит по. Володенков С.В., Чулков Д. И. Политические коммуника-

ции как инструмент конструирования современной социально-политической реальности // Русская политология. 2018. №4 (9). С. 3–7.

15. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance/ edited by D. Howard and J. Torfing. Palgrave Macmillan Ltd, 2005.

16. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков, 2004.

17. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. М. : “Медиум”, 1995. 323 с.

18. Юбилейный поддержал Крым // [Электронный ресурс]. URL: <https://mosobl.er.ru/activity/news/yubilejnyj-podderzhal-krym> (дата обращения: 10.11.2020).

19. Подписанное в Москве решение о вхождении Крыма в состав РФ не правомерно МИД Украины // Олигарх.Net [Электронный ресурс]. URL: <https://oligarh.net/?/news/47625/> (дата обращения: 10.11.2020).

20. После окончания референдума ожидается, что Россия быстро примет меры для аннексии Крыма // INOPRESSA.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inopressa.ru/article/17Mar2014/ft/annex.html> (дата обращения: 10.11.2020).

21. В Британии появился "поджигатель". Глава МИД Альбиона готов воевать с Россией чужими руками // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/03/23/lord-site.html> (дата обращения: 10.11.2020).

22. «Россия-1» способна превратить США в радиоактивный пепел // В частности (vchastnosti.ru) [Электронный ресурс]. URL: <http://vchastnosti.ru/news/5530/> (дата обращения: 10.11.2020).

23. Obama to Putin: Crimea vote doesn't count // USA Today. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2014/03/16/russia-crimea-ukraine-referendum-sanctions/6493837/> (дата обращения: 10.11.2020).

24. Ukraine Naval Commander Released; EU Mulls Further Sanctions. // Dow Jones & Company. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/ukraine-naval-commander-released-amid-standoff-with-pro-russia-forces-1395315810> (дата обращения: 10.11.2020).

25. Russian forces storm one of the last Ukrainian military outposts in Crimea // The Washington Post. [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/monitors-set-to-deploy-to-ukraine-to-try-to-contain-crisis/2014/03/22/742e4898-b1a4-11e3-a49e-76adc9210f19_story.html (дата обращения: 10.11.2020).

26. Брега А.В. Политико-правовые аспекты вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации: между легальностью и легитимностью // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. №1. С.84–89.

27. Дональд Трамп назвал отношения с Россией самыми плохими за всю историю // Gslimansky.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://gslimansky.ru/donald-tramp-nazval-otnosheniya-s-ross/> (дата обращения: 10.11.2020).

28. Трамп пообещал нанести ракетный удар по Сирии // Диалог topdialog.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://topdialog.ru/2018/04/11/tramp-siriya/> (дата обращения: 10.11.2020).

29. Dozens dead in reported gas attack in Syria // News on your side [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wowt.com/content/news/Dozens-dead-in-reported-gas-attack-in-Syria-479081293.html?ref=293> (дата обращения: 10.11.2020).

30. Дональд Трамп – 45-й президент США // Столетие.Ру [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/na_pervuiu_polosu/donald_tramp_45-j_prezident_ssha_850.htm (дата обращения: 10.11.2020).

31. Жители Рязани подписали петицию о переименовании улицы в честь Трампа Vlasti.Net (Санкт-Петербург) [Электронный ресурс]. URL: <https://newizv.ru/news/society/14-11-2016/249011-zhiteli-rjazani-predlozhili-pereimenovat-ulicu-bezbozhnuju-v-ulicu-trampa> (дата обращения: 10.11.2020).

32. Минкульт России выразило свое мнение о победе Трампа песней Винни-Пуха // [Электронный ресурс]. URL: <https://news.sputnik.ru/muzyka/d9c2f35c65572c206ea23f2b1f9fcbbbc41d3c0a> (дата обращения: 10.11.2020).

33. «Австралийцы предлагают заменять фото Трампа в новостях бургером» // FreeBrowsers.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://freebrowsers.ru/news/2251/> (дата обращения: 10.11.2020).

34. Обвинцы выйдут на улицу, чтобы поддержать Дональда Трампа // KP40.ru (Калуга) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp40.ru/news/society/40742/> (дата обращения: 10.11.2020).

35. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России: моногр. / Рос. ин-т стратег. исслед. М.: РИСИ, 2015. 230 с.

Белугина Надежда Борисовна, аспирант, belugina.nb@gmail.com, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Рязанова Лилия Вячеславовна, аспирант, LVRyazanova@fa.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

VIRTUAL POLITICAL REALITY CONSTRUCTION TECHNOLOGIES: DISCURSIVE PRACTICES OF INFORMATION WARFARE ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND US MEDIA

N.B. Belugina, L.V. Ryzanova

The article presents the results of an applied study of technologies for constructing virtual political reality, expressed in the discourse of the confrontation between Russia and

the United States. The methods of the formation of political discourse are analyzed on the example of three cases: the Accession of the Republic of Crimea in the Russian Federation, the war in Syria, the election of the President of the United States in 2016. It has been established that the most pronounced discourses in the Internet in Russia reflect the images of the Cold War and the aggressor country in relation to the United States with the help of stereotyping and dehumanization mechanisms. The most pronounced discourses in Internet publications in the United States reflect the “illegitimacy” of the actions of the Russian Federation using stereotyping, simplifying and primitivizing the problems. In addition, the use of the dehumanization techniques for constructing the image of Russia is aimed at the formation of negative attitudes towards Russia.

Key words: political discourse, discourse analysis, virtual political reality, political communication, information warfare, manipulation.

Belugina Nadezhda Borisovna, postgraduate, belugina.nb@gmail.com, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Ryazanova Liliya Vyacheslavovna, postgraduate, LVRyazanova@fa.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

УДК 323.2: 004.738.5

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10402

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

М.В. Ильичева

На основе анализа взаимодействия государства и гражданского общества в цифровой реальности исследован процесс трансформации деятельности органов государственной власти. Определены основные направления и проблемы трансформации. Сделан акцент на определение более эффективных форм обратной связи между структурами государственной власти и гражданским обществом.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, цифровая реальность, публичная власть.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-31357 «Технологии управления доверием к власти, упреждения угроз и вызовов региональной социально-политической стабильности».

Цифровая реальность меняет не только само гражданское общество и его институты, но и публичную власть в лице ее, прежде всего, государственных структур, а также формирует новые модели взаимодействия между данными структурами и гражданским обществом. В международ-

ных документах именно на национальные, региональные и местные государственные органы возлагается ведущая роль в развитии электронного управления, анализе вызовов (рисков) и разработке ответных мер [1].

Трансформацию деятельности органов государственной власти под влиянием цифровой реальности можно рассматривать по ряду направлений:

1. Представители структур государственной власти активно используют в своей деятельности цифровые ИКТ, что повышает ее эффективность (например, создание электронных порталов госуслуг; сайтов органов государственной власти в Сети и пр.); это позволяет сделать данные о деятельности указанных структур открытыми, прозрачными. Существуют и определенные требования к созданию сайтов органов государственной власти (общая информация, информация о видах деятельности, в том числе и о нормотворческой деятельности, тексты выступлений руководителей, статистическая информация, информация о режиме работы, контакты и пр.). Так, на сайте Министерства финансов Российской Федерации [2; 3] размещена информация о Министерстве, его деятельности, принятых документах, проектах документов, исполнении судебных актов, статистика, обращения граждан, новостная информация о Министерстве; освещается работа открытого правительства (использование в работе Министерства принципов открытого государственного управления). Министерство, как и иные госструктуры, строит свою работу на основе «Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти на 2020 год». Все основные моменты раскрытия информации госструктур в этой Концепции отражены. Аналогично построены и сайты региональных органов власти.

Госструктуры в настоящее время широко представлены и в социальных сетях (так, Минфин России имеет свои аккаунты в Instagram, Facebook, Twitter, ВКонтакте). Но это не исключает того, что в деятельности госструктур имеет место и информация ограниченного доступа, не подлежащая широкой огласке (государственная тайна, персональные данные и иная информация, ограниченный доступ к которой регулируется соответствующими нормативными правовыми актами).

Внедрение цифровых ИКТ в деятельность органов государственной власти не только позволяет сделать доступ граждан к государственным услугам более оперативным, комфортным, но и способствует повышению эффективности работы самих госструктур (в частности, происходит сокращение управленческого аппарата за счет введения электронного документооборота, уменьшения трудозатрат госслужащих на рутинные операции и поиск необходимой информации, автоматизации основных управленческих процессов).

По расчетам экономистов, благодаря цифровым технологиям экономия временных затрат может составлять от 46,2 % до 66,2 % рабочего времени [4], а за счет создания единой системы электронного взаимодей-

ствия (что имеет место в настоящее время во всех структурах государственной власти) удастся увеличить согласованность работы как отдельных подразделений, так и всей организации государственной власти [5].

2. Создаются более эффективные формы обратной связи между структурами государственной власти и гражданским обществом (обратная связь с гражданами, институтами гражданского общества, выделенная на сайтах госструктур; формирование специальных площадок для оперативной связи государственных структур с гражданским обществом), которые значительно увеличивают доступность, оперативность и пр. такой связи (каждый желающий может оставить свой комментарий, задать вопрос, написать обращение).

Вместе с тем открытость информации, возможность оперативного обращения еще не гарантируют гражданам автоматического повышения для них эффективности деятельности госструктур. Нередко при обращении в тот или иной орган государственной власти включается бюрократический «круговорот»: например, одно министерство пересылает (опять же, используя цифровые ИКТ) обращение гражданина другому министерству, а то – третьему или отписывается общими фразами. И даже публичное освещение этой бюрократической переписки в Сети еще не гарантирует адекватной реакции государственных властей, хотя государственная информационная система предполагает оценку качества принятых соответствующими органами власти мер (более того, формируется и статистика, на основе которой оценивается качество работы того или иного органа государственной власти).

3. Формируются специальные электронные площадки (сервисы) для совместного решения социально значимых проблем представителями гражданского общества и государства (в таких случаях нередко используется технология краудсорсинга). Примеры таких площадок достаточно вариативны: теледемократия (например, применена в некоторых городах Финляндии) [6]; государственная информационная система (в России это – «Электронная демократия»); интернет-площадки в субъектах Российской Федерации («Добродел» – в Подмосковье; «Активный гражданин» – в Москве и пр.). Использование таких площадок дает ряд положительных эффектов: создание все большей открытости деятельности госструктур, непосредственная связь публичных властей с гражданским обществом, в том числе в целях лучшего ознакомления с потребностями последнего, при положительных решениях проблем граждан повышается их доверие к государственной власти и осознание действенности воздействия гражданского общества на эту власть.

Одновременно выстраивание отношений госструктур и гражданского общества на цифровой основе может иметь и иную, негативную модель: утаивание информации, игнорирование обращений граждан через Сеть, принятие решений, противоречащих интересам большинства населе-

ния региона, и пр. Таким образом, применение цифровых ИКТ может напрямую не влиять на характер реализации государственной власти, хотя, безусловно, цифровая реальность представляет бóльшие возможности для гласности и формирования общественного мнения. Поэтому важно, чтобы электронное управление имело «отношение к демократическому управлению, а не к чисто техническим вопросам», а «потенциал электронного управления будет задействован, только если ИКТ будут вводиться параллельно с изменениями в структуре, процессах и методах организации работы государственных органов» [1].

Вместе с тем при применении цифровых ИКТ возникает ряд проблем, которые носят принципиальный характер и влияют на существенные признаки как государственной власти, так и функционирования гражданского общества. Выделим некоторые из них: 1) формирование сетевого общества; 2) переход от представительной к прямой демократии; 3) цифровизация государства, выражаемая понятием «электронное государство».

Цифровые ИКТ повлияли на коммуникационные процессы в обществе и, как следствие, на его структуру, что выразилось в понятии «сетевое общество». Несмотря на то, что в научной литературе нет единого подхода к его трактовке, тем не менее можно выделить ряд общих признаков, которые отражены в указанном понятии. Сетевое общество строится на сетевых структурах. Но необходимо уточнить прежде всего само понятие «сетевая структура». Сеть как совокупность связей и взаимодействий существовала еще и до появления цифровых ИКТ. Но данные технологии обусловили ряд новых моментов в понимании сетевых структур:

- сетевые структуры формируются вокруг и на основе цифровых ИКТ в процессах коммуникаций (Интернет становится основой формирования сетевых структур), без указанных ИКТ сетевое общество будет иным; их акторами являются пользователи Сети, которые образуют совокупность интернет-сообществ, формируемых по разным основаниям (интересам); но сетевые структуры не сводятся только к построению коммуникаций в цифровой реальности, параллельно с этим происходит формирование определенных мировоззренческих позиций, выработка консенсуса на основе широких обсуждений или наоборот расхождение точек зрения (отсюда многомерность структуры сетевого общества). Но при этом коммуникации в Сети рассматриваются как ценность высшего порядка;

- взаимодействие в таких структурах строится на доминировании горизонтальных связей, в отличие от вертикальных связей, которые преобладают в организационном строении государства, а также ряда институтов гражданского общества (например, в организационном строении ряда партий). Причем в некоторых случаях такие связи оказываются сильнее вертикальных (особенно когда речь идет о мобилизационном потенциале Сети); сетевое общество децентрализовано, это общество массовой «самокоммуникации»;

- особенности самих сетевых структур, которые весьма точно были описаны М. Кастельсом: «гибкость», как способность перенастраиваться под влиянием изменившихся условий; «масштабируемость» – «способность к уменьшению или увеличению в размерах с наименьшими потерями», «живучесть» – способность сетей, используя вариативные конфигурации, противостоять атакам [7, с. 68]; к этому следует добавить неопределенность границ данного общества; формирование коммуникаций в цифровой реальности (вне живого тактильного контакта); при этом сетевое взаимодействие должно быть достаточно устойчивым, способным поддерживать процессы коммуникации;

- глобальный характер сетевого взаимодействия, но и возникновение в связи с этим в ряде случаев противоречий между глобальностью взаимодействий и локальностью;

- быстрота и оперативность ответных реакций; постоянное поддержание сетевых взаимодействий;

- коммуникации вне сформированных государством социальных структур;

- стирание границы между личной и публичной жизнью.

Оценки сетевого общества различны. Некоторые авторы, как, например, М. Кастельс, полагают, что основу современного общества составляют именно сети. Более того, и государство постепенно становится сетевым государством [7, с. 84]. Но тот же Кастельс говорит о власти в Сети, сетевой власти, власти Сети, сетесозидающей власти, понимая, что только горизонтальные связи не конституируют сетевое общество. Кроме того, сетевое общество формируется вокруг информации и на основе информации, но, продолжая идеи Н. Лумана, важно указать, что «информация предполагает отбор из репертуара возможностей» [9, с.197]. Но есть ли действительно возможность такого отбора в сетевом обществе или этот отбор навязан членам данного общества? Здесь возникает проблема манипуляции общественным сознанием в Сети.

В ситуации формирования сетевого общества государство вынуждено меняться, приспосабливаясь к этому обществу, но и одновременно трансформировать его. Так, некоторые авторы говорят о проактивной позиции государства, предполагающей, что последнее, не дожидаясь запросов граждан, действует на опережение, удовлетворяя эти запросы. В связи с этим имеет место ситуация, когда государственная власть реагирует на конкретный запрос, не решая проблему в целом. И все это может происходить достаточно оперативно на основе сетевого взаимодействия государственной власти и гражданского общества.

Наряду с понятием сетевого общества существует понятие сетевого государства. В научной литературе сложились два основных подхода к его трактовке.

Первый подход исходит из того, что сетевое государство в своем функционировании децентрализовано, вертикаль власти в нем отсутствует или явно не выражена, а само государство построено как сетевая модель. В основу его управления положены горизонтальные связи. М. Кастельс характеризует такое государство следующими признаками: «разделение суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления», «подвижность управленческих процедур», «большое разнообразие пространственно-временных отношений между правительством и гражданами» [7, с. 86]. К этому следует добавить, что основу мощи сетевого государства составляют мощь его сетей, а именно: их параметры, доступность, готовность населения к работе в сетях и пр. Сетевое государство предполагает и наличие бюрократии, способной применять «технологии "сетевых решений", включающую систему независимых субъектов публичного менеджмента, взаимодействующих друг с другом с целью выработки единого оптимального решения» [8, с. 49].

Гражданское общество и государственные структуры в сетевом государстве в равной степени привлечены к принятию управленческих решений (центр управленческих решений может быть перемещен в Сеть). Если исходить из сервисной концепции государства, то структуры государства и институты гражданского общества, обладающие необходимыми компетенциями, конкурируют между собой за право предоставления публичных услуг. Государство уходит из сферы оказания таких услуг, которые эффективно может предоставить гражданское общество. Так, главными принципами сетевого государства являются «децентрализация государственной власти и развитие горизонтальных связей, минимизация государственных функций, компетентностный принцип управления» [8, с. 49].

В рамках национального государства сетевое государство характеризуется преобладанием горизонтальных связей, но означает ли это прекращение связей вертикальных, иерархически выстроенных? Представляется, что вертикальные связи не исчезают, в противном случае исчезнут признаки государства как такового, но меняется система властных отношений. Она строится на широком привлечении горизонтальных связей. Одновременно проявляются и иные формы властных отношений (доминирования) с новыми акторами, к числу которых М. Кастельс относит акторов, представляющих сетесозидающую власть (по его мнению, это программисты и так называемые «переключатели», управляющие работой Сети) [7, с. 93]. Между тем существующее традиционное государство не исчезает. Оно осваивает Сеть и стремится ею управлять. Но конкретные механизмы, конфигурации такого управления во многом зависят от развитости и характеристик самого сетевого общества.

Отношение к сетевому государству разных авторов неоднозначное. Среди них есть те, которые выражают негативное отношение к нему. Так, Л.С. Мамут отмечает, что данное государство «феномен фантастический»

постольку, поскольку всякое государство строится «сообразно принципу иерархии» [13, с. 10]. В сетевом государстве иерархия как таковая отсутствует. Отсюда следует, что формирование сетевого государства в принципе невозможно, так как «исчезает» само государство.

Некоторые авторы в сетевом государстве видят отголосок Российского государства 1990-х годов, когда в государственном управлении была популярна идея децентрализации, воплощение которой поставило на грань выживания само единство государства [8, с. 49].

Вместе с тем есть и авторы, выражающие позитивное отношение к идее сетевого государства. Более того, Л.В. Голоскоков утверждает, что «российское государство уже начало преобразовываться в "сетевое" государство в соответствии с концепциями строительства информационного общества» [12].

Есть и позиция промежуточная, исходящая из того, что построение сетевого государства возможно, только если будут созданы для этого определенные условия (прежде всего необходимо наличие «творческой бюрократии» и компетентного гражданского общества), а «попытки создания институциональных форм, отвечающих критериям сетевого государства, без надлежащих предпосылок приведут лишь к разрушению государственности» [8, с. 49]. А.Г. Кравченко констатирует в связи с этим, что в России такие предпосылки не созданы. Либеральная модель сетевого государства, считает автор, не подходит для нашей страны. Следовательно, необходимо адаптировать эту модель для российской действительности. Однако государство, как и всякий социальный феномен, не находится в статике, а требует динамичного развития в соответствии с теми изменениями, которые происходят в окружающем мире. Возможно, что вектор его изменений будет направлен и на постепенное формирование сетевого общества.

Наряду с описанным подходом к трактовке сетевого государства существует и *второй подход*, фактически отождествляющий сетевое государство с государством, применяющим цифровые технологии, что, как представляется, не корректно. Когда речь идет о сетевом государстве, тогда акцент делается не столько на использование цифровых технологий, сколько на организационную специфику управления в нем. Феномены «сетевое государство» и «электронное («цифровое») государство» являются пересекающимися, но не совпадающими. Сетевое государство в современном понимании стало формироваться на основе цифровых ИКТ, но к ним не сводится. Речь идет о последствиях их применения для государства и гражданского общества.

Электронное государство следует рассматривать в рамках более широкого феномена электронного управления, то есть обеспечения государственных полномочий с помощью информационных технологий. При этом электронное управление может быть направлено на построение как

модели государства с доминированием горизонтальных связей (включая и передачу ряда публичных функций саморегулируемым организациям гражданского общества), так и модели с доминированием вертикальных связей (более того, цифровизация может укрепить вертикаль власти).

Существует и подход, который можно рассматривать как промежуточный: в нем построение электронного государства рассматривается как первый шаг на пути формирования сетевого государства. Так, электронное государство создается «в целях обеспечения интерактивного участия и прозрачности принимаемых решений, а также для улучшения демократических взаимоотношений и выстраивания демократического диалога между гражданами и государством» [10; 14, с. 53], а его построение тождественно формированию новой модели демократии - цифровой демократии [11, с. 25].

Следует согласиться с позицией А.С. Киселева, который полагает, что по своему функциональному предназначению электронное государство можно рассматривать с точки зрения «средства коммуникации между обществом и государством; модели деятельности государства в условиях модернизации государственного аппарата; поддержки экономического, правового, политического, административного и гражданского единства страны; возможного альтернативного способа оказания государственных услуг в электронной форме; системы управления государственным аппаратом власти, которое осуществляется в электронной форме» [10].

Сами по себе цифровые технологии не делают государство ни более демократичным, ни более «прозрачным». Указанные технологии могут активно внедряться и при жесткой авторитарной власти, а «прозрачность системы госуправления, ее дебиюрократизация, декоррупционность, подконтрольность не достигаются простым подключением к системе Интернет» [15].

Несмотря на принимаемые государством меры, проблемы взаимодействия гражданского общества и публичных властей в цифровой реальности (и не только в цифровой реальности) остались:

- внедрение цифровых ИКТ не идет параллельно с развитием цифровой демократии; официально принятые меры по развитию данной демократии во многом носят декларативный характер и реализуются формально;

- акцент в электронном государстве делается на оказание госуслуг, а не на развитие электронной демократии;

- отсутствует системное взаимодействие публичной власти и институтов гражданского общества, действенные механизмы такого взаимодействия не созданы, а существующие во многих случаях не эффективны.

На наш взгляд концепцию электронного государства следует рассматривать не как технократический проект, а как проект, направленный на дальнейшее развитие принципов демократии, в котором электронные

технологии нацелены на наиболее полную реализацию указанных принципов; нельзя сводить электронное государство только к процессам цифровизации государственных и муниципальных услуг, это лишь одна из форм взаимодействия публичной власти и граждан, гражданского общества. В оценку качества государственного управления целесообразно заложить показатели практики взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества в цифровой среде. Нельзя не отметить, что при этом сами цифровые технологии открывают большие возможности для реализации электронного публичного управления на принципах развития демократии. Но воспользуется ли публичная власть и гражданское общество такими возможностями, зависит не от самих ИКТ, а от принимаемых политических решений, развитости данного общества. Вместе с тем можно утверждать, что по мере развития цифровых ИКТ горизонтальные связи становятся все более значимыми, способными достаточно эффективно влиять на функционирование и дальнейшее развитие государственной власти.

Список литературы

1. Рекомендация № Rec(2004)15 Комитета министров Совета Европы «Об электронном управлении» (принята 15.12.2004 на 909-м заседании представителей министров) // Консультант Плюс. 01.10.2020
2. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения: 01.10.2020).
3. Министерство финансов Российской Федерации. Электронный бюджет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minfin.ru/ru/performance/ebudget/> (дата обращения: 01.10.2020).
4. Вольская Т.Е. Дигитальные информационно-коммуникационные технологии в управлении персоналом образовательных организаций высшего образования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2019. №2. С.17–20.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.09.2010 № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (вместе с «Положением о единой системе межведомственного электронного взаимодействия») (редакция от 04.09.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 20.09.2010. № 38. Статья 4823; Консультант Плюс. 01.10.2020.
6. Федосеева Н.Н. Демократия в информационном обществе // Журнал российского права. 2007. №6 (126). С. 11–17.
7. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич; предисловие к изданию 2013 года А.А.Архиповой; под научной редакцией А.И. Черных. 2-е издание, дополненное. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.

8. Кравченко А.Г. Концепция сетевого управления государством в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. №1. С.48–50.

9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / под ред. Н.А. Головина; пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Издательство «Наука», 2007. 643 с.

10. Киселев А.С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства // Актуальные проблемы российского права. 2018. №6 (91). С.32–39.

11. Азизов Р.Ф. Электронное правительство как элемент электронного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. №4 (35). С.22–27.

12. Голоскоков Л.В. Сетевое законодательство: концепция развития // Информационное право. 2006. №4 (7). С.11–14.

13. Мамут Л.С. «Сетевое государство»? // Государство и право. 2005. №11. С.5–12.

14. Понкин И.В. Концепт электронного государства в рамках новой системы публичного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки. 2013. №4. С.52–58.

15. Тарасов А.М. Электронное правительство: понятие и система // Право и кибербезопасность. 2013. №2. С.10–21.

Ильичева Мария Валерьяновна, магистр права, mary9110@mail.ru, Россия, Москва, благотворительный фонд «Приоритеты роста»

TRANSFORMATION OF BETWEEN THE STATE AND SOCIETY IN DIGITAL REALITY

M. V. Ilyicheva

Based on the analysis of the interaction between the state and civil society in digital reality, the author investigates the process of transformation of the activities of state authorities. The author defines the main directions and problems of transformation, emphasizes the identification of more effective forms of feedback between the structures of state power and civil society.

Key words: civil society, state, digital reality, public authority.

Ilyicheva Maria Valerianovna, Master of Laws, mary9110@mail.ru, Russia, Moscow, Charitable Foundation "Priorities for Growth"

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323.2

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10403

ГОСУДАРСТВО И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ В РЕГИОНАХ

А.В. Федотов, М.В. Ильичева

Анализируется сложившаяся система государственной поддержки гражданского общества в регионах. Отмечается динамика роста финансирования социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО). Авторы представили предложения по дальнейшему развитию системы государственной поддержки институтов гражданского общества в регионе.

Ключевые слова: государство, институты гражданского общества, государственная поддержка.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-31357 «Технологии управления доверием к власти, упреждения угроз и вызовов региональной социально-политической стабильности»

В политологической литературе встречается следующая точка зрения: в экономически развитых странах институты гражданского общества берут на себя ответственность за предоставление соответствующих услуг населению страны, обходясь в целом без какой-либо ощутимой поддержки со стороны публично-правовых структур. Этому способствует, с одной стороны, внушительное финансирование таких институтов частными спонсорами. С другой стороны, это же позволяет государственным, местным бюджетам не брать на себя весь груз ответственности за реализацию социальных инициатив и проектов. Кроме того, любые бюрократические барьеры оказания своевременной помощи нуждающимся лицам негативно влияют на качество их социальной поддержки [1]. Однако эта точка зрения не корректна, так как в действительности многие современные институты гражданского общества финансируются публично-властными структурами.

Например, в США, странах-членах Евросоюза широко представлена правительственная поддержка указанных институтов, в том числе и таких, которые оппонируют структурам публичной власти (например, за недостатки в организации мер по защите окружающей среды, борьбе с коррупцией, в соблюдении прав, основных свобод человека и гражданина и пр.).

«Доля государственной поддержки некоммерческих организаций составляет 76,5 % доходов НКО в Бельгии, 59 % в Нидерландах, около 30 % в США, 20-40 % в странах Восточной и Центральной Европы» [3]. В целом в экономически развитых странах государственное финансирование НКО может составлять 50 % их дохода (для сравнения: в России в среднем – 5 %), остальную часть формируют доходы от деятельности (35 %) и пожертвования (15 %) [19]. Несмотря на то, что в вопросах финансирования институтов гражданского общества за рубежом наметились существенные позитивные сдвиги (стало больше частных, прежде всего корпоративных доноров; установилась достаточно эффективная практика грантовой поддержки победителей конкурсов социальных инициатив и проектов и пр.), проблематика развития механизмов поддержки НКО и иных институтов гражданского общества по-прежнему актуальна.

С учетом специфики гражданского общества, одним из условий укрепления материально-технической базы его институтов должно стать разнообразие источников финансирования. Это одна из важнейших гарантий независимости гражданского общества как значимого компонента действующей системы общественных отношений.

Для поддержания в России устойчивого развития организаций и движений, образующих гражданское общество, необходимо существенно повысить уровень их ресурсного обеспечения. О низком уровне такого обеспечения свидетельствуют следующие данные: так, согласно Росстату, немногим более 7,5 тыс. российских СО НКО (т. е. 5,3 %) имеют в собственности нежилое помещение (здание), «еще около 32 тыс. СО НКО безвозмездно пользуются нежилым помещением, находящимся в государственной, муниципальной или частной собственности, а 26 тыс. организаций арендуют нежилые помещения. У 71 489 организаций, т. е. свыше половины, вообще нет помещения» [18].

Что касается иных показателей такого обеспечения, то позиции независимых экспертов, представителей публично-властных структур по данному вопросу различаются. Например, по мнению В. Ворожихина, «мы можем оценить ресурсы, поступающие в распоряжение НКО, в интервале 125–250 млрд руб., т. е. 0,5-1,0 % ВВП России. С учетом численности вовлеченных в НКО граждан (10–15 млн чел.) и численности самих НКО (359 тыс.) такое ресурсное обеспечение следует признать очень низким, не покрывающим в достаточной мере реализацию тех целей, ради которых граждане объединяются» [3]. Представленным показателям оппонируют данные Росстата, отличимые от выше приведенных (данные приведены за 2012 год) (рисунок):

Источники поступления средств СО НКО (в % к общему объему поступлений)¹

В свою очередь, по обнародованным Фондом развития гражданского общества данным, в том же 2012 году «на государственную поддержку НКО в России было выделено 4,7 млрд руб. (из них 1 млрд руб. - на гранты Президента России). В 2013 году сумма поддержки увеличилась: в федеральный бюджет заложено 8,285 млрд руб. на поддержку "третьего сектора" (из них 2,37 млрд руб. - на Президентские гранты)» [6].

Вызывают вопросы и цифры, касающиеся СО НКО, опубликованные Росстатом применительно к 2015–2017 гг. Так, по этим данным, общий объем доходов СО НКО в 2015 году составил 686 млрд руб., в 2016 году – 831 млрд руб. и в 2017 году – 848 млрд руб. В том числе доходы от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав – 261 млрд руб., поступления от российских коммерческих организаций – 199 млрд руб., поступления, гранты от российских физических лиц – 113 млрд руб., поступления из федерального бюджета – 43 млрд руб., поступления из бюджетов субъектов Российской Федерации – 38 млрд руб. Членами Общественной палаты Российской Федерации было замечено, что «столь внушительные цифры не согласуются с имеющимися сведениями об общем объеме экономики реального некоммерческого сектора» [9]. В частности, по этим данным сложно определить, «какие именно организации обеспе-

¹ Подготовлен авторами по данным Росстата за 2012 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/>. (дата обращения: 01.11.2020).

чивают такие показатели, какая часть этих средств проходит через те СО НКО, которые действительно созданы для реализации некоммерческих проектов. Ведь, к примеру, муниципальные учреждения, созданные в форме НКО, могут получать финансирование в рамках госзаданий, однако его нельзя относить к финансовым показателям собственно некоммерческого сектора» [9]. И с доводами Общественной палаты сложно не согласиться.

Е. Манукян, ознакомившись с данными Росстата за 2019 год, делает вывод, что большую часть своих доходов отечественные некоммерческие организации «зарабатывают собственными силами или получают от пожертвований граждан и организаций. В общей сложности около 70 %. И только 14 % от них составляют бюджетные средства, полученные в виде грантов, государственных и муниципальных субсидий. Общая выручка некоммерческого сектора за 2019 год составила более 862 млн рублей, сумма практически не изменилась с 2018 года. А вот расходы в 2019 году увеличились и, в основном, за счет индексации заработных плат сотрудников» [10].

В целом подтверждается динамика за 2012-2019 гг., и в среднем бюджетные средства в общем финансировании СО НКО составляют 14–15 %.

По данным Общественной палаты Российской Федерации, составившей Региональный рейтинг третьего сектора «Регион - НКО», по показателям «поддержка СО НКО, предоставляемая регионами» позиции топ-5 занимают: Чукотский автономный округ, Тюменская область, Красноярский край, Республика Татарстан, Республика Алтай. «Данные регионы лидируют по доле поддержанных СО НКО от их общего числа в регионе, по объему поддержки, выраженной в доле ВРП, направляемой на поддержку СО НКО, и по объему поддержки проектов по развитию инфраструктуры СО НКО» [12]. Так, доля поддержанных СО НКО от их общего числа в регионе в Алтайском крае составляет 6,3 % от их общего числа (29 действующих в регионе СО НКО). «Среднее значение по Российской Федерации - 0,14 %. По объему поддержки, выраженной в доле от ВРП, лидирует Чеченская Республика (0,51 % ВРП). Среднее значение по Российской Федерации - 0,042 %» [12]. Показатель РС(Я) по доле поддержанных СО НКО составляет 2,7 балла по 5-балльной системе, что равно среднему показателю по регионам.

Одновременно с этим следует обратить внимание на Рейтинг, составленный совместно Минэкономразвития России и АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Он также касается поддержки в регионах СО НКО и социального предпринимательства.

Представленный Рейтинг позволяет выделить следующее: регионы - лидеры; регионы - кандидаты на лидерство; регионы со средним уровнем; регионы, делающие первые шаги к успеху; регионы с наибольшим потенциалом роста (таблица) [8].

Результаты расчета Рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2019 год

Место в рейтинге	Субъект Российской Федерации	Итоговое количество рейтинговых баллов
Регионы - лидеры		
1	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	45,63
2	Республика Татарстан	44,35
3	Ямало-Ненецкий автономный округ	35,58
4	Хабаровский край	35,11
5	Ярославская область	34,97
6	Самарская область	34,64
7	Республика Саха (Якутия)	32,63
8	г. Москва	31,70
9	Тюменская область	31,53
Регионы – кандидаты на лидерство		
10	Республика Адыгея	30,80
11	Краснодарский край	30,42
12	Пермский край	29,83
13	Мурманская область	29,49
14	Челябинская область	28,58
15	Сахалинская область	28,58
16	Рязанская область	28,32
17	г. Севастополь	27,25
18	Чувашская Республика	26,94
19	Республика Хакасия	26,92
20	Кемеровская область	25,04
21	Костромская область	24,78
22	Республика Удмуртия	24,44
23	Ленинградская область	24,43
24	Оренбургская область	23,79
25	Республика Башкортостан	23,64
26	Воронежская область	23,48
27	Свердловская область	23,48
28	Тамбовская область	23,40
29	Московская область	23,34
30	Ростовская область	23,30
Регионы со средним уровнем		
31	Архангельская область	22,30
32	Пензенская область	22,11

Продолжение табл.

33	Новосибирская область	21,74
34	Еврейская автономная область	21,20
35	Астраханская область	20,97
36	Республика Калмыкия	20,79
37	Ненецкий автономный округ	20,64
38	Ульяновская область	20,61
39	Республика Северная Осетия - Алания	20,50
40	г. Санкт-Петербург	20,30
41	Республика Коми	20,27
42	Волгоградская область	19,67
43	Ивановская область	19,10
44	Омская область	19,00
45	Тульская область	18,55
46	Иркутская область	18,41
47	Калужская область	18,41
48	Кабардино-Балкарская Республика	18,13
49	Магаданская область	17,86
50	Томская область	17,73
51	Камчатский край	17,69
52	Владимирская область	17,47
53	Республика Карелия	17,18
54	Приморский край	17,10
55	Республика Алтай	17,06
56	Республика Мордовия	16,80
Регионы, делающие первые шаги к успеху		
57	Смоленская область	16,43
58	Республика Крым	16,12
59	Липецкая область	15,90
60	Орловская область	15,87
61	Красноярский край	15,66
62	Белгородская область	15,13
63	Амурская область	15,11
64	Тверская область	14,41
65	Калининградская область	14,07
66	Республика Дагестан	13,53
67	Вологодская область	13,38
68	Новгородская область	13,38
69	Забайкальский край	13,35
70	Нижегородская область	12,92
71	Республика Бурятия	12,70
72	Кировская область	12,52
73	Ставропольский край	12,32
74	Алтайский край	11,91
75	Чукотский автономный округ	11,59
Регионы с наибольшим потенциалом роста		
76	Курганская область	9,37

Окончание табл.

77	Карачаево-Черкесская Республика	9,27
78	Саратовская область	9,13
79	Курская область	9,12
80	Республика Марий Эл	8,16
81	Чеченская Республика	7,96
82	Брянская область	7,74
83	Псковская область	6,92
84	Республика Ингушетия	5,10
85	Республика Тыва	2,17

Анализируя результаты приведенных выше рейтингов, можно констатировать, что точные размеры финансовой и пр. государственной поддержки СО НКО, других институтов гражданского общества как на уровне Российской Федерации, так и на уровне конкретных субъектов федерации остаются до конца не проясненными. Вероятно, здесь многое можно отнести к пробелам статистического учета НКО, которые во многом обусловлены тем, что организации некоммерческого сектора, как правило, исследуются без четкого ранжирования на группы по разным критериям, в т. ч. финансовым показателям. С учетом того, насколько разные институты гражданского общества входят в общее число СО НКО, в частности, и НКО, в целом, представленные данные следует признать приближенными к реальности.

Кроме того, явно противоречит реальности и то, что в рейтингах, посвященных поддержке НКО регионами (составленных, соответственно, Минэкономразвития России и Общественной палатой Российской Федерации практически в одно и то же время) лидеры и аутсайдеры фактически поменялись местами. Например, в первом случае Республика Саха (Якутия) определена среди «регионов лидеров», заняв почетное 7 место. А в другом случае она даже не вошла в «двадцатку» ведущих регионов.

В настоящее время государственная поддержка институтов гражданского общества в Российской Федерации не ограничивается одним лишь финансированием их деятельности, а осуществляется в нескольких направлениях. Так, согласно п. 3 ст. 31.1 Федерального закона № 7-ФЗ [17], поддержка СО НКО реализуется, кроме финансовой, также в формах имущественной, информационной, консультационной поддержки, поддержки в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев СО НКО. Кроме того, указанным организациям предоставляются льготы по уплате налогов и сборов, установленные законодателем. Поддержка реализуется и через размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

Так, к числу имущественных льгот могут быть отнесены полная или частичная оплата аренды занимаемого нежилого помещения. Государство

широко использует меры юридической (например, через разъяснения правил предоставления грантов, субсидий НКО, иным институтам гражданского общества, создание реестра НКО и пр.), а также консультационно-методической (например, через информирование о содержании основных методов (программно-целевом, концептуальном и пр.) выстраивания соответствующей практики [4]) поддержки.

В числе мер финансовой поддержки широко используется грантовое финансирование, сопряженное с проведением конкурсов, по результатам которых наиболее перспективные проекты и инициативы получают дополнительные денежные ресурсы от государства, и т. д. [5]. При этом важно «научиться создавать и поддерживать именно эффективные институты гражданского общества – патриотические, социально ориентированные, которые ценят опыт прошлого и думают о будущем» [11]. Представляется также неприемлемым государственное финансирование деятельности НКО, официально признанных «выполняющими функции иностранного агента» [18], а также тех, главной целью которых де-факто стало лишь получение финансирования от публично-властных структур с возможностью самопиара и избегания необходимости подробно отчитываться перед государственными, муниципальными структурами, на что конкретно потрачены полученные финансовые средства.

Что касается непосредственно Республики Саха (Якутия), то в ней, по мнению авторов, выстроена стройная, упорядоченная системы государственной поддержки СО НКО, иных институтов гражданского общества. В частности, на основании регионального Закона о государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций (далее - Закон) [7], оказание государственной поддержки СО НКО осуществляется в формах: 1) финансовой поддержки; 2) имущественной поддержки; 3) информационной поддержки; 4) осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у СО НКО - исполнителей общественно полезных услуг в порядке, установленном законодательством России о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; 5) предоставления СО НКО льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах; 6) предоставления юридическим лицам, оказывающим СО НКО материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах; 7) поддержки в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров) СО НКО; 8) консультационной и методической поддержки; 9) организационной поддержки (ст. 6 Закона [7]).

Оказание финансовой поддержки СО НКО осуществляется в соответствии с федеральным и региональным законодательством за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, государственного бюджета

Республики Саха (Якутия), местных бюджетов путем предоставления субсидий. Некоммерческим организациям - исполнителям общественно полезных услуг указанные субсидии предоставляются на срок не менее 2 лет (ст. 7 Закона [7]).

Что касается имущественной поддержки СО НКО, то она осуществляется органами государственной власти РС (Я) в пределах их полномочий путем передачи во владение и (или) в пользование таким НКО государственного имущества, которое должно использоваться строго по целевому назначению.

Осуществление информационной поддержки СО НКО реализуется уполномоченным органом исполнительной власти Республики, оказывающим поддержку СО НКО путем создания республиканских информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей и обеспечения их функционирования в целях размещения в них информации о реализации государственной политики в области поддержки СО НКО в РС(Я). Оказание указанной поддержки возможно также путем предоставления СО НКО государственными и муниципальными организациями, осуществляющими теле- и (или) радиовещание, и редакциями государственных и муниципальных периодических печатных изданий бесплатного эфирного времени, бесплатной печатной площади, размещения информационных материалов СО НКО в сети Интернет (ст. 9 Закона [7]).

Оказание поддержки в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров) СО НКО осуществляется органами государственной власти РС(Я) в пределах их полномочий путем оказания содействия в проведении СО НКО форумов, конференций, семинаров, «круглых столов», других научно-просветительских мероприятий, иными не запрещенными законодателем способами (ст. 10 Закона [7]). Консультационная и методическая поддержка СО НКО реализуется органами государственной власти РС(Я) в пределах их полномочий путем проведения консультаций, подготовки методических материалов и инструкций, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий (ст. 11 Закона [7]). Оказание организационной поддержки СО НКО происходит посредством развития инфраструктуры их поддержки в порядке, определяемом Правительством РС(Я). Инфраструктурой поддержки СО НКО выступает система ресурсных центров – специализированных СО НКО, создаваемых и осуществляющих свою деятельность на территории региона, целью которой является оказание информационной, консультационной, методической, образовательной, экспертной и иной поддержки СО НКО (ст. 12 Закона [7]).

Органы государственной власти РС(Я) оказывают содействие органам местного самоуправления по вопросам поддержки СО НКО (ст. 14 Закона [7]). Финансовое обеспечение государственной поддержки СО НКО

осуществляется за счет средств государственного бюджета РС(Я) (ст. 15 Закона [7]).

Конкретные объемы финансовой поддержки СО НКО, иных институтов гражданского общества официально представлены различными госпрограммами РС(Я). Например, на реализацию Государственной программы РС(Я) «Укрепление общероссийской гражданской идентичности и этнокультурное развитие народов в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы» [13] выделяются: в целом на Программу – 598,41937 млн руб., в т. ч. на 2020 год – 107,71479 млн руб.; 2021 год – 108,88079 млн руб.; 2022 год – 108,88079 млн руб.; 2023 год – 134,65800 млн руб.; 2024 год – 138,28500 млн руб.

Апробирован также механизм грантовой поддержки НКО. Например, на уровне региона гранты предоставляются в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных в государственном бюджете РС(Я) в рамках доведенных лимитов бюджетных обязательств на соответствующий финансовый год в государственных программах Республики. С 2020 года учреждены гранты Главы Республики Саха (Якутия) на развитие гражданского общества [15], объединяющие все субсидии и гранты, предоставляемые СО НКО на конкурсной основе из бюджета РС(Я). Общий (годовой) объем грантового фонда поддержки НКО в 2020 году – 56,6 млн руб. [15]. Самый большой объем грантового финансирования направлен на поддержку СО НКО, действующих в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [15].

Сформулируем предложения по дальнейшему развитию системы государственной поддержки институтов гражданского общества в регионе:

1. Необходимо обеспечить отсутствие бюрократических преград для доступа НКО, иных институтов гражданского общества к государственному финансированию. Механизм господдержки должен быть простым, открытым, доступным, транспарентным.

2. Важно усовершенствовать механизмы компенсационных мер (налоговые вычеты, льготы и т. п.) коммерческим организациям, предоставляющих ресурсы СО НКО. Система частного спонсорства этого и других институтов гражданского общества должна иметь позитивную мотивацию.

3. Целесообразно предоставлять ресурсы господдержки не только на реализацию отобранных по конкурсу проектов, инициатив, программ СО НКО, но и на их операционную деятельность.

Для обеспечения реализации указанных предложений требуется:

- сформировать пул некоммерческих организаций-операторов, ответственных за распределение грантов по направлениям + формирование легитимных экспертных советов при них;

- предусмотреть, что эти же НКО-операторы должны выступать в качестве партнеров органов государственной власти, чьи социальные функ-

ции частично (вместе с необходимым финансированием) могут быть переданы СО НКО (например, по линии Министерства просвещения - различные формы внешкольного образования и детского отдыха, по линии Министерства здравоохранения - вопросы ухода за больными и престарелыми гражданами, по линии Министерства внутренних дел - профилактика преступности и безнадзорности несовершеннолетних и т. п.). Аспекты, связанные с определением стратегических приоритетов поддержки СО НКО, а также подготовкой, согласованием и принятием решений по их финансированию должны стать прерогативой региональных (при кураторстве федеральных) органов государственной власти.

Список литературы

1. Civil Society. Dictionary.com [Electronic resource]. URL: <https://www.dictionary.com/noresult?term=civil%2Bsociety&r=66>. (date of access: 01.11.2020).

2. В Якутии выделили гранты на 56 млн рублей для развития гражданского общества // Вести Якутии. - 23.05.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/230350654>. (дата обращения: 01.11.2020).

3. Ворожихин В. Институты гражданского общества в условиях финансового кризиса // Электронное издание «Капитал страны». 15.12.2009 [Электронный ресурс]. URL: capital-rus.ru/articles/article/instytut_grazhdanskogo_obschestva_v_usloviyah_finansovogo_krizisa/. (дата обращения 01.11.2020).

4. Гегедюш Н.С. Подходы к развитию институтов гражданского общества: анализ региональных практик // Власть. 2014. Т.22. №5. С. 28–32.

5. Дмитриев А.С. Роль институтов гражданского общества в современной российской экономике // Эксперт: теория и практика. 2019. № 1 (1). С.48–52.

6. Доклад о развитии институтов гражданского общества в России //«Третий сектор" в России: текущее состояние и возможные модели развития» / Фонд развития гражданского общества. 15.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/mat/20>. (дата обращения: 01.11.2020).

7. Закон Республики Саха (Якутия) от 27.11.2014 1386-З №327-V «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Саха (Якутия)» (принят Постановлением Государственного Собрания /Ил Тумэн/ Республики Саха /Якутия/ от 27.11.2014 3 №328-V; редакция от 23.10.2019) // Консультант Плюс. 01.11.2020.

8. Ключевые критерии составления данного Рейтинга: количество СО НКО на 10 тыс. населения; налоговая поддержка СО НКО, налоговая поддержка организаций; доля региональных бюджетных ассигнований,

направляемых на предоставление субсидий на реализацию мероприятий по формированию инфраструктуры поддержки СО НКО, включая центры инноваций социальной сферы, в общем объеме расходов субъекта Российской Федерации и др. // Минэкономразвития России составлен рейтинг субъектов Российской Федерации по активности поддержки НКО. 02.10.2020 // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/0a70cc964082a6a511ee68d0118bd64f/reyt ing_2019.pdf. (дата обращения 01.11.2020).

9. Количественные показатели развития некоммерческого сектора. Некоммерческий сектор: динамика развития // Общественная палата Российской Федерации, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://report2018.oprf.ru/ru/3.php>. (дата обращения: 01.11.2020).

10. Манукян Е. Росстат выяснил, чем занимаются и как зарабатывают некоммерческие организации // Российская газета (федеральный выпуск). 04.08.2020.

11. Поддержка институтов гражданского общества поможет решению социальных проблем в регионах // Парламентская газета. 30.10.2019.

12. Региональный рейтинг третьего сектора «Регион - НКО» (рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню и качеству развития некоммерческого сектора). Результаты специального пилотного проекта Общественной палаты Российской Федерации в партнерстве с рейтинговым агентством РАЭК-Аналитика. М., 2020. С. 28–29 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/11/06/15/2020.11.06_reiting_nko_1.pdf. (дата обращения: 01.11.2020).

13. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 12.12.2019 № 884 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) "Укрепление общероссийской гражданской идентичности и этнокультурное развитие народов в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы"» (ред. от 17.09.2020) // Консультант Плюс. 01.11.2020.

14. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 20.04.2020 №1127 «О грантах Главы Республики Саха (Якутия) на развитие гражданского общества в Республике Саха (Якутия)» (редакция от 19.06.2020) // Консультант Плюс. 01.11.2020.

15. Указ Главы РС(Я) от 20.04.2020 №1127 «О грантах Главы Республики Саха (Якутия) на развитие гражданского общества в Республике Саха (Якутия)» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202004210007>. (дата обращения: 01.11.2020).

16. Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2019 №30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества» (вместе с «Положением о грантах Президента

Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества») (редакция от 26.06.2020) // Консультант Плюс. 01.11.2020.

17. Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О некоммерческих организациях» (редакция от 08.06.2020) // Российская газета (федеральный выпуск). 24.01.1996; Консультант Плюс. 01.11.2020.

18. Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» (редакция от 04.06.2014) // Российской газета (федеральный выпуск). 23.07.2012; Консультант Плюс. 01.11.2020.

19. Казаченок С.Ю., Долинская Л.М. Проблемы обеспеченности недвижимым имуществом социально ориентированных некоммерческих организаций // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С.25–30.

20. Экологическая сеть «Экодело». Как государство в разных странах поддерживает некоммерческий сектор [Электронный ресурс]. URL: https://ecodelo.org/v_mire/36947-kak_gosudarstvo_v_raznyh_stranah_podderzhivae_t_nekommercheskiy_sektor-statia. (дата обращения:01.11.2020).

Федотов Алексей Васильевич, глава муниципального района, магистр политологии, fedotovav@yandex.ru, Россия, Республика Саха (Якутия), Усть-Алданский улус (район),

Ильичева Мария Валерьяновна, магистр права, mary9110@mail.ru, Россия, Москва, благотворительный фонд «Приоритеты роста»,

STATE AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS: BUILDING A SYSTEM OF STATE SUPPORT IN THE REGIONS

A.V. Fedotov, M.V. Ilyicheva

The article analyzes the existing system of state support for civil society in the regions. The dynamics of the growth of funding for SO NPOs is noted. The authors presented proposals for the further development of the system of state support for civil society institutions in the region.

Key words: State, civil society institutions, state support.

Fedotov Alexey Vaslyevich, master of political science, head of the municipal district, fedotovav@yandex.ru, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Ust-Aldansky ulus (district),

Ilyicheva Maria Valerianovna, master of laws, mary9110@mail.ru, Russia, Moscow, Charitable Foundation "Priorities for Growth"

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.74:378

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10404

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. В. Проказина

Представлена характеристика современной системы социологического образования в России. Выделяя вызовы и угрозы, стоящие перед социологическим образованием, автор делает акцент на перспективные направления его развития. На основе результатов социологического исследования – проведенного контент-анализа сайта вузов Российской Федерации – выделены основные характеристики развития уровней бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Социология». Полученные результаты позволили обозначить основные вызовы, на которые необходимо найти адекватные ответы. Основными вызовами автор называет: отсутствие профессионального стандарта социолога, дисбаланс сферы социологического образования и рынка труда, включенность социологов в смежные области профессиональной деятельности, развитие собственно социологических кафедр и факультетов при углублении мультидисциплинарного подхода.

Ключевые слова: социологическое образование, профессиональный стандарт социолога, коммерциализация образования.

Процесс институционализации социологического образования в России был сложным и противоречивым, наполненным серьезной, содержательной деятельностью по формированию профессионального социологического сообщества и формированию социологической культуры.

На современном этапе развития социологическое образование стоит перед новыми вызовами и угрозами:

- снижением количества бюджетных мест по направлению подготовки «Социология» и коммерциализацией профессиональной подготовки;
- поисками оптимального сочетания фундаментальных знаний и прикладных аспектов;
- стремительной адаптацией к изменяющейся среде и умением находить адекватные методы социологических исследований.

Проблемам и перспективам социологического образования в современной России в последние годы уделяется значительное внимание. Рассматриваются вопросы развития социологического образования в России [1], анализируется соотношение между социологическим образованием и

рынком труда, профессиональная идентичность выпускников-социологов [12], подводятся итоги тридцатилетнего периода развития социологического образования в России [6].

Особый интерес и интересный для исследования представляют результаты контент-анализа сайтов вузов Российской Федерации, которые имеют направления подготовки 39.03.01 «Социология» и 39.04.01 «Социология». Классификация вузов осуществлялась с помощью сайта «Навигатор поступления» [4] при применении автоматической фильтрации по основанию классификации «профессии», по критерию «социолог».

Анализ статистической информации позволяет сделать вывод о том, что из восьмидесяти пяти субъектов Российской Федерации социологов готовят в пятидесяти девяти. Наибольшая концентрация вузов представлена в Москве (17 %), Санкт-Петербурге (6 %) — городах федерального значения, а также в Новосибирской и Самарской областях (4 % и 3 % соответственно). В Москве и Санкт-Петербурге также наиболее высокое количество вакансий для социологов [2]. В Новосибирске и Самаре находятся крупные научно-исследовательские университеты, имеющие богатую научно-исследовательскую традицию, заложенную Т. И. Заславской, А. С. Готлиб.

По данным статистического сборника Высшей школы экономики «Индикаторы образования», на 2018/2019 гг. насчитывалось 1337 организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, включая филиалы [7; с. 146–147]. По данным сайта «Навигатор поступления», сегодня в России работают 1367 вузов, включая филиалы [3]. Из них лишь 8,2 % вузов России осуществляют подготовку социологов на уровне бакалавриата и магистратуры.

За период с 2010 года по настоящее время произошло сокращение количества вузов, ведущих подготовку социологов. Результаты исследования Н. Г. Скворцова и В. В. Зырянова свидетельствуют о том, что в 2010 г. в России таких вузов было 134, в 2018 г. – 120 [12; 32]. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в 2020 г. таких вузов стало 112.

Результаты анализа контрольных цифр приема (КЦП) на 2020/21 учебный год свидетельствуют о том, что на программы бакалавриата мест выделено больше, чем на программы магистратуры: на места, финансируемые из федерального бюджета, — на 32 %; на места по договорам — на 39 %.

Почти 50 % студентов-бакалавров будут обучаться в Центральном федеральном округе, 16 % — в Приволжском федеральном округе. Для магистров это 33 % в ЦФО и, аналогично бакалаврам, 16 % в ПФО. Наибольшая концентрация КЦП в вузах г. Москвы: 30 % от общего количества мест для поступающих на программу бакалавриата и 28 % — для бу-

дущих студентов магистратуры (включая заочную и очно-заочную формы обучения, на бюджетной и договорной основе). За период с 2018 по 2020 год КЦП на места, финансируемые из федерального бюджета, увеличились — по программе бакалавриата – на 24 %, по программе магистратуры – всего на 4 %. Последнее возможно из-за резкого увеличения количества мест в 2018 г., что повлекло за собой лишь небольшой рост в дальнейшем. Полученные данные соответствуют информации, представленной в ежегодном докладе Правительства РФ о реализации государственной политики в сфере образования 2019 г. об увеличении бюджетных мест очного приема на программы бакалавриата и специалитета, в том числе в области наук об обществе [5].

Чаще всего подготовкой и выпуском социологов занимается факультет социальных и/или гуманитарных наук: из них 17 % — факультеты социальных наук, 16 % — гуманитарных наук и 10 % — социально-гуманитарных наук. Однако каждый четвертый факультет имеет специализацию, связанную с социологией лишь отчасти, — это исторические, экономические, философские факультеты, факультеты управления и т. п. (рис.1).

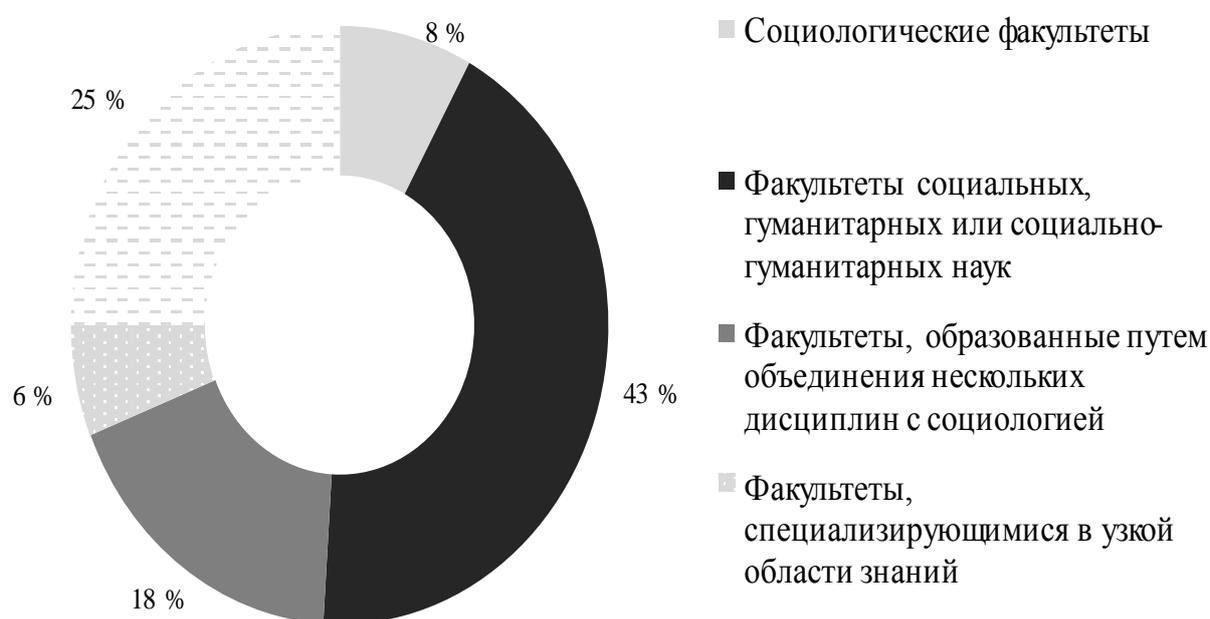

Рис. 1. Факультеты, осуществляющие подготовку по направлениям 39.03.01 и 39.04.01 «Социология»

Каждый пятый факультет образован соединением нескольких дисциплин — социологией и историей, психологией, политологией и т. п. Соб-

ственно социологических факультетов меньше — всего лишь 8 %, специализированных в определенной области еще меньше — это факультеты социальных технологий, социальных коммуникаций, социальной инженерии и т. п.

Анализ выпускающих кафедр позволил сделать вывод о том, что можно выделить несколько типов кафедр (табл. 1).

Таблица 1
Выпускающие кафедры по направлениям подготовки 39.03.01 и 39.04.01 «Социология»

Типы выпускающих кафедр	Процент
Социологические кафедры	45
Кафедры, объединяющие несколько дисциплин, в т. ч. социологию	44
Кафедры, объединяющие несколько дисциплин, не содержащих в названии слова «социология»	7
Специализирующиеся в определенной области знаний	4

К первому типу, кроме кафедр социологии и общей социологии, относятся кафедры методологии социологических исследований, истории, теории и прикладной социологии, кафедры отраслевых социологических наук. Данных кафедр большинство среди выпускающих.

Ко второму типу относятся кафедры, объединяющие социологию с такими дисциплинами, как философия, организация работы с молодежью, социальная работа, управление персоналом, политология и др. Их практически столько же, сколько и собственно социологических кафедр.

К третьему типу относится небольшая доля кафедр — кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий: политики, социальных изменений и массовых коммуникаций; промышленной политики и бизнес-администрирования; менеджмента и предпринимательской деятельности и подобные — 7 %.

К последним относятся кафедры демографии, медиа-коммуникаций и связей с общественностью, социальных коммуникаций, социальных технологий и т. п. — их всего 4 % (рис. 2).

Рис. 2. Профили подготовки направления 39.03.01 «Социология»

Анализ профилей подготовки социологов на уровне бакалавриата показал, что наиболее популярным профилем является «Социология», к которой мы отнесли общую социологию и прикладную социологию — всего 28 %, из которых лишь 1 % принадлежит прикладной социологии.

Следующий по частоте встречаемости – профиль «Социология организаций и управления». Сюда же мы включили профиль «Социология управления», из 12 % он составляет 8 %.

«Бронзу» по популярности в вузах забрал профиль «Экономическая социология», среди общего количества профилей подготовки социологов-бакалавров он оказался каждым десятым. К нему мы отнесли несколько раз встретившийся профиль «Экономическая социология и маркетинг». К слову, социология маркетинга тоже не осталась без внимания: из общего числа профилей она занимает 4 %. Столько же занимают профили «Социологические исследования» (в т. ч. профиль «Социологические и маркетинговые исследования») и «Социальная структура, социальные институты и процессы» (в т. ч. профиль «Социальные системы и отношения»).

По 5 % досталось профилям «Социология коммуникаций» (в т. ч. массовых и деловых) и «Социальная теория и прикладное социальное знание».

Из категории «Другие» часто встречающимися являются профили: «Прикладные методы социологического исследования», «Современная социальная теория», «Социология политики», «Социология культуры». Встречаются профили «Основы PR и маркетинга», «Социология рекламы и связей с общественностью» и «Социология политики и политического PR», что говорит об актуальности сферы PR. Встречающимися единично являются профили: «Социология молодежи», «Социология в индустрии моды», «Социология и исследование социальных сетей», «Социология социальной жизни», «Социология образования», «Социология социокультурных изменений», «Социология цифрового общества», «Социология и антропология», «Социология инженерной деятельности и инновационных процессов». Данные профили характеризуются узкой специализацией, что усложняет шансы выпускника найти свою нишу на рынке труда по полученной специальности.

Таким образом, можно говорить о том, что первый уровень высшего образования для социологов является общей базой, окончив которую можно углубляться в определенные направления и дисциплины уже в магистратуре. Если абитуриент заранее определил, что хочет получить образование в сфере управления, то каждый десятый вуз готов ему в этом помочь. Аналогично обстоят дела с профилем «Экономическая социология».

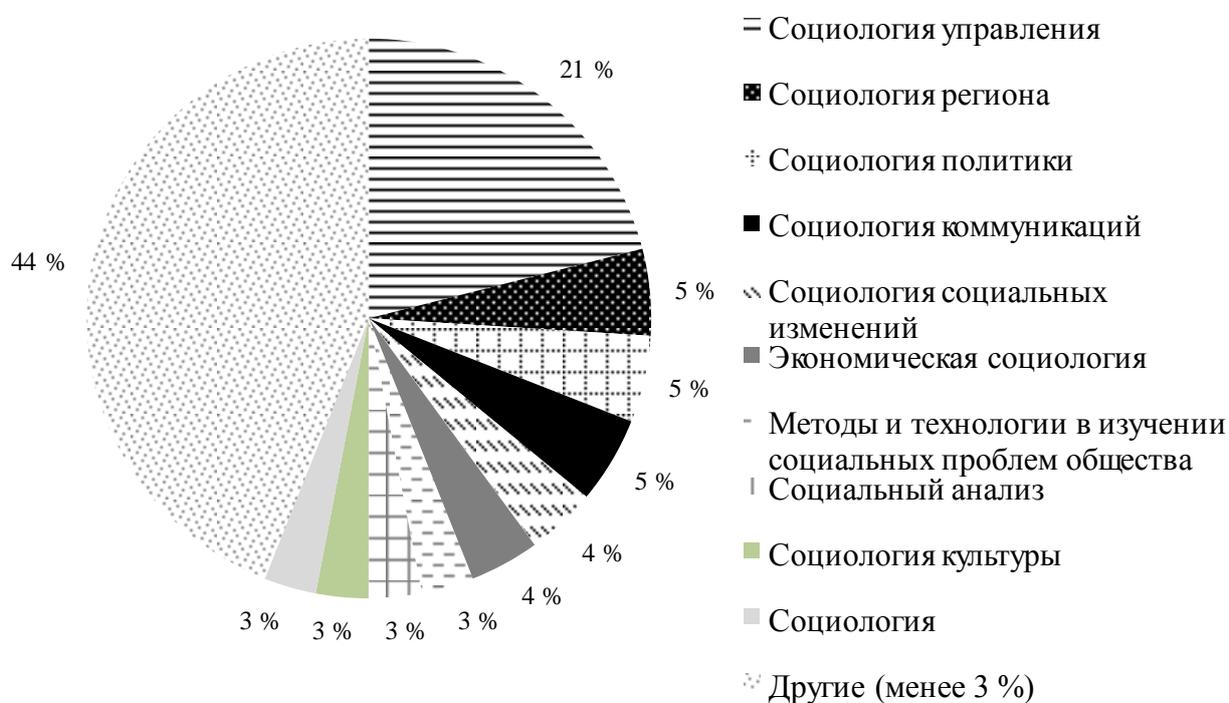

Рис. 3. Профили подготовки направления 39.04.01 «Социология»

Рассматривая профили программ для магистров, мы выделили направленность значительной части программ к сфере управления: это профили, напрямую с ним связанные, — «Социология управления» (в т. ч. «Социология управления и организаций», «Социология управления в трудовом коллективе», «Социальное управление стратегическим развитием» и др.) — и профили, касающиеся консультирования в сфере управления, — «Социальные технологии и управленческое консультирование», «Социологическое сопровождение принятия решений органами власти и управления», «Социологическая диагностика и экспертиза управленческой деятельности». Так или иначе, с такой функцией как «управление» связан каждый третий профиль программ магистратуры.

Во многом это обусловлено осознанием роли и значимости социологической культуры государственных гражданских служащих и лиц, вовлеченных в процесс использования социологического контента в процесс разработки и реализации управленческих решений. «Формирование организационно-институциональных основ использования властью результатов опросов общественного мнения связано с развитием ее потребности и готовности включать результаты социологических исследований в управленческую деятельность. Этот процесс зависит от политических и социокультурных особенностей развития страны» [18].

К профилю «Социология региона» мы отнесли профили «Социология регионального развития», «Социология городского и регионального развития», «Социология города и развитие городской среды». Таких профилей всего 5 %. По 5 % занимают профили «Социология коммуникаций», «Социология политики» (в т. ч. «Социология политики и международных отношений»).

Несколько реже встречаются профили «Экономическая социология» (в т. ч. «Экономическая социология: управление конкуренцией»), «Социология социальных изменений» (в т. ч. «Социальные изменения в трансформирующемся обществе»). По 3 % достается профилям «Методы и технологии в изучении социальных проблем общества», «Социальный анализ» (комплексный, сравнительный и современный), «Социология культуры» и «Социология».

К категории «Другие» относятся такие профили, как «Социология конфликта», «Социология права», «Социальная инженерия», «Социология бизнеса», «Социология образования», «Исследования социальных закономерностей политического и экономического развития современного российского общества», «Современная социологическая деятельность: аналитика, экспертиза, инжиниринг», «Этносоциология», «Социология личности», «Социологические исследования в рекламе и PR», «Социальные институты и практики», «Сравнительные социальные исследования», «Интернет-маркетинг», «Социология труда», «Коммуникационное простран-

ство современного мегаполиса» и др. Разброс профилей магистратуры гораздо шире, нежели в бакалавриате (табл. 2).

Таблица 2

Распределение типов профессиональных задач среди образовательных программ по направлениям 39.03.01 и 39.04.01 «Социология»

Тип задач профессиональной деятельности	39.03.01	39.04.01
Научно–исследовательский	38	35
Организационно–управленческий	20	18
Проектный	17	14
Педагогический	9	22
Производственно-прикладной	8	5
Социально-технологический	8	6

Из всех типов задач, выделенных в образовательных программах как основные для направления подготовки 39.03.01 «Социология», большая часть задач включает научно-исследовательский тип — его содержит практически каждая вторая программа. Каждая пятая программа содержит организационно-управленческий тип задач. Чуть меньше — проектный. Редко среди программ для бакалавриата встречаются такие типы задач, как педагогический, производственно-прикладной и социально-технологический.

В образовательных программах магистратуры среди основных типов задач также лидирующими остаются научно-исследовательский тип и организационно-управленческий. Однако на третьем месте по частоте встречаемости оказывается педагогический тип деятельности. В образовательных программах магистратуры он встречается более чем в 2 раза чаще, чем в образовательных программах бакалавриата. Каждая 7-я образовательная программа в основных типах задач профессиональной деятельности содержит проектный тип. Производственно-прикладной и социально-технологический занимают 5 % и 6 % соответственно.

Если мы рассмотрим образовательные программы, где выделяют единственный основной тип профессиональной деятельности, то увидим небольшое отличие от вышеописанных фактов: научно-исследовательский и организационно-управленческий так и остаются лидирующими, однако за ними идет производственно-прикладной тип задач. Отсутствует педагогический, лишь 3 % занимает социально-технологический тип задач. То есть большинство осуществляемых вузами программ носит академический характер, готовя бакалавров к деятельности исследователя или управленца.

В образовательных программах магистратуры, где выделяли лишь один основной тип задач профессиональной деятельности, большая часть все также принадлежит научно-исследовательскому типу, 26 % — организационно-управленческому, 5 % — проектному и лишь 2 % — производственно-прикладному. Педагогический и социально-технологический тип профессиональных задач не встречается в данных образовательных программах как основной.

Таким образом, большинство социологов в вузах готовят к решению научно-исследовательского типа задач.

Данные результаты показали, что профессиональное социологическое образование многогранно и неоднородно. Это связано как с большим количеством профилей направления «Социология» (как для бакалавриата, так и для магистратуры), так и с географическими особенностями: концентрацией в столичных вузах и крупных научно-исследовательских университетах, которая сокращается по мере удаленности от «центра» страны. Данный факт не может содействовать разработке общей модели социологического образования, потому должны развиваться технологии дистанционного обучения.

Огромное количество профилей подготовки, реализуемых порой не только на социологических факультетах и кафедрах, но и на отдаленных от социологии, провоцирует путаницу в профессиональной идентификации выпускников-социологов, становление социолога как универсального (многопрофильного) специалиста. Усиливает данный эффект отсутствие профессионального стандарта социолога, на который могли бы опираться вузы при создании образовательных программ для направления подготовки «Социология».

Таким образом, основными вызовами, которые сегодня стоят перед социологическим образованием, выступают:

- отсутствие профессионального стандарта социолога, определяющего базовые профессиональные компетенции социологов;
- дисбаланс сферы социологического образования и рынка труда;
- развитие собственно социологических кафедр и факультетов в вузах при углублении мультидисциплинарного подхода;
- выявление потребности в социологах в смежных областях;
- необходимость создания условий для формирования социологической культуры в разных профессиональных социальных группах [9].

Оценивая ситуацию, складывающуюся в области социологического образования и развития социологической культуры, следует отметить, что «с одной стороны, существует отчетливая потребность в социологической интерпретации происходящих явлений, процессов и тенденций, а с другой,

- прослеживается поверхностный, чрезмерно прагматичный, а подчас и ненаучный подход к описанию и объяснению социальной реальности»[8; 11].

Список литературы

1. Буланова М. Б. Социологическое образование в России (1960-е годы – настоящее время) // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 14–25.
2. Вакансии «социолог» [Электронный ресурс]. // hh.ru. URL: <https://hh.ru/search/vacancy?area=&st=searchVacancy&text=%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3> (дата обращения: 13.05.2020).
3. Вузы [Электронный ресурс] // Навигатор поступления. URL: <https://propostuplenie.ru/> (дата обращения 10.05.2020).
4. Вузы и специальности // Навигатор поступления. [Электронный ресурс]. URL: [https://propostuplenie.ru/vuzi/?Profession\[\]=96](https://propostuplenie.ru/vuzi/?Profession[]=96) (дата обращения: 05.05.2020).
5. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/VGZkuVnp1h5rLAAIBZ1AsP5zv4zhI79t.pdf> (дата обращения: 13.05.2020).
6. Зырянов В. В., Ладыжец Н. С., Темнова Л. В. Социологическое образование в России: итоги 30 лет // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 152–154.
7. Индикаторы образования: 2020 : статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л.М. Гохберг и др.; нац.- исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 146–147.
8. Проказина Н. В. Социологическая культура государственных гражданских служащих: постановка проблемы, направления изучения и развития // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 1 (30). С. 11–17.
9. Проказина Н. В. «Социологическая культура». К вопросу о содержании и интерпретации понятия // Социологические исследования. 2011. № 3 (323). С. 103–107.
10. Проказина Н. В. Формирование организационно-институциональных основ использования результатов опросов общественного мнения органами управления в России // Вестник Поволжской Академии государственной службы. 2014. № 4 (43). С. 18– 24.
11. Скворцов Н. Г., Зырянов В. В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 30–40.

12. Скворцов Н.Г. Социологическое образование: между стандартами и реалиями / Н. Г. Скворцов, В. В. Зырянов // Социологические исследования, 2018. № 7. С. 32.

Проказина Наталья Васильевна, д-р социол. наук, проф., зав. кафедрой, nvprokazina@mail.ru, Россия, Барнаул, Алтайский филиал ФГБОУ «Российская академия народного хозяйства и государственной службы»

SOCIOLOGICAL EDUCATION IN MODERN RUSSIA: NEW CHALLENGES AND PROSPECTS

N.V. Prokazina

The article presents the characteristics of the modern system of sociological education in Russia. Highlighting the challenges and threats facing sociological education, the author focuses on promising areas of its development. Based on the results of the sociological research - the content analysis of the website of the universities of the Russian Federation - the main characteristics of the development of the bachelor's and master's levels in the direction of training "Sociology" are highlighted. The results obtained made it possible to identify the main challenges to which adequate answers must be found. The author calls the main challenges: the lack of a professional standard of a sociologist, an imbalance in the sphere of sociological education and the labor market, the involvement of sociologists in related areas of professional activity, the development of sociological departments and faculties proper, while deepening the multidisciplinary approach.

Key words: sociological education, professional standard of a sociologist, commercialization of education.

Prokazina Nataya Vasilievna, doctor of sociological sciences, professor, head of the Department, nvprokazina@mail.ru, Russia, Barnaul, Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

ФЕНОМЕН ОДИНОКОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

О.А. Данковцев, С.А. Маскалянова

Представлены результаты изучения социальных проблем одиноких матерей. Выявлено, что одинокие матери испытывают как проблемы материального характера, так и проблемы детско-родительских отношений и сохранения здоровья детей. Проведенный анализ регионального опыта поддержки одиноких матерей позволяет выявить комплексный характер данной проблемы и необходимость разностороннего подхода в определении направлений помощи данной категории населения как на федеральном, так и региональном уровнях.

Ключевые слова: одинокая мать, проблемы одиноких матерей, социальная помощь.

В обыденном сознании не существует однозначного определения понятия «одинокая мать». Данное понятие используется в узком и широком смыслах слова. В узком смысле понятие «одинокая мать» охватывает женщин, не состоящих в законном браке и имеющих внебрачных детей [1, 2]. В широком смысле данное понятие обозначает более широкую категорию матерей, воспитывающих детей в семьях без отца, в том числе разведенных и вдовых [3].

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» одинокая мать – «женщина, являющаяся единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию и развитию своих детей (родных или усыновленных) в соответствии с семейным и иным законодательством, то есть воспитывающая их без отца, в частности, в случаях, когда отец ребенка умер, лишен родительских прав, ограничен в родительских правах, признан безвестно отсутствующим, недееспособным (ограниченно дееспособным), по состоянию здоровья не может лично воспитывать и содержать ребенка, отбывает наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в иных ситуациях» [4].

В исследовательской практике одинокой матерью считается женщина, которая не проживает в одном домохозяйстве с супругом и самостоятельно воспитывает совместно проживающих с ней несовершеннолетних детей. При этом одинокое материнство – феномен, значительно распространившийся в последние два десятилетия в РФ, в первую очередь в связи со значительным ростом числа ранних разводов, массового распространения официально не регистрируемых сожительства (в качестве замены, аль-

тернативы официальному браку), овдовения из-за преждевременной смерти отца ребенка (детей), за счет практики усыновления ребенка одинокой женщиной, а также установлением опеки или попечительства в случае сиротства.

Регулярных официальных статистических данных о численности одиноких матерей в России нет. В зависимости от применяемого определения доля одиноких матерей варьируется от 12 % до 21 % от общего числа семейных ячеек, а доля детей до 18 лет, проживающих в неполных семьях – от 10 % до 25,5 % [5].

В разной степени одинокие матери, в зависимости от социальной обстановки, жизненного опыта, личностных и духовно-нравственных качеств, сталкиваются с определенными проблемами, оказываются в ситуациях, порождающих напряжение и кризисы. Любое повседневное событие в жизни требует от одинокой матери необходимых ресурсов. При этом женщина вынуждена выполнять множество не свойственных ей функций и ролей. Одинокие матери вынуждены в одиночку вести домашнее хозяйство, думать о материальном благосостоянии семьи, воспитывать детей, выполняя материнские функции и компенсируя отсутствие отцовских. Значительная часть одиноких матерей находится за чертой бедности, что является фактором, затрудняющим их адаптацию к новым условиям жизни. Женщинам чаще приходится самим зарабатывать на жизнь, что сокращает время, отводимое на воспитание детей. Существенные проблемы возникают у них в социальной среде и системе личностных отношений [6].

Актуальность данной проблемы связана с тем, что в условиях усиления демографической и социальной политики страны, направленной на увеличение рождаемости, повышенное внимание ориентировано на преодоление кризиса семейных ценностей, основными индикаторами которого служат низкая стабильность брака, высокое количество разводов и высокий процент детей, рожденных вне официального брака. Воспитание детей в семье одинокой матери определяется как следующая по остроте проблема российских семей после низкого уровня жизни семей с детьми [5]. В современных исследованиях проблем одиноких матерей прослеживается дифференцированный подход, учитываются конкретные условия жизни в регионе. Потребность исследования региональной специфики социальных проблем одиноких матерей и определение путей их преодоления диктуется также существующим неравенством регионов РФ в социально-экономическом развитии, дифференциацией населения по уровню дохода. Исследование социальных проблем одиноких матерей важно для разработки рекомендаций в области семейной политики региона.

Для получения целостной картины о возможных социальных проблемах одиноких матерей в марте – апреле 2020 г. в г. Липецке и Липецкой области был проведен опрос женщин, не проживающих совместно с партнером и воспитывающих детей в возрасте до 18 лет. В ходе опроса изучено

семейное положение одиноких матерей. Среди опрошенных 63,2 % респондентов находятся в разводе. Еще 29,4 % никогда не состояли в браке. В свою очередь, 7,4 % опрошенных женщин после смерти мужа более не вступали в новый брак (вдовы).

Более трети опрошенных (39,7 %) – это женщины в возрасте старше 35 лет. Немалочисленны еще две группы: женщины в возрасте 30–35 лет и 18–24 лет (26,5 % и 22,1 % соответственно). Женщины в возрасте 25–29 лет составляют значительно меньшую долю выборки – 11,7 %. Данный факт можно объяснить тем, что, хотя чаще рожают ребенка молодые женщины, наиболее частая причина одинокого материнства в России – развод – событие, которое чаще происходит в старшем возрасте.

По своей структуре семьи одиноких матерей распределяются следующим образом: 70,6 % семей состоят только из матери и ребенка (детей); 29,4 % семей состоят из одного родителя и ребенка (детей), проживающих совместно с родителями или с другими родственниками в домохозяйстве.

Результаты опроса свидетельствуют о высокой образованности одиноких матерей. Так, половина из них – 50 % – имеют высшее образование. Среднее и среднее специальное имеют 26,5 и 23,5 % опрошенных женщин, соответственно. Высокий уровень образованности одиноких матерей, а также необходимость сочетать в себе роли единственного кормильца семьи и воспитателя детей могут объяснить уверенное положение на рынке труда.

Согласно полученным данным, большинство одиноких матерей вовлечены в трудовую деятельность и работают полный рабочий день (60,3 % и 63,4 % соответственно). Меньший процент ответивших подтвердили, что работают на нескольких работах (19,5 %) или неполный рабочий день (17,1 %).

Показательно, что 92,6 % одиноких матерей готовы освоить дополнительную профессию. Безусловно, включенность в дополнительную трудовую занятость одиноких матерей определяется не столько профессиональными интересами и способностями, потребностями ощутить включенность в общественную жизнь или востребованностью со стороны общества, сколько необходимостью улучшения материального достатка.

Л. Г. Лунякова (2001), С. С. Данилова (2009) отмечают, что общий бюджет семей одиноких матерей складывается из индивидуальных трудовых доходов самих женщин, а также из пособий, пенсий компенсационных выплат и льгот, определяемых государством, и частных трансфертов – алиментов на детей после развода, подарков в деньгах или вещами, продуктов от родственников или друзей [2, 1]. Большинство неполных семей имеет характеристики «бедных» и «зависимых от пособий». В России доля «бедных» семей одиноких матерей составляет 60,9 % от неполных, а доля «зависимых от пособий» 18,9 % от их числа [7]. В Липецкой области в

2019 году количество одиноких матерей, состоящих на учете как «малоимущие получатели пособия на ребенка», составляло 5199 человек [8].

В результате проведенного нами исследования выяснилось, что основным источником дохода одиноких матерей является собственная заработная плата (60,3 %). Более трети респондентов отметили, что основным источником дохода является пособие на детей (19,1 %) и «иные источники дохода» (20,6 %).

По результатам исследования, из множества проблем одинокие матери наиболее часто сталкиваются с проблемами материального обеспечения (79,4 %), что согласуется с данными других исследователей [1, 5]. При этом, оценивая свое материальное положение, 69,1 % опрошенных женщин оценивают материальное положение своей семьи как малообеспеченное, «на мелкие покупки приходится откладывать». В свою очередь, 26,5 % опрошенных одиноких матерей заняли серединную позицию, заявив, что в их семье «достаточно денег для приобретения необходимых продуктов и одежды, планируются только крупные расходы». И лишь 4,4 % респондентов заявили, что «могут ни в чем себе не отказывать».

Следствием проблем материального обеспечения одиноких матерей могут являться проблемы жилищного характера [9]. С данными проблемами сталкиваются 50 % опрошенных нами женщин. При этом данные анализа жилищных условий одиноких матерей выявили следующие особенности: более половины опрошенных не имеют собственного жилья (52,9 %) и проживают либо в квартире (доме) родителей или других родственников (29,4 %), либо в съемной квартире (19,1 %) или в общежитии (4,4 %).

Необходимость выполнения одинокой матерью функции материального обеспечения семьи в ущерб традиционно материнским обязанностям отрицательно сказывается на физическом состоянии и здоровье детей [9]. Так, по полученным нами на момент опроса данным, 39,7 % одиноких матерей регулярно сталкиваются с проблемами здоровья своих детей.

Воспитательный потенциал семей одиноких матерей существенно снижен в сравнении с полными семьями в силу деформации структуры семьи, присутствия проблем и отклонений в воспитании детей. В целом по совокупности опрошенных 22,1 % одиноких матерей постоянно сталкиваются с проблемами детско-родительских отношений. Данные семьи правомерно могут быть причислены к категории неблагополучных, т. е. тех, которые в полной мере не справляются с выполнением возложенных на них функций по воспитанию и содержанию детей.

Согласно С. С. Даниловой (2009), 26 % одиноких матерей пытаются решать проблемы самостоятельно и только 4 % женщин обращаются за помощью к специалистам различных учреждений [1]. В нашем исследовании желание получать регулярную помощь выразили 91,2 % опрошенных одиноких матерей. Примечательно, что 86,8 % респондентов такую по-

мощь хотели бы получать от государства и лишь 13,2 % – от мужа или родителей.

Таким образом, исследование социальных проблем одиноких матерей помогает выявить негативные факторы и последствия данной проблемы: социально-экономическую уязвимость как в связи с отсутствием второго (или основного) кормильца, так и в связи с низкими доходами одиноких женщин; пополнение низкодоходных или бедных слоев населения; препятствие успешной социализации детей, лишенных модели поведения одного из родителей. Это убеждает нас в необходимости решения проблемы как на общественно-политическом уровне путем повышения детских пособий, расширения бесплатных услуг в сфере образования, досуга и спорта и осуществления других социально поддерживающих мероприятий, так и на региональном уровне за счет разработки специальных комплексных региональных программ поддержки одинокого материнства. В Липецкой области уже давно реализуются мероприятия, направленные на комплексную поддержку различных категорий семей, оказавшихся в социально опасном положении, к которым можно отнести значительную часть одиноких матерей. Помимо традиционных мер социальной поддержки, предполагающих осуществление единовременных и ежемесячных выплат по различным направлениям, используются достаточно новые, но хорошо зарекомендовавшие себя меры, к которым прежде всего можно отнести заключение социальных контрактов, позволяющих малоимущим гражданам преодолевать трудную жизненную ситуацию за счет стимулирования их собственных активных действий. Государственная социальная помощь на основании социального контракта оказывается в форме единовременного социального пособия, предоставляющегося на реализацию конкретного мероприятия (ведение личного подсобного или крестьянского хозяйства, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности, организацию сельскохозяйственного потребительского кооператива, приобретение крупного рогатого скота), или ежемесячного социального пособия на каждого члена семьи, предоставляющегося на поиск работы либо прохождение профессиональной подготовки или переподготовки. Подобные мероприятия побуждают не столько к пассивному использованию предложенной помощи, сколько к развитию собственной активности в преодолении сложной жизненной ситуации [10].

Вместе с тем помощь одиноким матерям не может ограничиваться только содействием в решении материальных проблем. Об этом свидетельствуют и результаты нашего исследования, которые показывают, что одиноким матерям в силу специфики их положения необходима помощь в воспитании подрастающих поколений, социализация которых помимо негативного воздействия некоторых факторов социализации (Интернет и другие средства массовой коммуникации) осложняется отсутствием еще одного родителя. Система комплексной социальной помощи одиноким ма-

терям предоставляется в Липецкой области как территориальными центрами социальной защиты населения, в которых имеются отделения психолого-педагогической помощи семье и детям и отделения предоставления мер социальной поддержки семье и детям, так и стационарными учреждениями и центрами социальной помощи семье и детям, расположенными в районах области. Деятельность этих учреждений направлена на разностороннюю помощь семье, а также профилактику семейного неблагополучия через реализацию индивидуальных программ предоставления социальных услуг. Подобные программы помимо всего прочего направлены на включение «трудных» несовершеннолетних в непрерывный реабилитационный процесс, в рамках которого они получают своевременную социально-правовую, психолого-медико-педагогическую помощь. Индивидуальные и групповые программы социальной реабилитации включают профессионально-трудовой, учебно-познавательный, социокультурный, физкультурно-оздоровительный и иные компоненты, а также организацию социального патроната. Для одиноких матерей актуальной проблемой является проблема налаживания нормального микроклимата в семье, где отсутствует один родитель. Участие в реабилитационно-развивающих и профилактических программах как родителей, так и детей позволяет формировать необходимые навыки здоровой коммуникации [10].

Подобные виды помощи, направленные на поддержку одиноких матерей в различных аспектах их жизнедеятельности, позволяют предупредить развитие многих проблем в их семьях и поддержать стабильность во внутрисемейных отношениях.

В Липецкой области также существует практика поддержки семей и женщин с детьми, проживающих в отдаленных и труднодоступных районах области. Ее осуществляет служба «Выездная бригада комплексной социальной помощи», деятельность которой предполагает проведение консультаций по вопросам, связанным с обеспечением и реализацией прав и социальных гарантий женщин с детьми.

Таким образом, проведенное социологическое исследование и анализ регионального опыта поддержки одиноких матерей позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях данный феномен является распространенным и требует комплексной оценки и разностороннего подхода в определении направлений помощи данной категории населения как на федеральном, так и региональном уровнях.

Список литературы

1. Данилова С.С. Социологический анализ проблем одиноких матерей в малом городе (на примере Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2009. №1 (50). С. 49–57.

2. Лунякова Л.Г. О современном уровне жизни семей одиноких матерей // Социологические исследования. 2001. №8. С. 86–95.

3. Кривцова Е.В. Комплексное сопровождение индивидуальной жизненной траектории одиноких матерей, обучающихся в высших образовательных учреждениях // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. №4 (36). С.45–52.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. №1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // «Гарант» — информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: [https:// base.garant.ru / 70578102/](https://base.garant.ru/70578102/) (дата обращения: 23.09.2020).

5. Захаров С.В., Чурилова Е.В. Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России. Социология, этнология. 2013. Т. XXII. №4. С. 86–117.

6. Каменева Т.Н. Материнство в неполной семье: личностные и социальные проблемы: автореф. дис. ... канд. социол.. Курск, 2003. 26 с.

7. Кожевников М.В. Проблемы неполной семьи в современной России // Социальная защита семьи, материнства, отцовства и детства в современной России: материалы VII заочной научно-практической конференции с международным участием (21 ноября 2016 г.) / под общей редакцией Л.И. Савинова. Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2016. С. 35.

8. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Липецкой области за 2019 год. Липецк, 2020. 39 с.

9. Безрукова О.Н. Одинокие матери: проблемы жизни в мегаполисе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Вып 4. Ч.1. С.71–83.

10. Доклад «О положении детей и семей, имеющих детей, в Липецкой области (2018 год)». Липецк, 2019. 214 с.

Данковцев Олег Александрович, канд. биол. наук, доц., , danko.oleg@yandex.ru, Россия, Липецк, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Маскалянова Светлана Александровна, канд. пед. наук, доц., sveta.feya@gmail.com, Россия, Липецк, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

THE PHENOMENON OF SINGLE MOTHERHOOD IN RUSSIAN SOCIETY: REGIONAL ASPECT

O.A. Dankovcev, S. A. Maskalyanova

The article presents the results of studying the social problems of single mothers. It was revealed that single mothers experience problems of both material nature and problems

of parent-child relations and preserving the health of children. The analysis of the regional experience in supporting single mothers makes it possible to reveal the complex nature of this problem and the need for a multi-sided approach in determining the directions of assistance to this category of the population both at the federal and regional levels.

Key words: single mother, problems of single mothers, social assistance.

Dankovcev Oleg Aleksandrovich, candidate of biological sciences, associate professor, danko.oleg@yandex.ru, Russia, Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University them. P.P. Semenov-Tyan-Shansky,

Maskalyanova Svetlana Aleksandrovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, sveta.feya@gmail.com, Russia, Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University them. P.P. Semenov-Tyan-Shansky

УДК 316.4:27-9

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10405

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л. Л. Махно

Осуществляется сравнительный анализ особенностей рассмотрения историками церкви социального служения Русской Православной Церкви (РПЦ) в дореволюционный период (XIX – нач. XX вв.) и осмысление ее современного состояния в XXI в. Рассматриваются оценки православных историков и деятелей РПЦ на основе анализа их трудов и выступлений. Дана характеристика различных теоретико-методологических подходов к пониманию социального служения как важной общественной задачи РПЦ. Показано ее значение для социальной политики России.

Ключевые слова: социальное служение, РПЦ, церковно-историческая наука, исторический источник, духовенство.

История социального служения Русской Православной Церкви (РПЦ) и отдельных аспектов ее деятельности в настоящее время является активно разрабатываемой темой, что подтверждается появлением многочисленных диссертационных и монографических работ. Актуальность рассмотрения историками и социологами различных аспектов деятельности Русской Православной Церкви как социального института обусловлена возрастанием ее роли в общественной жизни современной России. Современ-

менные исследователи установили, что за весь период 1989–2019 гг. было защищено примерно 600 кандидатских и докторских диссертаций, среди которых большая часть посвящена изучению досоветского периода [16]. В этом массиве выделяется сравнительно небольшой комплекс работ, посвященных осмыслению возникновения и развития историографии РПЦ в досоветский период российской истории в качестве самостоятельной научной проблемы [15, 17, 25]. Для понимания значения деятельности РПЦ, поддерживающей социальную политику российского государства, сегодня крайне важно проследить становление ее трактовки в трудах светских и церковных ученых, показать характерные особенности их теоретико-методологических подходов в условиях различных конкретно-исторических эпох.

Общей чертой современных исследований стало выделение в них дореволюционного периода, охватывающего конец XVIII–начало XX вв., как особого этапа развития историографии Русской Православной Церкви, в рамках которого рождалась и эволюционировала церковно-историческая наука. Полагаем, что этот длительный период становления и развития историографической науки является неоднородным по своему содержанию. В центре исследовательской активности светских и церковных историков оказались не только наиболее драматические страницы существования ведущей конфессии страны, такие как церковный раскол и отделение от Церкви значительного числа верующих начиная со второй половины XVII века, но и социальное служение православного духовенства с домонгольского периода русской истории, что во многом объяснялось превращением Православной Церкви в наиболее развитый социальный институт Российской империи в XIX в. [11, с. 108].

Постоянное расширение тематики работ по церковной истории в тот период сопровождалось методологическими поисками их авторов, попытками отойти от провиденциализма как фундаментального метода исследований и перейти к осмыслению прошлого Русской Православной Церкви с рационалистических позиций. И если ранее церковно-историческая наука развивалась только на основе догматического богословия, то во второй половине XIX в. на труды православных историков оказывает заметное влияние позитивизм, заимствованный из работ представителей светской исторической науки, что в свою очередь отразилось в социологизации явлений церковной истории [25, с. 633–634]. Отметим, что тогда же предпринимались и первые попытки систематизировать богатый теоретический и эмпирический материал, что позволило в дальнейшем обосновать концептуальное видение социального служения Православной Церкви, которое нашло свое проявление в стратегии деятельности РПЦ в современной демократической России. Рационалистическая тенденция нашла отражение в появлении в конце XIX в. обобщающих курсов по истории Церкви, которые

могли быть созданы только на аналитической теоретико-методологической основе. В тот же период позитивистская методология породила структурно-функциональный подход, который сегодня дает возможность рассматривать церковь как важный социальный институт, активно взаимодействующий с государственными структурами, в том числе и в сфере социальной политики. Таким образом, церковные и светские теоретики заложили основу для объективной оценки важного вклада РПЦ в решение насущных социальных задач в прошлом и в настоящем. Представляется, что историография должна дополнять социологию в целостном рассмотрении социального служения РПЦ в истории России.

Вышесказанное позволяет нам выделить в рамках рассматриваемого периода несколько самостоятельных этапов, в контексте которых происходило концептуальное осмысление социального служения Русской Православной Церкви.

На раннем этапе – конец XVIII в. – 60-е г. XIX в. – было осуществлено собирание и опубликование эмпирических материалов в форме исторических очерков, справочников, уставов организаций общественного призрения [3]. Появление подобных сочинений отвечало запросам как православного общества, так и самой Русской Православной Церкви, нуждавшейся в создании собственной истории, вплетенной в канву истории российского государства.

Заметным явлением этого этапа стало создание обобщающих работ представителями церковной иерархии – митрополитом Московским Платоном (Левшиным), митрополитом Киевским Евгением (Болховитиновым), архиепископом Филаретом (Гумилевским), митрополитом Московским Макарием (Булгаковым), епископом Иннокентием (Смирновым). Заявляя в качестве исследовательского принципа беспристрастие и истину, они твердо стояли на позициях провиденциализма, не проявляли критического отношения к источникам, а потому создавали сочинения, близкие по характеру к летописной традиции. Это отражалось на характеристике архипастырями социального служения, которое, в основном, ими сводилось к краткой характеристике благотворительности правителей.

Так, в качестве наиболее раннего проявления нищелюбия в «Краткой российской церковной истории» (1805) владыки Платона (Левшина) упоминается богоугодная деятельность князя Владимира Святого, который «был весьма нищелюбив, и повелел всякому нищему и убогому приходити на двор княжий, и взимати все потребное; даже не забыл и немощных и больных, не могущих ходить до его двора. И для того учредил, чтоб в повозках хлебы, и мясо, и рыбы, и различный овощ, и в бочках мед, и квас возили по городу, и спрашивали бы: где больные и нищие и не могущие ходить; и тем раздавали потребное» [21, с. 54]. При

характеристике Владимира как человеколюбивого христианского правителя, оказывающего помощь нуждающимся и проявляющего сострадание к преступникам, задачей историка были не анализ материала, выявление причинно-следственных связей, но демонстрация благотворного влияния Евангелия и христианского учения в целом на личность князя, некритичном изложении сохранившегося предания.

Митрополит Филарет (Гумилевский) в своей многотомной «Истории русской церкви» (1848 г.) развивал представление о христианской любви к бедным как приоритетной добродетели первых русских христиан. Он писал: «Доброе русское сердце, освященное благодатью христианства, свободно отверзалось для сострадания и тем, чем только могло, делилось с неимущими». В летописи очень часто встречается отзыв о князьях того времени: “милости бяще паче меры, тем и не щадяше имения своего, раздавая требующим”» [26, с. 222]. Достаточно фрагментарно, в духе сложившейся традиции изложения церковно-исторического материала, владыка Филарет затрагивает тему социального служения, уделяя большее внимание иным аспектам истории Русской Церкви.

О милосердии князей к бедным и несчастным, как основной добродетели русских князей во времена монгольского ига, рассуждает и митрополит Макарий (Булгаков) [18, с. 387]. В то же время он делает попытку критического осмысления исторического материала, обращая внимание на жестокость нравов, царивших во всех слоях средневекового русского общества и сводивших христианскую благотворительность к незначительному влиянию. Сочинение высокопреосвященного Макария «История Русской Церкви» представляет качественно новый подход к пониманию организации социального служения Русской Православной Церкви как важного компонента государственной политики Российской империи.

Таким образом, особенностью рассмотренного периода стало отождествление социального служения Церкви с благотворительной деятельностью князей. О формах церковного призрения обозначенные авторы не писали, ограничившись лишь упоминанием поступков отдельных князей. Очевидно, что игнорирование исследования социальной миссии вытекало как из методологии исследования, основанной на описании, так и недооценки социальных факторов в качестве движущей силы исторического процесса.

В то же время проблема социального служения становится постепенно одной из ведущих тем в сочинениях историков XIX в., чему способствовала общественная дискуссия 1850–1860-х гг. о положении духовного сословия, возможностях его социальной миссии.

Отдельные проблемы социального служения в этот период затрагивались в работе С. Смирнова «История Славяно-Греко-Латинской Ака-

демии» (1855) [24]. С критических позиций оценивалась деятельность православного клира в сочинениях священника Тверской епархии И.С. Белюстина [1], наблюдавшего изнутри жизнь белого и черного духовенства.

Изучению церковной благотворительности были посвящены работы И. А. Прыжова и И. Н. Бочечкарова [22, 2]. В контексте существовавших в обществе и исторических исследованиях подходов авторы рассматривают в качестве причины нищелюбия учение Церкви о значении милостыни для православного христианина. Однако описательность в этих трудах преобладает над историческим анализом.

Второй этап в осмыслении православными историками социального служения – 1860-е гг. – 1917 г. – может быть охарактеризован как период не только активного развития церковной историографии, но и теоретического осмысления социального служения Русской Православной Церкви во всем многообразии его проявлений. Эта эволюция происходит под влиянием достижений исторической науки, вышедшей на уровень общетеоретических обобщений на основе методологии позитивизма. Кроме того, следует принять во внимание и активную политику имперского государства, направленную на развитие церковной благотворительности и иных форм социального служения, что отразилось во Всеподданнейших отчетах обер-прокурора Святейшего Синода [4], ежегодно отчитывающегося о развитии благотворительных и образовательных учреждений в рамках духовного ведомства. Несомненно, данное обстоятельство оказывало значительное влияние на сознание современников, осмысливавших прошлое Русского Православия. Особое значение также имело и становление церковной печати, способствовавшее развитию публикационной активности православных историков [20]. Таким образом, сформировались условия для более глубокого ретроспективного осмысления социального служения РПЦ церковными и гражданскими историками, ставившими задачу исследования генезиса социальных функций Церкви.

Заметным событием стало появление в 1873 году сочинения профессора Казанской Духовной Академии П.В. Знаменского под названием «Приходское духовенство в России со времен реформы Петра» [10], в котором рассматривался «синодальный» период церковной истории до момента создания приходских попечительств в августе 1864 г. В книге уделено внимание состоянию приходской жизни, гражданским правам духовного сословия, наследственности духовного звания, способам содержания духовенства, правительственным мерам по улучшению быта служителей Русской Православной Церкви. Можно сказать, что это исследование П.В. Знаменского имеет не только историческую ценность, но и представляет интерес для социологов. Его можно рассматривать как аналог своеобразного эмпирического социоло-

логического анализа – всестороннего описания положения социальной группы российского общества в данную эпоху.

Основное внимание в своих исследованиях П.В. Знаменский уделяет формированию системы духовного образования, которому отводится роль движущей силы в историческом развитии православного общества. Он подчеркивает неразрывное единство образования и православия, которое привнесло на русскую землю христианскую культуру, позволило формировать образованную элиту государства из граждан. П.В. Знаменский характеризует создание системы религиозного просвещения как важную задачу государственной социальной политики: «С христианством явилось также и религиозное образование. Немедленно после крещения народа Владимир стал заводить училища и отбирать в ученье книжное детей у лучших граждан; матери, рассказывает летопись, плакали по ним, как по мертвым» [10, с. 2]. В авторской концепции П.В. Знаменского Церковь им признавалась не только центром общественной жизни, двигателем культуры, но и живым, постоянно меняющимся институтом. Такой подход П.В. Знаменского к пониманию места и роли Церкви в России можно условно назвать приближением историка к социологическому пониманию развития общества.

Духовному образованию как направлению социального служения уделяется также внимание в другой работе П. В. Знаменского – «Духовные школы в России до реформы 1808 года» (1881). Развитие церковного образования он связывает с реформами Петра Великого, взволновавшего своими преобразованиями «сонный застой религиозной жизни» [8, с. 2].

Таким образом, тема духовного образования стала одним из приоритетных направлений церковно-исторической науки данного периода, получивших развитие в трудах профессуры духовных академий Санкт-Петербурга, Москвы и Казани (Т.В. Барсова, Ф.В. Благовидова, П.В. Верховского, Б.В. Титлинова, И.А. Чистовича).

Особое значение имело фундаментальное исследование по истории Русской Православной Церкви профессора МДА Е. Е. Голубинского. Его внимание привлек социальный фактор в истории господствующей конфессии. Ученый приходит к пониманию того, что не общество существует для Церкви, а церковная организация создается ради блага народа и общественных интересов, «...для того, чтобы воспитывать людей в вере и нравственности христианской и чрез то содействовать их земному благополучию и доставлять им вечное земное спасение» [5, с. 829]. И это имело особое значение для исследования социального служения, в котором историк главный акцент делает на просвещении.

Важно, что для Е.Е. Голубинского христианство и просвещение также не существовали раздельно. Отсутствие просвещения «придало своеоб-

разный характер истории нашей церкви», так как просвещение – это первооснова церковной организации [12].

Исследованию церковного просвещения посвящена обширная глава IV первой половины второго тома. Е.Е. Голубинский продолжает тщательно анализировать доступные источники и делать на их основе оригинальные выводы, сопоставляя, в частности, книжную культуру и начитанность населения Киевской и Московской Руси.

Кроме того, Е. Е. Голубинский подходит к осмыслению основной причины незначительного развития церковной благотворительности в прежние эпохи. Он считает, что Церковь не имела каких-либо серьезных ресурсов для осуществления подобной деятельности. При этом он не отказывается от признания факта обогащения монашеского духовенства за счет пожалования епископиям земельной собственности.

Значительный вклад в осмысление социального служения Церкви был сделан А.П. Доброклонским, который также развивает тему духовного просвещения в Киевской Руси. Обращаясь к историческому материалу периода X–XI вв., ученый делает оригинальный вывод, что «научное и широкое просвещение, о котором думало наше правительство, не привилось на Руси... Большинство же «книжных людей» того времени были лишь грамотеи и самоучки-начетники» [6, с. 49]. В то же время автор, уделяя внимание религиозно-нравственному развитию русского народа, не показывает многообразие социального служения Церкви.

Рассматриваемая проблема была поставлена в публичной лекции известного историка В.О. Ключевского «Добрые люди Древней Руси». Главная мысль историка состояла в признании за Церковью инициирования частной и общественной благотворительности в XVI–XVII вв.: «Древнерусская церковная проповедь так и указывала на них господам как на ближайший предмет их сострадания, призывая их позаботиться о своих челядинцах прежде, чем протягивать руку с благотворительной копейкой нищему, стоящему на церковной паперти» [13, с. 83]. Таким образом, В.О. Ключевский, будучи светским историком, внес заметную лепту в изучение социального служения Русской Церкви.

В этот же период появляются работы, затрагивающие и иные аспекты социального служения. Так, профессор и протоиерей А.Н. Кудрявцев уделяет внимание нищенству и благотворительности [14]. Этим же проблемам посвящены работы синодального чиновника С.Г. Рункевича [23], опиравшегося на значительный архивный материал.

Итак, период с начала 1860-х гг. до 1917 г. стал временем расцвета историографии социального служения, что было предопределено развитием теории и методологии исторической науки. Очевидно, что церковно-исторические исследования в это время оказались под влиянием достижений светской исторической науки. Это позволило объективно и всесторон-

не изучить разные аспекты социального служения, создать фундаментальные обобщающие труды. Важно, что в данный период возрастает и значение исторического источника, который критически осмысливается с позитивистских позиций. Происходит также введение в оборот новых эмпирических данных, архивных материалов, накопленных в течение «синодального» периода. При этом развитие историографии социального служения происходило в неразрывной связи с расширением социальных функций Русской Православной Церкви.

Сегодня социальное служение Русской Православной Церкви основано на продолжении традиций, изначально заложенных в русском православии. Они отражены в документах РПЦ, принятых на заседаниях Поместных и Архиерейских соборов, выступлениях высших иерархов Православной Церкви. Стратегия социального служения РПЦ была сформулирована уже в эпоху Перестройки. Так, в послании Поместного Собора РПЦ, избравшего Патриархом всея Руси Алексия II, говорилось: «Церковь наша и весь народ вступили в эпоху больших перемен, отмеченную новыми возможностями и новой ответственностью» [19, с. 2]. Алексий II определил как основную цель предельной широкой деятельности Русской Православной Церкви, которая затрагивает практически все проблемы жизни обновленной демократической России, сохранение непреходящих духовных ценностей исторической памяти и культурного наследия русского народа. Он подчеркнул: «Церковь наша...вступает на путь широкого общественного служения» [19, с. 1]. В начале XXI века стратегия социального служения Русской Православной Церкви обрела четкие конкретные очертания как реализация основных функций церкви как важного социального института современного российского общества.

Деятельность Патриарха Московского и всея Руси Кирилла основана на системном подходе к социальному служению РПЦ, которое базируется на четко определенных принципах социальной работы, соответствует интересам народа и укреплению российского государства, повышению благосостояния граждан. Организация социального служения Русской Православной Церкви предполагает совершенствование его форм и методов в соответствии с изменением конкретных обстоятельств, контроль выполнения его главных задач, подготовку квалифицированных кадров. Наряду с такими традиционными направлениями, как, например, православное образование, добровольческая или волонтерская деятельность, РПЦ инициирует новые социальные проекты. Для их реализации в 2010 году в ряде епархий уже стали появляться приходские социальные работники, профессиональная подготовка которых осуществляется в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете и других учебных заведениях [7, с.23].

В целях преодоления сложной демографической ситуации создан православный Координационный центр защиты материнства, «в задачи которого входит помощь многодетным семьям, борьба с абортами, помощь беременным и одиноким матерям, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию, подготовка к венчанию, пропаганда целомудренного образа жизни» [7, с. 24].

Таким образом, социальная политика современной Русской Православной Церкви имеет не только глубокие исторические корни, но и получила соответствующее теоретическое осмысление в работах светских и церковных историков XIX– начала XX вв. Теория и практика социального служения Русской Православной Церкви прошла длительную эволюцию: от описания благотворительной деятельности отдельных православных правителей до практической реализации системного подхода, предполагающего тесную координацию работы современных церковных институтов с основными направлениями российской социальной политики.

Список литературы

1. Белюстин И.С. Описание сельского духовенства. Берлин-Париж-Лондон., 1858. Ч. I. тетр. 4. 129 с.
2. Бочечкаров Н. О нищенстве и разных видах благотворительности // Архив историч. и практ. сведений о России. Б.м., 1859. 173 с.
3. Вениаминов (прот. Иоанн). Состояние Православной Церкви в Российской империи // Журн. Мин. Нар. Просв. 1840. № 6.
4. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 г. СПб., 1893.
5. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд. Имп. о-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1904, С. 829.
6. Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутиц. Патриаршее Подворье, 2001. 935 с.
7. Доклад святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на освященном Архиерейском Соборе РПЦ 2 февраля 2011 г. // Журнал Московской Патриархии. 2011. Март. № 3.
8. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. 806 с.
9. Знаменский П.В. История Русской Церкви (учебное руководство)/ П. В. Знаменский. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. 461 с.
10. Знаменский П. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань, 1873. 850 с.

11. Зубанова С. Г. Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX в.: дисс. ... докт. истор. наук. М., 2002. 408 с.

12. Из речи Е. Е. Голубинского на докторском диспуте, состоявшемся 22 декабря 1880 г. // Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд. Императорского университета истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1904, С. VII-VIII.

13. Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси // Богословский вестник. 1892. Т. 1. № 1. С. 77-96.

14. Кудрявцев А., прот. Сравнительный очерк разных видов христианской благотворительности. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Новороссийского университета 30 августа 1885 г. [б.м., б.г.]. 89 с.

15. Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция: вторая половина XVII - начало XX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Томск, 2009. 32 с.

16. Мазин К. А. Диссертационные исследования по истории Русской Православной Церкви (краткий количественно-тематический анализ) // Теология и образование. 2019. № 2. С. 132-140.

17. Махно Л. Л. Проблема социального служения Русской Православной Церкви в трудах отечественных историков конца XIX - начала XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2013. 218 с.

18. Макарий (Булгаков М. П.), митр. История Русской Церкви. Книга четвертая. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240-1589): монография. М.: Директ-Медиа, 2008. 1063 с.

19. Московский церковный вестник. 1990. № 13. Июнь.

20. Панов Г. И., прот. Благотворительные заведения в г. Туле в конце прошедшего столетия / прот. Г. И. Панов // Тульские епархиальные ведомости. 1875. № 8 (15 апр.), прибавл. С. 237-251; № 9 (1 мая), прибавл. С. 273-288; № 10 (15 мая), прибавл. С. 309-317; № 11 (1 июня), прибавл. С. 341-350.

21. Платон (Левшин), митр. Краткая Церковная Российская История. В 2 т. Т. 1. М. 1805. 388 с.

22. Прыжов И. Нищие на Святой Руси. Материалы для истории общественного и народного быта в России. СПб., 1862. 139 с.

23. Рункевич С.Г. Приходская благотворительность в Петербурге. СПб., 1900. 327 с.

24. Смирнов С.В. История Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1855. 554 с.

25. Солнцев Н. И. Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII - XIX веков: дисс. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2009. 662 с.

26. Филарет, архиеп. Черниговский [Гумилевский]. История Русской церкви. Период 1-й, от начала христианства в России до нашествия монголов. (1721-1826 г.). Изд. 5-е. М. : М.А. Ферапонтов, 1888. 273 с.

Махно Лев Львович, канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой, levmakhno@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет

SOCIAL SERVICE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: HISTORY AND MODERNITY

L. L. Makhno

The article provides a comparative analysis of the peculiarities of Church historians' consideration of the social service of the Russian Orthodox Church in the pre-revolutionary period (XIX-early XX century).XX centuries) and understanding of its current state in the XXI century. The article considers the assessments of Orthodox historians and figures of the Russian Orthodox Church based on the analysis of their works and speeches. The article describes various theoretical and methodological approaches to understanding social service as an important social task of the ROC. Its significance for the social policy of Russia is shown.

Key words: social service, Russian Orthodox Church, the church-historical science, historical source, the clergy.

Makhno Lev L'vovich, candidate of historical sciences, docent, manager of kathedra, levmakhno@gmail.com, Russia, Tula, Tula State University

УДК 159.99

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

Н. В. Шурова

Рассматриваются некоторые вопросы, связанные с отношением в современном обществе к семье как основной и фундаментальной ценности, которая, тем не менее, переживает серьезный социально-психологический кризис. Традиции и трансформации системы семейных ценностей рассматриваются как механизм динамических перемен в разных направлениях и областях общественной жизни.

Ключевые слова: семья, современное общество, ценности, социально-психологический кризис.

Семья как структурная единица общества была и остается фундаментальной основой жизни любого отдельного человека и общества в целом. За всю долгую историю существования семьи менялись ее типы,

формы, функции, которые шли вслед за социальными и культурными революциями, войнами и восстановлением мирной жизни. Менялись и ее ценности: материальные, психологические, физиологические, эстетические, нравственные. В сознании многих поколений семейные традиции воспринимаются и воспроизводятся как духовная атмосфера в семье, которая выражается в правилах жизни и общении членов семьи, принятых обычаях и ежедневных ритуалах. Семейных традиций может быть не много, они просто должны быть. Передача традиций от поколения к поколению – это само по себе ценно, потому что объединяет детские, родительские, прародительские поколения.

Экономическое и политическое равноправие мужчин и женщин в современном обществе ставит нас в ситуацию пересмотра, переоценки и переосмысления их роли в самой сложной и значимой составляющей нашей жизни – семейных отношениях. Современные тенденции таковы, что традиций в семье сохраняется все меньше. А те, что приходят им на смену, с точки зрения общекультурных и социальных ценностей не всегда положительны. Постиндустриальное развитие, идея эгалитарности полов, урбанизация сказываются на социальной активности мужчин и женщин, но особенно женщин. Провозглашенное социальное равенство представителей обоих полов ориентирует на их подготовку по одному образцу. Семья для женщин превращается из основной в дополнительную сферу самореализации. При этом у работающей женщины имеет место ролевой конфликт т.к. она выполняет двойную нагрузку [1].

Пересмотр и переоценка семейных ценностей является актуальной проблемой нашего времени. Традиционные семейные ценности подвергаются не просто трансформации, но в отдельных своих аспектах обесцениваются. Эгалитарный подход приводит к смешению социальных ролей, размыванию границ ответственности мужчин и женщин. Акценты социальной активности женщин смещены в сторону общественной жизни и отвлекают ее от семьи. Дети при этом переживают дефицит родительского внимания и влияния семейного воспитания. Общие негативные явления, связанные с невыполнением основных функций семьи, интерпретируются как выражение не просто кризиса института семьи, но, главным образом, ценностного кризиса всего общества.

Понятие «ценности» активно рассматривается различными науками – философией, социологией, психологией, культурологией. Принято выделять объективные и субъективные ценности, из них первые имеют отношение к определению дихотомических категорий: добра – зла, красивого – безобразного, истины – не истины, справедливости – несправедливости и т.п., а вторые имеют отношение к форме нормативных представлений – заповедей, императивов, установок, оценок и т. п. [12].

Изучение специальной литературы подводит нас к следующей достаточно точной формулировке понятия «ценности»: это наиболее важные и значимые установки и принципы, которыми каждый человек руководствуется в повседневной жизни при принятии тех или иных решений.

Ценность определяется как образ части действительности, значение которой влияет на деятельность, отношения, жизненные позиции и в целом на существование личности. В структуре ценностей человека особое место занимают семейные ценности. Это ценности, которые «культивируются в обществе в качестве совокупности представлений о семье, влияющие на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия» [9].

Среди классиков и современных отечественных исследователей, которые занимаются проблемами изучения семьи, следует отметить таких, как Антонов А.И. [12], который сфокусировал внимание на методологических аспектах данной проблематики, А.В. Артюхов [3], рассматривающий вопросы государственной семейной политики, В.Н. Гуров [5], в сферу интересов которого входят исследования в области взаимодействия семьи и школы, а также отмечаем М.С. Мацковского [10], изучавшего проблемы воспитания детей в семьях различного типа. Обстоятельный анализ социализирующей функции семьи в условиях, набирающих силу процессов трансформации и глобализации общества сделан в работах Л.В. Карцевой [6], Г.И. Климантовой [7], Е.А. Мухиной [11].

Семья, как сложное общественное явление, вбирает в себя практически все стороны человеческой деятельности и выходит на все уровни общественной практики: от материального до духовного, от индивидуального до общественно-исторического. Обзор исследований позволяет также условно выделить в структуре семьи три взаимосвязанных блока отношений: 1) кровнородственные; 2) экономические и 3) духовно-психологические и нравственно-эстетические. Только совокупность перечисленных связей, взятая в целостности и единстве, делает семью особой социальной общностью.

Интимные отношения между мужчиной и женщиной, не оформленные юридически и не связанные с ведением общего хозяйства и воспитанием детей, издавна принято считать сожителем или когабитационным союзом [8, с.1]. Экономические отношения и взаимопомощь близких людей, не основанные на брачных и родственных связях, также не считаются элементом семейных отношений, а только деловым партнерством. И, наконец, духовная общность мужчины и женщины ограничивается дружбой, если отношения между ними не принимают свойственную семье форму развития.

Кризисные явления в обществе и кризис семьи тесно взаимосвязаны и имеют общие корни. Общество опирается на духовно-нравственные основы человеческой души, которые закладываются в семье, из нее вырастают и в ней формируются. Из семьи человек выносит в общественную и государственную жизнь те качества, которые становятся источником созидания или зла и разрушения.

Статистические данные констатируют, что за последние сто лет в результате самых разных социально-политических и экономических изменений в обществе число разводов возросло катастрофически. От 2–3 % в начале прошлого столетия эта цифра выросла до 70–85 % в наши дни. Причем время проживания в браке резко сократилось. Двадцать пять – двадцать лет назад разводы происходили в первые три – пять лет, теперь это происходит даже в первый год семейной жизни. Причин подобных негативных социальных явлений можно выделить несколько:

- распространение тенденции перекладывать воспитание детей на нянь, гувернанток, тогда как родители не находят не только времени, но и желания заниматься, играть, отдыхать вместе друг с другом и детьми, что в целом расшатывает устои и отношения в семье;

- отсутствие или крайне недостаточное внимание в родительской семье подготовке детей к самостоятельности и ответственности, нормальной организации времени, что провоцирует рост инфантильности не только в подростковом возрасте, но и юности;

- снижение внимания к семейным традициям, которые нередко сводятся к массовому застолью в дни рождения и другие праздники;

- общество большей частью толерантно к вредным привычкам и ранним сексуальным отношениям молодежи;

- основополагающей ценностью семьи всегда были дети, но намечается тенденция к сознательной бездетной семье (при отсутствии медицинских показаний), т.е. семья без детей перестает быть исключением из правила;

- в прежнее время ценностью было проживание в единственном браке – «пока смерть не разлучит нас», сегодня СМИ наряду с позитивной информацией часто выносят на всеобщее обсуждение частную жизнь «звезд» и медийных представителей нашего общества, освещая количество браков, деление не только финансов, нажитых за время совместной жизни, но и детей [2].

Частные проблемы, на первый взгляд, в результате серьезно деформируют представления о ценности семьи и семейных отношений у эмоционально незрелых, подверженных разному влиянию представителей подрастающего поколения.

Разнообразие концептуальных подходов, анализ современных тенденций и трансформации семейных ценностей позволил выявить три точки зрения на данную проблематику. Первая рассматривает трансформацию традиционной семьи в современную как естественный исторический процесс, который обусловлен переходом к постиндустриальному обществу. Вторая резко отличается от предыдущей и представляет кризис института семьи в России как деградацию общества в целом. В рамках третьей точки зрения утверждается, что кризис выступает как условие, необходимое для модернизации российской семьи, во многом несущей в себе устаревшие семейные установки советского периода.

Такие ученые, как С. И. Голод, М. С. Мацковский, А. Г. Вишневский и др., предлагают воспринимать изменения института семьи как позитивный процесс трансформаций различных форм семьи, т. е. на рухнувшей конструкции традиционной семьи возникают новые альтернативные структуры семьи [9]. Соответственно, задачи семейной политики данной группой исследователей видятся в том, чтобы «ускорить объективный ход событий», завершить процессы «модернизации» в семейной сфере. С другой стороны, А. И. Антонов, В. А. Борисов, В. М. Медков, А. Е. Сидельников [9, 12] и др., придерживающиеся «кризисной парадигмы», призывают рассматривать изменения системы семейных ценностей как «глобальный кризис семейного образа жизни, упадка семьи как социального института».

При этом негативные явления, связанные с невыполнением основных функций семьи, интерпретируются как выражение не просто кризиса только института семьи, но главным образом ценностного кризиса всего общества. Перечисленные причины указывают на качественные изменения функции первичного социального контроля, на то, что социальная ситуация требует смены зон ответственности и укрепления ценности семьи. В принципе, это и является первостепенной задачей и государства, и науки, и культуры, и духовного потенциала страны.

Список литературы

1. Алешина, Ю.Е. Полоролевая дифференциация как комплексный показатель отношений супругов // Вестн. МГУ. Психология. Сер. 14. 1989. № 2. С. 44-53.
2. Антонов А.И. Влияние средств массовой информации и массовой культуры на представление о браке и семье в общественном мнении // Вестник РГНФ. 2004. №1. с. 142.
3. Артюхов А.В. Государственная семейная политика и ее особенности в России //Социологические исследования. 2002 №7. С.108-110.

4. Беляева Я.В. Состояние и динамика отношения молодежи к незарегистрированному браку: дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 212 с.
5. Гуров В.Н. К вопросу о технологии социальной работы с семьей // Социальная защита семьи: современная ситуация, проблемы, пути решения. Т.1. Кн.2. М., 1997. 345 с.
6. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 34-46.
7. Климантова Г.И. Семья в условиях мировых социальных трансформаций // Семья и семейное воспитание: кросс-культурный анализ на материале России и США / под ред. В.И. Жукова. М., 2009. 416 с.
8. Лидовская Н.Н. Взаимоотношения супругов в незарегистрированном браке: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб, 2009. 24 с.
9. Малкина-Пых И.Г. Возрастные кризисы. Справочник практического психолога. М., Изд-во Эксмо, 2005. 415 с.
10. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы, теории, методологии и методики. М., 1989. 112 с.
11. Мухина Е.А. Нравственный потенциал семьи как фактор формирования духовных ценностей молодежи: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2012. 26 с.
12. Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995. 237 с.

Шурова Наталья Владимировна, канд. психол. наук, доц., зав. кафедрой nv_shurova@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF THE MODERN FAMILY

N.V. Shurova

The article deals with some issues related to the attitude of modern society to the family as the main and fundamental value, which, however, is experiencing a serious socio-psychological crisis. Traditions and transformations of the system of family values are considered as a mechanism of dynamic changes in different directions and areas of social life.

Key words: family, modern society, values, socio-psychological crisis.

Shurova Natalya Vladimirovna, candidate of psychology sciences, docent, head of chair, nv_shurova@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

ПРОБЛЕМЫ БЕЗРАБОТИЦЫ МОЛОДЕЖИ (ВЫПУСКНИКОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ) В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.П. Галкина, М.И. Кадничанская

Рассматриваются актуальные аспекты проблемы безработицы молодежи. Они приобретают важность в контексте продолжающихся процессов модернизации российского общества. Обращается особое внимание на отсутствие действенных государственных программ стратегии занятости молодежи. Отмечается, что в существующей ситуации наблюдаются такие явления как дисбаланс рынков занятости и образования, малоэффективность деятельности механизмов, стимулирующих работодателей к трудоустройству молодежи, усугубляющих ситуацию на рынке труда. Цель статьи - выявить актуальные проблемы безработицы молодежи (выпускников учебных заведений) в Ульяновской области. В статье использованы материалы ряда социологических исследований, проведенных авторами в регионе, а также результаты социологического исследования среди студентов выпускных курсов ссузов и вузов Ульяновской области. Для анализа применялись методы описательной статистики, сравнения, оценка связи между переменными.

Ключевые слова: безработица, молодежь, проблемы безработицы молодежи, рынок труда молодежи, трудовая занятость.

Безработица - многоаспектное социально-экономическое явление, характерное для общества с рыночной экономикой. Число безработных зависит прежде всего от темпов экономического роста и эффективности труда, от соответствия профессиональной и квалификационной структуры работников на существующий спрос, от определенной демографической ситуации, от осуществляемой государством политики в сфере занятости.

Безработица является одной из важных проблем современного общества. Влияя на его уровень социально-экономического развития, усиливая социальные противоречия в разных социальных группах, безработица обостряет негативные последствия в экономической сфере [1]. Она способствует снижению национального дохода, ухудшению материального положения людей, приводит к углублению социальной дифференциации, росту девиантного поведения среди населения, развитию нестабильных общественных отношений.

Основы научно-понятийного аппарата понятия "безработица" разрабатывались в рамках экономических научных дисциплин. Многообразие теоретико-методологических подходов к изучению проблем безработного населения зависят от концептуальной направленности экономического анализа [2].

Марксистский подход (К. Маркс, Ф. Энгельс, Н. И. Зибер, Г. А. Лопатин и др.) является отправной точкой в изучении и разработке первых теоретических аспектов проблем труда и безработицы [3, с. 194]. В соот-

ветствии с данным подходом безработица рассматривается в качестве "промышленной резервной армии", или, другими словами "избыточного рабочего населения". В качестве причин безработицы, по мнению представителей данного подхода, выступает тот факт, что избыточное рабочее население является необходимым продуктом накопления капитала. Увеличение объёма капитала влечет за собой разделение рабочего класса на активную армию и резерв, где промышленная армия - динамичная армия, не прекращающая своего роста. Иными словами, безработица - неискоренимый порок капиталистического общества. Для того чтобы избавиться от такого порока, следует изменить общественный строй [4, с. 112].

Сторонники неоклассического подхода (Дж. Перри, Р. Холл и др.) полагают, что безработица - нормальное, добровольное явление, где рыночным регулятором выступает заработная плата [5].

Родоначальником кейнсианского подхода является Дж. М. Кейнс. Кейнсианские идеи о регулировании уровня занятости и безработицы оказались полезными западным странам в решении социально-экономических проблем занятости и безработицы [6]. С проблемами кейнсианская модель столкнулась в период экономического кризиса 1979–1981 гг. Данный кризис кардинально перестроил систему государственного управления, в ходе которого сложилась новая модель государственного регулирования.

Монетаристский подход. Именно монетаристами (М. Фридмен, М. Бэйли, Д. Гордон и др.) было введено понятие "естественная безработица" [7]. Для процветания рынка ими был предложен ряд мер, в ходе которых устраняются формы государственной регламентации экономической деятельности, т. е. реализуется политика дерегулирования. Эти меры подразумевают собой ликвидацию регламентации по заработной плате.

Базовые теоретико-методологические подходы к изучению безработицы по отдельности не характеризуют в полной мере сложное явление безработицы. К примеру, марксистский и кейнсианский подходы рассматривают факт безработицы как неизбежное и вынужденное явление, обусловленное рядом общественных причин. Неоклассический подход рассматривает явление безработицы как естественное и добровольное явление, факторами которого выступают причины личностного характера.

Особое внимание уделяется изучению безработицы в рамках социально-экономической парадигмы, которая развивает экономический подход.

В рамках социологического подхода систему социально-трудовых отношений принято разделять на два крупных блока: 1) отношения в сфере труда и занятости по способу распределения рабочей силы по рабочим местам; 2) отношения внутри производственного сектора, связанные с распределением труда между занятыми в производстве. В социально-экономическом контексте эти два блока называют внешний и внутренний рынок труда [8, с. 97]. Внешний рынок труда – рынок, ориентирующийся

на географическое или профессиональное перемещение рабочей силы. В рамках внешнего рынка труда организации комплектуются кадрами со стороны, выбирая уже подготовленных вне организации работников нужной профессии и квалификации. Внутренний рынок труда – рынок, основанный на движении персонала внутри предприятия: либо по горизонтали, когда работник переходит на новое рабочее место, сходное с прежним по выполняемым функциям и характеру работы; либо по вертикали – на более высокий разряд или должность.

В соответствии с определением, принятым Международной организацией труда (МОТ), под безработицей стоит понимать потерю заработка по причине того, что не получается получить подходящую работу тому, кто готов трудиться и действительно ищет работу. Под категорию безработных попадают все лица трудоспособного возраста, не задействованные в общественном производстве в течение определённого временного промежутка, которые:

- не работали за плату по найму;
- не работали за плату на собственном предприятии;
- были готовы приступить к работе по найму;
- были готовы приступить к работе на собственном предприятии;
- искали работу по найму;
- искали работу на собственном предприятии [9, с. 35].

Согласно Закону РФ "О занятости населения в Российской Федерации" под безработными следует понимать трудоспособных граждан, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней [10].

Особенно актуальными становятся проблемы безработицы среди молодежи. Именно молодежь характеризуется низкой конкурентоспособностью на рынке труда, при этом значительная ее часть не может трудоустроиться или работает в теневом секторе экономики [11, с. 190-192]. К объективным причинам существования безработицы молодежи относятся следующие факторы:

- опыт работы у молодежи отсутствует;
- уровень профессиональной подготовки молодежи не соответствует его качеству;
- профориентационная работа с молодежью недостаточно развита;
- структура подготовки кадров образовательными учреждениями не соответствует потребностям в специалистах на рынке труда;
- уровень притязаний молодежи не соответствует их будущей работе и уровню зарплаты.

Молодежь находится в неустойчивом положении между желаниями осуществления своей профессиональной деятельности и возможностями, которые ей предоставляет современный рынок труда.

Трансформирующийся характер межличностных и социальных отношений, возникающих в трудовой деятельности, современная мотивационная система влекут за собой изменение трудового поведения индивида и самой ценности труда. Именно в молодежной среде идет процесс формирования новой трудовой идеологии. Сегодня для молодежи труд перестает выступать в качестве средства, позволяющего ей наилучшим образом самоутвердиться, самореализовываться. Стремясь к высокому заработку, многие молодые люди теряют нравственные ориентиры и готовы на риск и даже противоправные действия. В результате падения социальной ценности труда у большей части молодежи сформировался социальный пессимизм – неверие в возможность реализовать свои силы и способности в интересной и содержательной работе, оплачиваемой в соответствии с затраченными усилиями [12].

Безработица среди молодежи влечет за собой множество проблем, поэтому на уровень занятости обращают внимание соответствующие государственные органы. Рассмотрим опыт в странах ЕС. В Нижней Баварии в Германии был зафиксирован самый высокий уровень занятости выпускников - 98,2 %. Способствование трудоустройству молодых людей является неотъемлемой частью государственной стратегии в ЕС «ЕТ-2020». С этой целью был установлен эталонный показатель уровня занятости молодых людей в возрасте от 20 до 34 лет, которые за предыдущие один-три года получили хотя бы одно образование: этот коэффициент составляет 82 % [13].

В 2013 году после глобального экономического и финансового кризиса, коэффициент уровня занятости молодых людей упал до 75,4 %, но последние пять лет он постоянно рос и в 2018 году составил 81,6 %. Кроме этого уровень занятости выпускников превысил 82 % в 17 государствах-членах ЕС в 2018 году. Он стал более 90 % на Мальте, в Германии и Нидерландах, в Италии - 56,5 % и Греции - 55,3 %. Напротив, уровень коэффициента занятости выпускников в четырех регионах ЕС составлял менее трети:

- три из этих регионов находились в Южной Италии (Базиликата (31,4 %), Калабрия (31,3 %) и Сицилия (27,3 %));
- один из них был в Центральной Греции, а именно Sterea Ellada (31,8 %; низкая надежность).

Таким образом, мы видим неравномерность распределения коэффициента занятости выпускников в странах ЕС даже при существовании государственной стратегии, что может быть связано с различием экономической ситуации в странах и регионах ЕС [13].

Проанализируем ситуацию в Ульяновской области. Система трудового потенциала Ульяновской области сталкивается с различного рода проблемами, решение которых требует государственного регулирования. Трудовой потенциал региона представляет собой совокупную рабочую силу и совокупную общественную способность населения к труду. Как эко-

номическая категория, трудовой потенциал отражает производственные отношения по поводу воспроизводства психофизиологических, квалификационных, духовных и социальных качеств трудоспособного населения. С количественной стороны трудовой потенциал представляет собой запасы труда, которые определяются общей численностью трудовых ресурсов, их половозрастной структурой, образовательным уровнем и возможностями их использования. Таким образом, трудовой потенциал региона – это те возможности, которые могут быть мобилизованы и приведены в действие в процессе труда, которые образуют физические границы трудового потенциала на любом уровне [14]. Правительством Ульяновской области реализуется ряд мероприятий, связанных с эффективным использованием трудовых ресурсов. Сформирован прогноз баланса трудовых ресурсов Ульяновской области на период до 2022 года [14]. В 2019 году Ульяновская область занимала 15 место из 85 в рейтинге регионов по уровню безработицы, хотя ещё в 2012 году за Ульяновском было закреплено 35 место [16].

Согласно результатам исследования рабочей силы, проведённого ФОМ (опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 20 ноября 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6 %) из 3,6 млн. безработных 26,4% - составляет молодёжь в возрасте до 25 лет и 18,6% - лица в возрасте до 50 лет и старше, где средний возраст безработного составляет 35,5 года.

В ходе мониторинга Федеральной службы государственной статистики была получена информация о динамике изменения уровня безработицы в Ульяновской области с 2000 по 2019 год.

Наиболее высокий уровень безработицы в Ульяновской области наблюдался в 2004 году, и самый низкий – в 2018 и 2019 годах. В 2009 году уровень безработицы приближается к критической отметке. Тем не менее, уже с 2010 года уровень безработицы в регионе начинает постепенно снижаться, достигая к 2018 году минимальной отметки 3,7 % и продолжая ее сохранять в 2019 году [16].

В Ульяновской области с 2018 года организована работа в рамках реализации распоряжения Правительства Ульяновской области от 22 апреля 2015 N 217-пр «Об утверждении Комплекса мер по сопровождению выпускников образовательных организаций, находящихся на территории Ульяновской области, с целью содействия в их трудоустройстве в Ульяновской области» (далее – Комплекс мер). С целью реализации превентивных мер по обеспечению занятости выпускников в 2018 году Агентством по развитию человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области (далее – Агентство) и Министерством образования и науки Ульяновской области был организован мониторинг намерений выпускников образовательных организаций (сроки проведения – ежегодно в мае), а также мониторинг занятости выпускников (сроки проведения – ежегодно в

ноябре).

По информации, представленной образовательными организациями Ульяновской области по состоянию на 25.12.2018:

- общее количество выпускников СПО и ВО – 7841;
- трудоустроен (с учётом выехавших за пределы региона) 4721 выпускник (прогноз 4191 выпускник) или 60,2 % от общего количества выпускников (прогноз – 53,4 %);
- трудоустроены, в том числе по специальности, 4074 выпускника (прогноз – 4006 выпускников) или 86,2 %;
- не определились с трудоустройством (с учётом выехавших за пределы региона) 237 выпускников (прогноз – 312 выпускников) или 3,02% от общего количества выпускников;
- призваны в армию (с учётом выехавших за пределы региона) 1118 выпускников;
- продолжили обучение (с учётом выехавших за пределы региона) 1559 выпускников;
- не определились с трудоустройством 237 выпускников или 3,02 % от общего количества выпускников;
- количество выпускников, выехавших за пределы региона, составляет 879 выпускников, большинство из них (67,9 %) выехали к постоянному месту жительства [17].

Плановая работа региональной службы занятости населения с выпускниками профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, не определившимися с дальнейшим трудоустройством и нуждающимися в содействии органов службы занятости, организована в период с мая по октябрь. В каждом филиале сформированы планы мероприятий по работе с выпускниками, содержащие в том числе превентивные меры, направленные на обеспечение их занятостью, такие как: работа телефонной «горячей линии», организация встреч с работодателями, проведение гарантированных собеседований, мастер-классов по искусству самопрезентации и составлению резюме, молодёжных ярмарок вакансий и учебных рабочих мест и т. д. Наиболее распространённые форматы, применяемые в работе с молодёжью:

- встречи с работодателями, круглые столы по вопросам трудоустройства выпускников;
- гарантированные собеседования, круглые столы с участием глав администраций муниципальных образований и работодателей;
- уроки правовой грамотности.

В 2018 году в службу занятости населения Ульяновской области обратился 351 выпускник, из них трудоустроено – 224 человека. Доля трудоустроенных выпускников образовательных организаций в общей численности выпускников, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в 2018 году, составила 63,8 %.

Для выпускников ежегодно формируется единый перечень предложений для трудоустройства на территории Ульяновской области. В 2018 году перечень предложений содержал порядка 3,2 тыс. вакансий ежемесячно (в 2017 году перечень предложений содержал порядка 2,5 тыс. вакансий ежемесячно). В период с июля по сентябрь была организована информационная «горячая линия» для выпускников образовательных организаций по вопросам содействия в трудоустройстве. В указанный период на телефоны «горячей линии» поступило 93 обращения. По результатам проведенной специалистами службы занятости населения работы трудоустроено 38 человек (40,9%). В течение года в регионе было организовано 39 тематических молодежных ярмарок вакансий и учебных рабочих мест. Всего в ярмарках вакансий и учебных рабочих мест за отчетный период приняло участие 7,5 тыс. человек [17].

С целью изучения перспектив трудоустройства современной студенческой молодежи «Центром стратегических исследований Ульяновской области» было проведено социологическое исследование на тему «Исследование причин, способствующих миграционному оттоку с территории Ульяновской области, в том числе молодежи и высококвалифицированных специалистов», которое имело следующие технические параметры:

- срок проведения: февраль–апрель 2019г.;
- территория исследования: Ульяновская область;
- были опрошены студенты ссузов и вузов Ульяновской области;
- общее число опрошенных – 1600 человек, n=1200 (ссузы), n=400 (вузы);
- выборка многоступенчатая квотная;
- метод сбора информации: анкетирование.

По данным проведенного исследования большинство студентов полностью удовлетворены качеством образования. При этом студенты вузов менее удовлетворены, чем студенты ссузов (среди студентов вузов удовлетворены полностью 68 %, не вполне удовлетворены – 25%; среди студентов ссузов – 77 % и 19 % соответственно).

При оценке степени удовлетворенности материально-техническим обеспечением процесса обучения среди студентов ссузов больше положительных оценок (41% удовлетворены полностью, 17 % удовлетворены не вполне), чем среди студентов вузов (удовлетворены полностью 31%, удовлетворены не вполне 21%).

При оценке ответов иногородних студентов, касающихся условий проживания, выявлены различия: студенты ссузов более удовлетворены условиями проживания (удовлетворены полностью 41%), нежели студенты вузов (удовлетворены полностью 31%).

Таким образом, можно говорить, что студенты – выпускники ссузов более удовлетворены качеством образования, материально-техническим обеспечением процесса обучения и условиями проживания, чем студенты-

выпускники вузов.

В зависимости от формы обучения (бюджетное / внебюджетное) респонденты, обучающиеся на внебюджетной основе, более требовательны при оценке качества образования, материально-технического обеспечения обучения и условий проживания. Среди студентов ссузов удовлетворены полностью качеством преподавания 69 % (обучающиеся на внебюджетной основе) и 79 % (обучающиеся на бюджетной основе), удовлетворены полностью условиями проживания 31 % (обучающиеся на внебюджетной основе) и 43 % (обучающиеся на бюджетной основе).

Среди студентов вузов удовлетворены полностью качеством образования 62 % (обучающиеся на внебюджетной основе) и 70 % (обучающиеся на бюджетной основе), удовлетворены полностью условиями проживания 23 % (обучающиеся на внебюджетной основе) и 35 % (обучающиеся на бюджетной основе).

Были выявлены гендерные различия в ответах респондентов: мужчины в большей мере удовлетворены качеством образования (76 %), чем женщины (61 %), а также материально-техническим обеспечением обучения (58 % - мужчины, 43% - женщины) и условиями проживания (43 % - мужчины, 23 % - женщины).

Анализ самооценки респондентов уровня полученного ими образования показал, что в целом большинство студентов как ссузов, так и вузов считают, что работодатели сдержанно оценивают уровень знаний, умений и навыков, полученных выпускниками в учебных заведениях Ульяновской области.

Самооценка успешности перспектив трудоустройства выпускника без опыта работы по специальности / не по специальности в Ульяновской области, в других городах, регионах РФ, странах среди студентов ссузов и вузов умеренная. Только 19 % опрошенных студентов ссузов оценивают ее как высокую и 18 % - среди студентов вузов. Среди студентов вузов больше тех, кто положительно оценивает перспективы трудоустройства в Ульяновской области не по специальности (21 %), чем среди студентов ссузов (14 %).

Самооценка перспектив трудоустройства за пределами Ульяновской области у студентов ссузов и вузов мало отличается (23 % - высоко для студентов ссузов и 22 % - высоко для студентов вузов).

Таким образом, студенты вузов выше оценивают перспективы трудоустройства не по специальности как в Ульяновской области, так и за ее пределами. Студенты ссузов, наоборот, считают, что больше шансов устроиться на работу по специальности как в Ульяновской области, так и за ее пределами. Ответы студентов ссузов и вузов схожи в том, что в других городах, регионах РФ и за рубежом больше перспектив трудоустройства без опыта работы (как по специальности, так и не по специальности).

Одна из проблем существования безработицы в молодежной среде

– это высокий уровень притязаний к заработной плате. Анализ запросов респондентов к размеру средней заработной платы показал, что среди числа студентов ссузов более половины респондентов указали минимальный размер среднемесячной заработной платы в сумме 30 тыс. рублей, а в перспективе для них оптимальной является заработная плата в размере 45–50 тысяч рублей. Среди студентов вузов более половины опрошенных указали, что будут готовы приступить к работе, если их заработная плата будет не менее 25 тысяч рублей, а желаемый уровень заработной платы в перспективе – 40–45 тысяч рублей. Таким образом, требования к заработной плате у студентов ссузов выше, чем у студентов вузов.

Для молодежи решающим фактором из предложений работодателя, влияющим на выбор места работы, является работа с высоким уровнем заработной платы (47 % - среди студентов ссузов, 49 % - среди студентов вузов). Но опрошенные готовы выбрать работу с невысоким уровнем заработной платы, если есть перспектива профессионального роста (20 % - студенты ссузов, 27 % - студенты вузов). Среди ответов студентов ссузов гендерные различия по данному вопросу не были выявлены. Однако в ответах студентов вузов среди женщин было больше тех, для кого решающим фактором выбора работы является высокий уровень заработной платы (59 %) (у мужчин – 36 %). На работу с невысоким уровнем заработной платы, но с перспективой профессионального роста согласны 24 % женщин и 30 % мужчин.

Была отмечена проблема несбалансированности рынка труда и рынка образовательных услуг, поэтому были проанализированы причины, по которым опрошенные студенты не собираются работать по получаемой специальности. Выделены две общие причины для всех опрошенных: низкая оплата труда по полученной специальности (студенты ссузов – 33 %, студенты вузов – 33 %), появились новые профессиональные интересы (студенты ссузов – 21 %, студенты вузов – 24 %).

Студенты ссузов выделили отсутствие перспектив профессионального роста (11 %), а студенты вузов – невостребованность профессии (специальности) на рынке труда (12 %). При этом большее количество женщин (43 %) выбрали ответ «появились новые профессиональные интересы» (у мужчин – 37 %), а мужчины - «отсутствие перспектив» (30 %) (19 % у женщин).

Были выявлены различия по форме обучения респондентов: среди опрошенных студентов, обучающихся на бюджетной основе, – это студенты ссузов – 56 %, студенты вузов – 63 % – не будут работать по специальности из-за низкой оплаты труда (обучающиеся на внебюджетной основе: студенты ссузов – 39 % , студенты вузов – 43 %). Среди студентов, обучающихся на внебюджетной основе, причина «появились новые профессиональные интересы» является более весомой – это отметили 32 % студентов ссузов и 40 % студентов вузов (обучающиеся на бюджетной основе: сту-

денты ссузов – 21 %, студенты вузов – 23 %).

Таким образом, все респонденты отмечали низкую оплату труда по специальности, появление новых профессиональных интересов, отсутствие перспектив роста и невостребованность специальности на рынке труда области.

В регионе отмечается довольно высокий уровень миграционных настроений среди молодежи. Об этом свидетельствуют результаты ряда авторских социологических исследований, проводимых на территории Ульяновской области [14,17,18].

Результаты нашего исследования показывают, что 59 % выпускников хотят уехать из Ульяновской области для дальнейшего трудоустройства. Студенты ссузов переезд в другой регион или страну рассматривают как возможность получения высоких доходов (23 %), перспектив профессионального роста (13 %), возможность улучшить жилищные условия (9 %). Для студентов вузов причинами переезда являются: возможность получения высоких доходов (26%), перспективы профессионального роста (14 %), возможность трудоустроиться как по полученной специальности (12 %), так и по любым другим специальностям (9 %).

Студенты, обучающиеся на бюджетной основе, чаще выбирали ответ «получение высоких доходов» – 33% (обучающиеся на внебюджетной основе – 21%), а студенты, обучающиеся на внебюджетной основе, чаще выбирали ответ «перспективы профессионального роста» – 29% (обучающиеся на бюджетной основе – 22%).

Опрошенные женщины чаще, чем мужчины, выбирали ответы «получение высоких доходов» (женщины – 33%, мужчины – 21%), «перспективы профессионального роста» (женщины – 33%, мужчины – 27%), «возможность трудоустроиться по любой другой специальности» (женщины – 21%, мужчины – 12%). Мужчины чаще выбирали ответ «возможность трудоустроиться по специальности» (35% - мужчины, 25% - женщины).

Всего 23 % выпускников хотят остаться работать в г. Ульяновске и области. Студенты ссузов остаются работать в Ульяновской области, так как в регионе проживают их родственники (20 %), есть возможность трудоустроиться по специальности (14 %), имеются друзья и хорошие знакомые (13 %). Студенты вузов отмечают следующие причины: наличие родственников (20 %), возможность трудоустроиться по специальности (19 %), профессиональные контакты (14 %).

Таким образом, в регионе выпускников удерживают в большей степени родственные, личностные связи. При этом для опрошенных женщин наличие родственников в регионе более значимо, чем для мужчин (женщины – 29 %, мужчины – 8 %), так же для них более значимы профессиональные контакты (женщины – 26 %, мужчины – 12 %). Мужчины чаще, чем женщины выбирали ответ «трудоустройство по специальности» – 47 % (у женщин – 35 %).

Итак, студенты-выпускники считают, что в других городах, регионах РФ и странах у них больше перспектив для трудоустройства. При этом студенты вузов готовы трудоустроиться как по специальности, так и не по специальности. Студенты ссузов, в первую очередь, рассматривают вариант трудоустройства по специальности. Причиной такого различия могут служить более узкие навыки и умения, получаемые ими в период обучения. Главными причинами переезда для студентов является возможность получения высоких доходов и перспектив профессионального роста за пределами Ульяновской области.

В Ульяновской области в 2018 году, по данным Росстата, средняя заработная плата составила 28138 рублей [15, с.13]. И если студенты вузов рассчитывают на заработную плату, которая чуть ниже уровня средней заработной платы в Ульяновской области (от 25 тысяч рублей), то студенты ссузов рассчитывают на заработную плату, размер которой превышает среднее значение в Ульяновской области (от 30 тысяч рублей).

Было выявлено, что студенты не хотят работать по специальности из-за низкой оплаты труда. Кроме того, во время обучения в вузе или ссузе у многих появляются новые профессиональные интересы.

Можно сделать следующие выводы:

1. Средняя минимальная заработная плата, на которую претендуют выпускники сразу после окончания вуза - 25 тысяч рублей, а в перспективе – 40 тысяч рублей. Выпускники ссузов при этом претендуют на минимальный уровень заработной платы сразу после окончания учебного заведения в размере 30 тысяч рублей, в перспективе - 45 тысяч рублей.

2. Выпускники вузов, в отличие от выпускников ссузов, предпочитают выбирать в качестве города проживания и места работы такие, как Москва, Казань, Санкт-Петербург и др. В то время как студенты ссузов более склонны полагать, что у них есть перспективы хорошо устроиться и зарабатывать в Ульяновске, Димитровграде и Самаре.

3. Выпускники вузов и ссузов примерно в равной степени выделяют среди факторов, влияющих на выбор работы, "работу по специальности с высоким уровнем заработной платы" (49 % - выпускники вузов и 47 % - выпускники ссузов). В меньшей мере выпускники выделяют такой фактор, как "работа по специальности с невысоким, но стабильным уровнем заработной платы" (выпускники вузов - 27%, выпускники ссузов - 20%).

4. Студенты вузов и ссузов готовы остаться работать в городе Ульяновске, если им удастся трудоустроиться по полученной специальности - так считают 19% выпускников вузов и 18 % выпускников ссузов; возможность устроиться на работу, независимо от специальности – 11 % выпускников вузов и 12 % выпускников ссузов. Стоит отметить равную долю выбравших ответ «наличие родственников» (20 %) у респондентов обеих групп.

5. Зависимость самооценки перспектив трудоустройства по специ-

альности или не по специальности от того, какой вуз / ссуз закончили выпускники, проявляется следующим образом: выпускники ссузов и вузов в целом дают сдержанную оценку перспектив трудоустройства, как по специальности, так и не по специальности. Это говорит об умеренных настроениях относительно получения профессионального статуса и формирования социальных ролей в сфере трудовых отношений. Например, уверены в трудоустройстве как по специальности, так и не по специальности выпускники Ульяновского государственного технического университета (УлГТУ). Так, 23 % убеждены в трудоустройстве по специальности, и 19,3 % - не по специальности. В то время как выпускники Карсунского медицинского техникума имени В.В. Тихомирова не так в этом уверены (35,7%).

6. Зависимость перспектив трудоустройства от населённого пункта, где выпускники видят свою возможность устроиться на работу, имеет следующие особенности: выпускники вузов дают сдержанную оценку перспектив трудоустройства по специальности, как в городе (57,1 %), так и в рабочем посёлке (57,9 %). Вместе с этим, ими достаточно высоко оценивается перспектива трудоустройства в деревне (44,4 %). Трудоустройству не по специальности как в городах, так и в рабочих посёлках также даётся средняя оценка (50,4 % – в городах, 44,4 % – в рабочих посёлках).

Следует отметить, что вне зависимости от трудоустройства по специальности или не по специальности студенты ссузов дают умеренную оценку перспектив своего трудоустройства, а именно: 59,7 % – по специальности и 44,4 % – не по специальности в городе; 55,8 % – по специальности и 37,2 % – не по специальности в рабочем посёлке; и 59,2 % - по специальности и 31,8 % – не по специальности – в деревне (в селе).

В среднем, оценка у мужчин и женщин, являющихся выпускниками вузов, относительно трудоустройства по специальности составляет - 55,6 %, а не по специальности - 49,2 %, а у выпускников ссузов по специальности - 59,9 %, а не по специальности - 43,2 %. Данные показатели можно рассматривать, как отражение наличия / отсутствия равных возможностей в борьбе за конкуренцию по гендерному признаку в условиях рынка труда.

Выпускники вузов и ссузов в качестве перспективной заработной платы выбирают такую, которая будет находиться в диапазоне 20 – 35 тысяч рублей. В свою очередь, желаемая заработная плата, размер которой составляет 30 – 50 тысяч рублей, объясняется амбициями и желаниями удовлетворения как базовых, так и социальных потребностей.

Не было выявлено гендерных различий в выборе фактора, оказавшего влияние на выбор места работы: работу по специальности (не по специальности) с высоким уровнем заработной платы отметили 36,3 % мужчин и 59 % женщин, окончивших вуз, и 46,9 % мужчин и 48,3 % женщин, окончивших среднее специальное учебное заведение.

Опрошенные отмечали следующие проблемы реализации государственных программ в борьбе с безработицей молодежи в Ульяновской об-

ласти:

- слабая информированность молодежи о возможностях участия в различных государственных программах и их особенностях;

- без официальной регистрации безработные не имеют таких возможностей как: бесплатное пользование услугами службы занятости; финансовое обеспечение в виде пособия на период поиска работы; получать направления на работу по актуальным вакансиям, представленным работодателями; принимать психологическую поддержку квалифицированного специалиста; научиться приемам самопрезентации и адаптации на рынке труда; получить консультационную и финансовую помощь при организации самостоятельной занятости; обучиться на курсах профессионального обучения, получить дополнительное образование с назначением стипендии и материальной помощи; участвовать в мероприятиях временного трудоустройства с материальной поддержкой помимо заработной платы и др.;

- слабое взаимодействие учебных заведений и организаций, оказывающих государственные услуги в сфере занятости.

Таким образом, государственное регулирование безработицы молодежи в Ульяновской области требует доработок, способствующих повышению эффективности деятельности государственных программ.

Официальные данные государственных органов показывают снижение процента безработных (в 2017 г. – 4,4 %, в 2018 г. – 3,7 % [15, с. 43], при этом опрос выпускников учебных заведений свидетельствует, что большинство молодых людей часто сталкиваются с проблемой безработицы, особенно после окончания обучения.

По мнению студентов-выпускников, у студентов вузов больше шансов трудоустроиться в Ульяновской области, так как они готовы работать как по специальности, так и не по специальности и предъявляют более адекватные требования к размеру заработной платы, нежели студенты ссузов.

Основными причинами, по которым молодежь становится безработной, являются низкий уровень оплаты труда, отсутствие опыта работы, слабые навыки в поиске работы, неумение ориентироваться в рыночной ситуации, невостребованность полученной в учебном заведении специальности (профессии) в регионе на рынке труда, низкий уровень квалификации по имеющейся специальности (профессии).

Молодежь при поиске работы редко обращается за помощью в центры занятости населения. Большинство безработной молодежи не использует предоставляемые им возможности и мало информирована о них.

Список литературы

1. Лапин И.И. Влияет ли безработица на вселяемость вынужденных мигрантов в восточные регионы России? // СОЦИС / Демография. Мигра-

ция. 2003. №4.

2. Зверева Е. В., Шайкина Л.К. Ретроспективный анализ концепций регулирования занятости населения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. С. 1–11.

3. Старовойтова Л.И., Золотарева Т.Ф. Занятость населения и ее регулирование. М. Академия, 2001 г. 192 с.

4. Золин И.Е. Рынок труда в национальной экономике (теоретико-методологические аспекты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 38 (275). С. 45–55.

5. Никитина А. В. Безработица как социально-экономическое явление в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 4. С. 102–105.

6. Занятость и безработица в Российской Федерации в декабре 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/13.htm (дата обращения: 17.12.2019).

7. Заяц О. В. Занятость населения и её регулирование. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2003. 153 с.

8. Жулина А. А. Экономика труда. Учеб. пособие. М.: Дело, 2013. 400 с.

9. Сулакшин С. С., Шишкина Н. И. Безработица в России. М.: Наука и политика, 2015. 40 с.

10. Закон РФ "О занятости населения в Российской Федерации" от 19.04.1991 № 1032-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 30.03.2020).

11. Макаров В. В. Безработица молодежи как социальная проблема // Молодой ученый. 2017. № 47. С. 190–192.

12. Пасовец Ю.М., Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Молодежь российских регионов: коллективная монография / Ю.М. Пасовец, М.И. Кадничанская, Е.П. Галкина. Курск: Изд-во Курск.гос. ун-та, 2017. 236с.

13. Education and training statistics at regional level [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Education_and_training_statistics_at_regional_level (дата обращения: 16.03.2020).

14. Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Проблемы развития трудового потенциала и ресурсов в контексте государственной политики региона (на примере Ульяновской области) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Том 3. №4. С.256–271.

15. Ульяновская область в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. – Ул., 2019. 144с. [Электронный ресурс]. URL: https://uln.gks.ru/storage/mediabank/0103_2019.pdf (дата обращения 30.03.2020).

16. Фонд Общественного мнения. Безработица: Мониторинг.

[Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/13138> (дата обращения: 21.12.2019).

17. Материалы к заслушиванию отчета Первого заместителя Председателя Правительства Ульяновской области Уба Екатерины Владимировны о результатах деятельности возглавляемых ими региональных исполнительных органов государственной власти за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <https://opuo.ru/wp-content/uploads/2019/03/Otchet-Pervogo-zamestitelya-Predsedatelya-Pravitelstva-UO-E.V.Uba-za-2018-god-chast-2.pdf> (дата обращения: 30.03.2020).

18. Кадничанская М.И., Галкина Е.П., Климович Л.В. Социально-экономические факторы миграционных установок молодежи Ульяновской области // 25th International Scientific Conference on Economic and Social Development - "XVII International Social Congress (ISC-2017)" / XVII Международный Конгресс ISC-2017 / Конференция ESD 30-31 октября 2017 г., г. Москва, РГСУ. С.552–559.

Галкина Елена Петровна, канд., социол. наук, доц., pyh2000@mail.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный университет,

Кадничанская Марина Ивановна, канд., социол. наук, доц., m-i-kad@yandex.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный университет

PROBLEMS OF YOUTH UNEMPLOYMENT (GRADUATES OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS) IN THE ULYANOVSK REGION

E. P. Galkina, M. I. Kadnichanskaya

Topical aspects of the problem of youth unemployment are considered. They are becoming important in the context of the ongoing processes of modernization of Russian society. Special attention is drawn to the lack of effective state programs for youth employment strategy. It is noted that in the current situation, there are such phenomena as an imbalance in the employment and education markets, the inefficiency of mechanisms that encourage employers to employ young people, which aggravate the situation on the labor market. The purpose of the article is to identify current problems of youth unemployment (graduates of educational institutions) in the Ulyanovsk region. The article uses the materials of a number of sociological studies conducted by the authors in the region, as well as the results of a sociological study among graduate students of colleges and universities in the Ulyanovsk region. For the analysis, methods of descriptive statistics, comparison, and evaluation of the relationship between variables were used.

Key words: unemployment, youth, problems of youth unemployment, youth labor market, labor employment.

Galkina Elena Petrovna, candidate of social sciences, docent, pyh2000@mail.ru, Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk state University,

Kadnichanskaya Marina Ivanovna, candidate of social sciences, docent, m-i-kad@yandex.ru, Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk state University

АНАЛИЗ БРАЧНОГО ВЫБОРА: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В. С. Харченко, Е. В. Кожевникова

Представлены результаты эмпирического исследования понятия «брачный выбор» - понятия, которое является достаточно проработанным на теоретическом уровне. На материалах трех взаимосвязанных исследований рассмотрены механизмы реализации брачного выбора. Контент-анализ брачных объявлений позволил описать декларируемые фильтры и самофильтры брачного отбора, используемые в брачных объявлениях. Изученные объявления показали разницу брачного отбора в различных аудиториях (читатели газеты и пользователи социальной сети) и форматах размещения. Вторичный анализ данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ) и информации о российских супругах позволил описать действие фактического брачного отбора. Материалы кейс-стади брачного агентства дополнили осмысление декларируемых и фактических фильтров брачного выбора в условиях институциональных механизмов их реализации. Полученные результаты исследований показали, что в брачном выборе есть возрастная и гендерная специфика в использовании фильтров. Декларируемые фильтры брачного отбора не всегда реализуются при возникновении фактического брака. Предложенная методология исследования может быть использована в дальнейшем прояснении и уточнении брачного выбора в эмпирическом и теоретическом осмыслении.

Ключевые слова: брачный выбор, брачный отбор, фильтры брачного отбора, самофильтры брачного отбора, семья, брак, контент-анализ, РМЭЗ, кейс-стади.

Семья и брак являются одной из главных ценностей в жизни человека, что подтверждают опросы общественного мнения. В 2000 г. 39 % россиян выбрали семью как наиболее значимую ценность в их жизни, в 2013 г. – почти две трети (65 %) [1]; в 2016 г. 75 % молодежи (18–30 лет) выбрали «взаимопонимание и хорошие отношения в семье» самым важным в жизни [2]. Большинство россиян придерживается мнения о необходимости вступления в брак и создания семьи (78 % и 77 % в 2017 и 2019 гг. соответственно) [3]. Брак и семейные отношения являются значимыми в жизни человека и сегодня.

Изучение брачно-семейной проблематики является сложившимся направлением в российском социологическом знании со сформировавшимися теориями и подходами [4–10]. Актуальными сегодня являются следующие темы:

1. Изучение новых форм брачных отношений – трансформации институтов семьи и брака за последнее время сформировали устойчивый тренд на распространение свободного брака, сожительства, расширенной семьи и т. д. [11–14].

2. Усиление значимости таких функций семьи и брака, как воспитание, опека над детьми – формирование солидарности вокруг заботы о детях, в том числе вне института брака (формальных брачных отношений) [15–17]. Увеличение числа людей, не готовых (и не планирующих) вступить в брачные отношения, что отражается и на увеличении возраста вступления в брак и числа людей, не состоящих в браке [18, 19]. Кроме того, по данным Росстата прослеживается тренд на сокращение числа браков на 1000 человек населения (так, например, в 2013 году этот показатель был 8,5, в 2015 г. – 7,9).

Сохраняют актуальность исследования добрачных отношений и выбора брачного партнера [20–29]. А.И. Антонов и В.М. Медков достаточно подробно описали факторы выбора брачного партнера и выделили понятие «фильтры брачного отбора», основываясь на анализе проведенных ранее эмпирических исследований. Накопленный теоретико-методологический опыт обеспечил обоснование основным понятиям исследования – «брачный выбор» и «фильтры брачного выбора».

Брачный выбор рассматривают как процесс движения через культурные, социологические и психологические фильтры, способствующие постепенному сужению пространства возможных выборов. Выбор супруга мотивирован стремлением каждого партнера сделать наилучшее из всех возможных «приобретений». Достоинства и недостатки другого выявляются в процессе развития отношений с ним, когда различные факторы пропускаются через систему фильтров для определения продолжения отношений. Значение различных фильтров выбора брачного партнера постоянно меняется: если ранее основными мотивациями выбора партнера являлись его биологические и физические характеристики, то по результатам исследования 2012 г. одним из самых важных критериев становится «ум» [30].

Фильтры брачного выбора (или отбора) – это критерии, предъявляемые к будущему партнеру, которые отсеивают людей из множества возможных партнеров и сужают индивидуальный выбор. Под «самофильтрами» понимаются критерии брачного выбора, применяемые личностью к себе, а не к партнеру. Особенностью фильтров брачного выбора является их историческая обусловленность, и в условиях трансформации общества некоторые фильтры могут менять свою значимость. Однако в настоящее время недостаточно эмпирических исследований, описывающих брачный выбор и особенности его реализации. На основе использования 3 разных методов анализа брачного выбора мы изучили действия декларируемых и фактических фильтров брачного отбора (по типологии А.И. Антонова и В.М. Медкова), а также институциональные возможности их реализации.

Эмпирическая база исследования основана на реализации разных методик, объединенных общей тематикой в январе–апреле 2015 г.

1. *Контент-анализ «брачных» объявлений, опубликованных в газете «Из рук в руки» и в сообществе «ZE Знакомства Екатеринбург» социаль-*

ной сети «ВКонтакте» 2013-2015 гг. Основной фокус анализа – выявление декларируемых брачных фильтров и самофильтров. Использование контент-анализа обосновано возможностью собрать достаточный массив информации за несколько лет и выявить, как часто и какие именно фильтры брачного отбора применяются при поиске супруга. Проводился сплошной отбор брачных объявлений, опубликованных в газете (n=511), и случайная механическая выборка с шагом в 100 объявлений в сообществе социальной сети (n=511). Единицей счета являлось появление признаков брачного выбора в тексте, единицей анализа являлось слово или словосочетание, соответствующие определенному фильтру или самофильтру брачного отбора. Кодировки фильтров/самофильтров¹, которые использовались в контент-анализе: близость («из г. Екатеринбург», «центр города»), возраст («такого же возраста», «не старше 30 лет»), физический облик («привлекательной внешности», «красивая», «спортивного телосложения», «блондинка», «рост 170 см»), этническая принадлежность («русский», «татарка»), образование: («образованный», «образование не ниже среднего», «с высшим образованием»), религия («православие», «ислам», «верующий»), социальная группа («богатый», «обеспеченный», «пенсионер», «предприниматель», «студент», «работаю»), брачный статус («вдовец», «разведена», «холост»), интеллект («умный», «интеллектуал»).

Для обработки данных использовалась программа Microsoft Excel, анализ осуществлен при помощи пакета IBM SPSS.

2. *Вторичный анализ данных опроса домохозяйств и индивидов «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ-RLMS)»²* (23-я волна, 2014 год; N=4872, n=1938) для описания реализуемых (фактических) брачных фильтров россиян. Формирование базы ответов супругов для проведения сравнительного анализа было осуществлено в несколько этапов:

а) из репрезентативной базы опроса домохозяйств была составлена выборка супругов;

б) из полной базы опроса индивидов на основе кодов домохозяйств найдены и отобраны наблюдения мужа и жены по отдельности;

в) отдельные наблюдения преобразованы в общую базу с информацией по каждому супругу.

Анализ данных осуществлен при помощи пакета IBM SPSS.

3. *Кейс-стади брачного агентства «Любава»* (г. Екатеринбург) необходимо было для описания институциональных способов реализации брачного выбора. Кейс-стади основано на анализе сайта брачного агентства, фокусированного интервью с его директором и включенного наблюдения на вечере встреч клиентов агентства (30.04.2016).

¹ Использовалась типология А.И. Антонова и В.М. Медкова.

² Официальный сайт лонгитюда «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ-RLMS». Режим доступа: <https://www.hse.ru/rlms/>

Действие декларируемых брачных фильтров, используемых в объявлениях о знакомствах. Контент-анализ брачных объявлений в газете и социальной сети позволил выяснить особенности использования фильтров и самофильтров, а также различия, связанные с форматом размещения объявлений о знакомствах.

Выбор газеты обоснован ее популярностью среди изданий с бесплатными объявлениями – общий тираж составляет 1,6 миллиона экземпляров; выбор сообщества обусловлен его тематической направленностью и популярностью (более 44 тыс. участников). Анализ объявлений в социальной сети для изучения брачного выбора обеспечила контрастность слу-чаев.

Анализ брачных объявлений газеты. Чаще всего в качестве фильтров читатели газеты указывали «возраст» (54 %) и «физический облик» (32 %). Анализ взаимосвязи гендера и использования фильтров выявил слабую корреляцию: женщины чаще, чем мужчины указывают в качестве фильтров этнос (20 % против 3 %), интеллект (15 % против 1 %), социальную группу (14 % против 3 %) и образование (6 % против 2 %), а мужчины чаще использовали физический облик (36 % против 26 %).

Часто в качестве самофильтров читатели газеты указывали свой возраст (85 %) и физический облик (48 %). Использование самофильтров имеет гендерную обусловленность: мужчинам важнее указание возраста (85 % против 70 %), социальной группы (17 % против 7 %), брачного статуса (11 % против 6 %) и этноса (5 % против 0 % у женщин), а для женщин оказалось важным указать на внешность (66 % против 48 %).

Использование фильтров и самофильтров оказалось не симметричным у мужчин и женщин: мужчины в объявлениях часто указывают на свою социальную группу, возраст и физический облик, но реже используют их как фильтры отбора. Женщины преимущественно указывают для отбора интеллект, этнос и брачный статус и реже отличают эти характеристики у себя. Схожи мужчины и женщины в описании своей внешности и возраста и редком использовании их как фильтров для партнера (табл. 1).

Таблица 1

Использование фильтров и самофильтров в брачных объявлениях газеты «Из рук в руки», в % по столбцам от общего количества случаев, где указан фильтр или самофильтр (отсортировано по «фильтр – всего»)

Брачный фильтр	Фильтр			Самофильтр		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
возраст	55	53	54	85	70	85
физический облик	36	26	32	48	66	45
брачный статус	12	14	13	11	6	11

Окончание табл.1

близость	10	8	9	11	7	11
этнос	3	20	9	5	0	5
социальная группа	3	14	7	17	7	17
интеллект	1	15	6	2	1	2
образование	2	6	3	1	4	1
религия	0	0	0	0	0	0
ни одного не указано*	26	21	24	7	7	7

*Примечание: * отмечена доля случаев, когда фильтр вообще не был указан, от общего числа проанализированных объявлений.*

Читатели газеты не применяют большое число брачных фильтров к будущему партнеру и не считают важным указывать множество своих характеристик, в большинстве случаев они используют по 1 или 2 фильтра (31 % и 33 % соответственно) и самофильтра (25 % и 42 % соответственно). Корреляционный анализ выявил слабую взаимосвязь между полом и количеством фильтров и самофильтров: женщины указывают на большее число фильтров, а мужчины – самофильтров.

Брачные фильтры в объявлениях в социальной сети. Пользователи социальной сети чаще всего использовали фильтры «возраст» (14 %), «физический облик» (10 %) и «интеллект»(8 %). Выявлена слабая взаимосвязь между полом и фильтрами: мужчины чаще указывали «физический облик» (13 % против 6 %), женщины часто использовали «возраст» (21 % против 8 %), «интеллект» (12 % против 6%) и «социальную группу» (5 % против 0 %).

Пользователи социальной сети часто указывали в объявлении на свой возраст (75 %), место проживания (43 %) и социальную группу (35 %). Анализ гендерных различий в использования самофильтров показал слабую взаимосвязь: мужчины чаще женщин указывали на свой возраст (81% против 68 %), место проживания (53 % против 30 %) и социальную группу (46 % против 21 %) (табл. 2).

Таблица 2

Использование фильтров и самофильтров в объявлениях в сообществе в социальной сети «ВКонтакте», в % по столбцам от общего количества случаев, где указан фильтр или самофильтр (отсортировано по «фильтр – всего»)

Брачный фильтр	Фильтр			Самофильтр		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
возраст	8	21	14	81	68	75
физический облик	13	6	10	8	10	9

Окончание табл.2

интеллект	6	12	8	1	3	2
брачный статус	4	4	4	9	8	9
близость	3	1	2	52	31	43
социальная группа	0	5	2	45	21	35
образование	1	< 1	< 1	12	13	12
этнос	< 1	3	1	1	< 1	1
религия	< 1	0	< 1	< 1	0	< 1
<i>ни одного фильтра не указано*</i>	70	58	65	7	18	12

Примечание: * указана доля случаев, когда фильтр вообще не был указан, от общего числа проанализированных объявлений.

Существенное несовпадение в использовании фильтров и самофильтров обнаружено по отношению к социальной группе, образованию, близости, брачному статусу и возрасту: участники сообщества часто указывали их в своем описании и реже в качестве фильтров отбора. Отметим, что интеллект часто использовался как фильтр отбора и редко в качестве самофильтра.

Особенностью брачных объявлений в социальной сети является то, что большинство вообще не использовали фильтров отбора (65 %), 26 % - только 1 фильтр. В самоописании пользователи социальной сети чаще всего использовали 1 или 2 самофильтра (27 и 33 % соответственно). Зафиксирована слабая взаимосвязь между гендером и количеством используемых фильтров и самофильтров: мужчины чаще женщин вообще не используют фильтры в своих объявлениях, но используют больше самофильтров, чем женщины.

Сравнительный анализ объявлений в газете и в сообществе. Базовыми различиями в брачных объявлениях в двух изученных источниках является формат подачи объявления и форма его распространения, а также возраст аудиторий – в газете это люди более зрелого возраста, а в социальных сетях – молодежь¹. В объявлениях газеты чаще использовались различные фильтры, чем в сообществе: в среднем читатели использовали 1,3 фильтра, 24 % не использовали никаких фильтров, а в социальной сети – в среднем 0,4 фильтра, не указан ни один фильтр у 65 % пользователей. Значительная разница зафиксирована в использовании фильтров «возраст» и «внешность»: в газетных объявлениях их указывали чаще, чем в социаль-

¹ Аудитория проанализированных источников брачных объявлений значительно различается по возрасту: если аудиторию пользователей, подавших объявление в сообщество «Знакомства Екатеринбург» составляет в основном молодежь, то читатели газеты «Из рук в руки» - это люди более старшего возраста (разница среднего возраста двух аудиторий составляет почти 30 лет). Средний возраст читателей газеты, которые разместили в ней брачные объявления, составил 49,6 лет (минимальный 25 л., максимальный 72 г.). Средний возраст пользователей, опубликовавших объявление о знакомстве в сообществе «Знакомства Екатеринбург», составил 21-22 года (минимальный возраст – 14 л., а максимальный – 33 г.).

ных сетях (54 % и 14 %, 33 % и 10 % соответственно) (табл.3). Отсюда следует, что люди старшего возраста предъявляют больше требований к своему избраннику по сравнению с молодежной аудиторией.

Таблица 3

**Сравнение использования брачных фильтров в объявлениях,
в % от общего числа фильтров**

Брачный фильтр	Газета «Из рук в руки»	Сообщество «Знакомства Екатеринбург»
возраст	54	14
физический облик	32	10
брачный статус	13	4
этнос	9	1
близость	9	2
социальная группа	7	2
интеллект	6	8
образование	3	< 1
религия	0	< 1

Для молодежи оказалось более важным в самопрезентации указать на место проживания (43 %), что было реже в объявлениях читателей газеты (11 %). Выявленная разница в использовании внешности как самофильтра (48 % читателей и 9 % участников сообщества) объясняется возможностями площадок для размещения брачных объявлений. В сообществе к объявлениям авторы «прикрепляют» свою фотографию и в описании своей внешности нет необходимости, это нельзя сделать в газете, и поэтому авторы газетных объявлений стараются «внести ясность» в физический облик.

По-разному используют самофильтр «социальный статус»: чаще его указывают пользователи социальной сети, чем читатели (35 % против 17 %). Объяснение этой закономерности связано с возрастной спецификой аудиторий: в социальной сети это преимущественно молодежь, учащиеся вузов, ссузов, школ, и для них важно указать принадлежность к социальной группе.

Таблица 4

**Сравнение использования брачных самофильтров в объявлениях,
в % от общего числа самофильтров**

Брачный фильтр	Газета «Из рук в руки»	Сообщество «Знакомства Екатеринбург»
возраст	85	75
физический облик	45	9
социальная группа	17	35
брачный статус	11	9

Окончание табл.4

этнос	5	< 1
близость	11	43
интеллект	2	2
образование	1	12
религия	0	< 1

Сравнительный анализ показал, что использование разных площадок для размещения брачных объявлений влияет на специфику используемых брачных фильтров. Наиболее используемыми фильтрами брачного отбора являются возраст и физический облик; в качестве самофильтров в основном обозначают возраст, и это характерно и для мужчин, и для женщин вне зависимости от возраста. Гендерные различия в использовании количества фильтров или самофильтров в объявлениях проявляются в том, что мужчины чаще пишут о себе, а женщины более требовательны и используют больше фильтров, чем самофильтров.

Анализ функционирования декларируемых брачных фильтров выявил установки брачного выбора, а не действительно реализуемые механизмы. Изучение фактического действия брачных фильтров было реализовано на данных анализа характеристик супругов в РМЭЗ.

Брачный выбор современных российских супругов. Использование информации о российских супругах дает возможность изучить реализованные брачные фильтры и выяснить, «сработали» ли они. Проанализировав соотношение различных характеристик российских супругов по базе РМЭЗ, мы получили данные о возрастной, профессиональной, образовательной, этнической, конфессиональной, экономической (доходной) дифференциации фактического брачного выбора. В силу особенностей используемой базы данных проанализировать действия брачного фильтра «внешность» было невозможно.

Возрастная дифференциация. Действие брачного фильтра «возраст» основывалось на разнице между возрастом мужа и жены; важно было понять, как реализуется брачный фильтр в российских семьях, насколько возраст супругов совпадает или различается.

Только в 13 % случаев возраст супругов совпал, что говорит о распространности различий в возрасте партнеров. Анализ базы данных о возрасте российских супругов выявил, что муж в среднем старше своей жены на 2,2 года (медиана – 2 года; мода – 0). Самая часто встречающаяся разница в возрасте супругов составила 1–3 года (43 %). Ситуация, когда жена старше мужа, встретилась в 20 % случаев.

Таким образом, брачный фильтр «возраст» в современном российском обществе срабатывает в небольшой разнице между супругами, при этом часто муж старше своей жены.

Уровень образования. У 43 % российских супружеских пар уровень полученного образования совпадает. Более половины людей с высшим образованием и выше (52 %) состоят в браке с партнером одной образовательной группы. Респонденты со средним образованием (70 %) и ниже среднего (63 %) состоят в браке с партнером такой же образовательной группы. Женщины с образованием ниже среднего предпочтительно выбирают себе в супруги мужчину со средним образованием.

Таблица 5

**Соотношение уровня образования российских супругов,
в % по строкам**

Образование жены	Образование мужа			Итого
	ниже среднего	среднее	высшее и выше	
ниже среднего*	63	36	2	100
среднее	16	70	14	100
высшее и выше	6	42	52	100

Примечание: *значение «ниже среднего» получено путем объединения значений «окончил 0-6 классов», «незаконченное среднее образование (7-8 кл.)»; «среднее» - объединение значений «законченное среднее образование» и «законченное среднее специальное образование».

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о «срабатывании» брачного фильтра «образование» в выборе партнера из схожей образовательной группы.

*Национальность, этническая принадлежность*¹. Подавляющее большинство российских супругов состоят в браке с партнером той же национальности, к какой сами себя относят (89 %). Большинство русских состоят в браке с партнером такой же национальности (94 %). Супруги других национальностей (армяне, татары, чувашаи, мордовцы, кабардинцы и др.) предпочтительно выбирают себе партнера своей этнической группы. Отметим, что часто украинцы (73 %) и украинки (82 %) предпочитают выбирать себе партнера русской национальности. Анализ показывает, что при заключении брака фильтр «национальность» зачастую срабатывает в отношении одинаковой группы.

Социальный статус (занятость, профессия, отрасль работы). В 68 % случаев у российских супругов основное занятие совпадает – они оба либо работают, либо нет.

Анализ профессиональных различий показал, что в 35 % случаев профессиональная группа супругов совпадает и более гомогенными являются браки военнослужащих. Специалисты высшего уровня квалификации предпочтительно выбирают супруга из такой же профессиональной группы или из группы специалистов среднего уровня квалификации. Таким об-

¹ Следуя использованной нами методологии Антонова А.И., Медкова В.М.

разом, принадлежность супругов к одной профессиональной группе не является редкостью, но гомогенность зависит от сферы.

В 37 % российских браков отрасль работы супругов совпадает: работающие в таких отраслях как транспорт и связь, сельское хозяйство, торговля и бытовое обслуживание имеют партнера, занятого в той же сфере.

Итак, брачный фильтр «социальная группа» в российском обществе реализуется через однородность супругов по роду занятости, отрасли работы и профессиональной принадлежности.

Религиозная дифференциация. В подавляющем большинстве российских семей (87 %) супруги относят себя к одной религии. Большинство православных и мусульман находятся в браке с партнерами той же религии, что и они сами (90 % и 82 % соответственно). Отсюда религиозная принадлежность как брачный фильтр зачастую реализуется в выборе партнера одной конфессии.

Доходы супругов. Одинаковый (совпадающий) доход у супругов встречается лишь в 4 % случаев. Средняя разница между доходами российских супругов составила 7307 рублей, и доход мужа выше, чем доход жены. Только в 19 % случаев доход супруги выше, чем у супруга.

«Доход» как брачный фильтр в данном случае является достаточно условным и не характеризует ситуацию выбора партнера. В целом структура бюджетов супружеских домохозяйств связана с демографическим циклом: бюджеты семей с детьми, требующими ухода, формируются преимущественно за счёт доходов мужчины. В исследовании Т. Ю. Чекашиной на сравнительных данных баз домохозяйств РМЭЗ (2004, 2010, 2016 гг.) описаны семьи, отличающиеся структурой семейных бюджетов. Результаты показали, что в большинстве случаев единоличное финансовое лидерство мужчин в семье связано с уходом женщины из оплачиваемой занятости в связи с рождением и воспитанием детей. Ситуация, когда вклад доходов женщины выше, характерна для супружеских домохозяйств без детей [31].

Мы специально изучили различия в совпадениях у супругов, состоящих в *зарегистрированном и незарегистрированном браке*. По результатам анализа пришли к выводу: у супругов, состоящих в зарегистрированном браке, больше совпадений по всем характеристикам, чем у супругов с незарегистрированными отношениями.

Анализ взаимосвязи семейного положения супругов и совпадения их характеристик показал слабую корреляцию с «основным занятием», «религией» и «личным доходом». Средняя сила корреляции зафиксирована формой регистрации брачных отношений с «возрастом» и «образованием». Как показал анализ, между семейным положением и характеристиками «профессиональная группа», «национальность» и «отрасль работы» статистически значимая связь отсутствует.

Таблица 6

Совпадение характеристик супругов по статусу брачных отношений, % совпадений от общего числа наблюдений

Характеристика супругов	Состоят в зарегистрированном браке	Состоят в незарегистрированном браке
национальность	90	84
религия	87	83
основное занятие	70	53
образование	44	39
отрасль работы	39	26
профессиональная группа	36	26
возраст	13	9
личный доход	4	3

У супругов, состоящих в зарегистрированном браке, чаще совпадают характеристики, чем у сожителей. Отсюда следует, что в зарегистрированном браке супруги находятся в более гомогенных социальных группах и имеют больше сходств, чем те, кто законодательно свои отношения не оформил.

Обобщая данные анализа, отметим, что практически все брачные фильтры срабатывают в российских семьях. В качестве наиболее значимых брачных фильтров выступают национальность (89 %), религия (87 %), основное занятие (68 %) и образование (64 %). В трех-четырех из десяти супружеских пар профессиональная группа и отрасль работы супругов совпадают. Несмотря на несовпадение возраста супругов можно считать фильтр работающим, так как средняя разница оказалась несущественной. Доход супругов совпадает крайне редко (4 %), что связано со спецификой семейных бюджетов в российских домохозяйствах.

Контент-анализ брачных объявлений и вторичный анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ позволил изучить стихийное, субъективное действие брачного выбора, когда человек полагается на свой собственный опыт. Институционализацию брачного выбора мы изучили в рамках кейс-стади брачного агентства.

Институционализация брачного выбора. Идея проведения кейс-стади брачного агентства заключалась в выявлении инструментальных способов использования и применения брачных фильтров в поиске партнера при помощи специалистов в этой области. В современном обществе брачное агентство выступает как инструмент решения проблем одиноких людей и в современных условиях выполняет, обобщенно, функцию сватовства [32]. В настоящий момент исследователи выделяют три функции, выполняемые брачными агентствами: информационную (создание баз данных клиентов и т. д.), посредническую (помощь в переписке, организация

встреч и т. д.) и функцию психотерапевтической поддержки (помощь в преодолении чувства одиночества и др.) [33].

Проанализировав сайт брачного агентства, мы отметили, что он содержит информацию с акцентами на привлечение клиентов. Агентство «гарантирует качество» своих услуг на основе «многолетнего опыта работы», «персонального подхода к каждому клиенту», «большую базу потенциальных партнеров», быструю обработку анкет и предоставление новых предложений. На сайте также содержится информация о количестве сложившихся пар, зарегистрированных браков и рожденных в этих браках детей: *«Более 15 лет успешной работы, более 500 сложившихся пар, более 10 родившихся детей, каталог с более 5000 кандидатов»*¹. В качестве подтверждения успешности размещены фотографии семей – клиентов агентства. Клиентов могут привлечь размещенные анкеты тех, кто находится в поиске, и видеозаписи с мероприятий, проводимых агентством.

Из интервью с директором брачного агентства мы выяснили, что в агентство обращаются люди 30–40 лет и возраст клиентов снизился – раньше к ним обращались преимущественно пятидесятилетние.

Клиенты в агентстве уже имеют сложившиеся фильтры брачного отбора: *«Конечно, обязательно у каждого человека есть своя планка, свои критерии, например, я не могу главному бухгалтеру порекомендовать водителя погрузчика, во-первых, это социальный уровень, это значит, подбираем, каждый мужчина, женщина пишет возраст «от столько-то до столько-то», и, там, «не полный», или «спортивного телосложения», ну разные пожелания пишут, вот»*². Для мужчин в первую очередь важна внешность будущей партнерши и ее социальный статус – они ищут стройных женщин, которые не заняты в сфере педагогики: *«всё равно почему-то женщина нужна стройная. Почему-то не «учитель». Значит, вот, «стройная» и не «учитель»*. Также мужчины предпочитают выбирать себе хозяйственную и спокойную женщину.

Для женщин, по мнению директора агентства, в мужчинах главное – их материальное положение и социальный статус: *«Женщины все выделяют сразу меркантильные интересы: «А кем работает?», «А машина есть?», «А что есть?» Жилье ищут»*. Кроме того, для них важным брачным фильтром является образование будущего партнера.

«Возраст» как брачный фильтр реализуется у мужчин через поиск женщины на 3–5 лет моложе себя, но и клиентки брачного агентства хотят встретить партнера моложе. Директор отметила, что за 8 лет работы агентства ни разу не образовалось пары, где женщина старше мужчины.

У клиентов брачного агентства реализуется фильтр «этническая принадлежность». Во время наблюдения было замечено, что женщины не-

¹ Официальный сайт брачного агентства «Любава» <https://lubava-ekb.ru/>

² Здесь и далее курсивом выделены цитаты из интервью с директором брачного агентства

охотно шли на контакт с мужчиной неславянской внешности. Опыт работы агентства показывает, что межэтнические пары, как правило, распадаются.

Отметим, даже при наличии фильтров отбора у клиентов по факту заключения брака или при создании пары эти фильтры срабатывают не всегда: *«мужчина написал «неполную», а встретил полненькую женщину, и она ему понравилась, т. е. да, такое бывает, и очень часто, люди действуют по зову сердца, хотя бы они этого или нет».*

Что касается самофильтров, то мужчины, обращаясь в агентство, чаще всего указывают на какие-то особенности своего характера и считают важным сообщить об отсутствии у себя вредных привычек; также указывают на свое образование и место работы. Женщины же чаще рассказывают о своей внешности, о том, чем они гордятся, и о своем образовании, работе: *«А вот женщины считают себя красивыми, они рассказывают о себе, о своем образовании, о своей работе, вот они этим гордятся, что они чего-то достигли, что у них это есть».*

Взаимосвязь использования фильтров и возраста клиента агентства проявляется в том, что для людей более старшего возраста социальный статус партнера важнее, чем для молодых людей: *«Молодые люди от 30 до 40, им не столь важен социальный статус, они еще как «умненькие» такие».* Использование социального статуса в качестве самофильтра также зависит от возраста клиента, и чем он старше, тем чаще рассказывает о нем: *«Женщины от 40 до 50 гордятся тем, чего добились, что у них такая должность, что она там начальник отдела, что она главный бухгалтер, вот, что ей не нужен простой мужчина, она рассказывает. Опять же молодежь немножко умная, мудрая, даже девушка 32 года, у нее свой бизнес, она этим не гордится особо».*

Имея стаж работы «свахой» более 8 лет, директор поделилась мнением о действии брачных фильтров в современном обществе. Она считает важным, чтобы супруги были одной национальности, у них был *«один уровень интеллекта»* и примерно одинаковое социальное положение в обществе. Говоря о возрасте как брачном фильтре, директор отметила, что мужчина должен быть немного старше женщины, а внешность не столь важна в современном обществе.

Результаты анализа институционализации брачного выбора показали, что предъявляемые к будущему партнеру фильтры отбора срабатывают не всегда. Работа брачных агентств представляет своего рода социальный регулятор и «настройщик» в балансе фильтров и самофильтров у тех, кто ищет себе партнера. Современные «свахи» из опыта работы описывают действие фильтров и самофильтров, обнаруженных в ходе анализа объявлений и данных РМЭЗ.

Заключение и основные выводы. Полученные в ходе исследований результаты существенно не противоречат друг другу: брачный выбор основывается на установках к брачному отбору, но в результате фактического отбора срабатывает фактор гомогенности. Для брачного выбора харак-

терны гендерные различия: различаются не только декларируемые фильтры, но и самофильтры, используемые мужчинами и женщинами.

Представленная методология анализа брачного выбора является одной из первых попыток эмпирического изучения особенностей брачного выбора. Использование предложенной методологии позволит расширить и уточнить особенности трансформации института брака и семьи в современном российском обществе: готовность вступления в брак, критерии выбора супругов, партнеров, описание тенденций в семейно-брачных отношениях.

Список литературы

1. «Чем мы дорожим? О самом важном в жизни россиян» Фонд Общественное Мнение – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 14 июля 2013. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/10994> (дата обращения: 15.11.2020).
2. «Ориентиры и ценности молодых россиян. «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 до 30 лет. 18 мая 2016. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13083> (дата обращения: 15.11.2020).
3. «Отношение к бракам и разводам: мониторинг». Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). №4002 08 июля 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения: 15.11.2020).
4. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996.
5. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Метрополис, 1998.
6. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М., 2008.
7. Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989.
8. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: изд-во «Мысль», 1979.
9. Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., Статистика, 1975.
10. Юркевич Н. Г. Семья в современном обществе. Минск: Беларусь, 1964.
11. Гурко Т.А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.
12. Ильиных С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4–1 (20). С. 220–232.
13. Николаева Е.И. Современное состояние семьи как социального института. Каких изменений стоит ждать в будущем [Электронный ресурс]. // Вестник практической психологии образования. 2016. Том 13. №

2. С. 95–101. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2016/n2/Nikolaeva.shtml (дата обращения: 15.11.2020).

14. Цинченко Г.М. Состояние института семьи в современной России // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2014. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-instituta-semi-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 15.11.2020).

15. Гольцова Е.В., Лещенко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2 (310). С. 125–130.

16. Николаева Е.И. Указ. соч.

17. Цинченко Г.М. Указ. соч.

18. О холостяках и незамужних. Россияне рассуждают об «одиночках», людях, которые по тем или иным причинам никогда не были в браке. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ФОМ. 25 февраля 2014 // URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11367> (дата обращения: 15.11.2020).

19. «Родить. Никуда он не денется». Исследование ФОМ. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт ФОМ. 28 июля 2011. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/10110> (дата обращения: 15.11.2020).

20. Антонов А.И., Медков В.М. Указ. соч.

21. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1999.

22. Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. 1994. № 6. С. 12-37.

23. Колударова С. В. Влияние этнической идентичности на процесс брачного выбора // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 5. С.142–144.

24. Парсонс Т. О социальных системах // пер. с англ. М.: Академический проект, 2002.

25. Рощина Я.М., Рощин С.Ю. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

26. Соловьева И.Ю. Проблема досемейных отношений в западных научных исследованиях // Профессиональное педагогическое образование: личностный подход: сборник научных трудов. Вып. 2. / под ред. В.И. Лещинского, Е.Е. Седовой, Т.Е. Стародубцевой. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2003. С. 68–76.

27. Сорока Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Том 1. № 4.

28. Фаис О.Д. Проблема брачности представителей некоторых этнических групп населения Москвы на современном этапе (1992—1994 гг.) // Семья, гендер, культура: материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. / отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА, 1997.

29. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1989.

30. Муртазина Л.Р. Брак, семья, дети в структуре ценностных ориентаций населения // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 342–346.

31. Черкашина Т.Ю. Личные доходы супругов в структуре бюджетов российских семей в 1990-2010-е гг. // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 2. С. 14–50.

32. Климентьева Е.Н. Одиночество как социальная проблема современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Регионоведение. 2009. № 3. С. 97–101.

33. Кораблева Г.Б., Антонова Н.Л., Герасимова М.В. Клиентки брачного агентства: штрихи к портрету // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 142–144.

Харченко Вера Сергеевна, канд. социол. наук, доц., verakharchenko@yandex.ru, Россия, Екатеринбург, Уральский государственный экономический университет,

Кожевникова Елена Валерьевна, соискатель, lenakozhevnikova1994@gmail.com, Россия, Екатеринбург, Уральский государственный экономический университет

ANALYSIS OF MARRIAGE CHOICE: EMPIRICAL MEASUREMENT IN A SOCIOLOGICAL STUDY

V. S. Kharchenko, E. V. Kozhevnikova

The article is about the results of an empirical study of “marriage choice” - a concept that is sufficiently developed at a theoretical level. Based on the materials of three inter-related studies, the mechanisms of the implementation of marriage choice are considered. Content-analysis of marriage ads allowed us to describe the declared filters and self-filters of marriage selection used in «marriage ads». Studied «marriage ads» showed the difference in marriage selection between different audiences (newspaper readers and users of a social network) and placement formats. Also, a content analysis of marriage ads revealed a gender specificity in the use of filters and self-filters both in their type and in the amount used. A secondary analysis of the RLMS data and information about the Russian spouses made it possible to describe the effect of the actual marriage selection. The results of a secondary analysis revealed uniformity in actual marriage filters in Russian spouses. The case study materials of the marriage agency supplemented the understanding of the declared and actual filters of the marriage choice in the conditions of the institutional mechanism of their implementation. The obtained research results showed that in the marriage choice there is an age and gender specificity in the use of the filter. Declared marriage selection filters are not always implemented when an actual marriage occurs. The proposed research methodology can be used to further clarify and refine the marriage choice in empirical and theoretical understanding.

Key words: marriage selection, marriage selection, filters of marriage selection, self-filters of marriage selection, family, marriage, content-analysis, RLMS, case-study

Kharchenko Vera Sergeevna, candidate of social sciences, docent, verakharchenko@yandex.ru, Russia, Ekaterinburg, Ural State University of Economics,

Kozhevnikova Yelena Valer'yevna, postgraduate, lenakozhevnikova1994@gmail.com, Russia, Ekaterinburg, Ural State University of Economics

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(38) (091)

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ ПЛАТОНОВСКОЙ ТЕОРИИ ТРЕХ СОСЛОВИЙ

О. А. Матвейчев

Анализируются различные оценки и интерпретации платоновской теории трех сословий, изложенной в диалоге «Государство», демонстрируется их социально-политическая обусловленность. Рассматривается ряд версий относительно возможных источников этой теории – дорических, египетских, индийских и др., ни одна из которых не представляется достаточно достоверной. Автор отмечает, что представление о трехчастном делении общества по функциональному признаку, как продемонстрировал еще Ж. Дюмезиль, восходит к временам индоевропейской общности, и оно никогда не выходило за пределы индоевропейского ареала. На основе письменных памятников древних народов индоевропейской группы («Ригведа», «Законы Ману», «Авеста», «Бундахишн», «Голубиная книга» и др.) анализируется специфика представлений этих народов о сословном делении общества. Формулируется гипотеза о том, что возможный источник теории Платона принадлежал самой греческой культуре и мог восходить к периоду индоевропейской общности.

Ключевые слова: история философии, история политических учений, историография, Древняя Греция, Древняя Индия, индоевропейцы, теория сословий, касты, варны, Платон.

Теория трех сословий – одна из тех составляющих платоновского политического учения, что неизменно вызывает самый живой интерес со стороны исследователей: вопрос об исторических основах социальной дифференциации, ее философском обосновании в классических источниках не теряет своей актуальности, в т.ч. вследствие своего ярко выраженного идеологического характера, который представляет проблему в нескольких аспектах. В т.ч. прагматическом (до какой степени платоновская концепция применима к реалиям современного общества), аксиологическом (хорошо ли это вообще – деление социума на сословия), этнокультурном (насколько естественна «кастовая» система для того или иного народа).

В XX в. – веке социальных революций и коренной трансформации самих основ человеческого общества – концепция афинского философа привлекла особое внимание со стороны исследователей из самых разных «лагерей». Соответственно, и оценки ее разнились диаметрально.

«Старейшина» классических филологов Германии У. фон Виламовиц-Мёллендорф платоновской теории сословий очевидно симпатизировал. Аристократизм платоновской концепции он противопоставлял охло-

кратии современной ему Германии, приведшей страну к саморазрушению. Свое 1200-страничное исследование о Платоне Виламовиц дописывал во время Первой мировой войны. В печать она была отдана уже в 1918 г., когда кайзеровской империи, политическому воспитанию которой ученый хотел послужить своим монументальным трудом, уже не существовало. Не скрывая разочарования, Виламовиц писал в предисловии: «Мне пришлось пережить саморазрушение моего народа, который сам лишил себя мужественности. Среди охлократии, в окружении трусливых или изощренных льстецов, которые есть среди всех сословий, больше нет места для старого человека, который не даст никакому Богу и никакому человеку вырвать из своего сердца прусской чести; ему остается только вымереть. Но царство вечных форм, которое открыл Платон, нерушимо, и это ему мы и служим нашей наукой: в его чистый эфир не проникают миазмы гниения. ... Под знаком Платона я буду сражаться, пока дышу» [1, с. 0 (Nachwort)].

Платоновский аристократизм был близок и представителям «Круга Георге» – так называли своеобразный мужской союз с культом вождя, своими неписаными ритуалами, печатными органами и целой сетью филиалов, сложившийся в конце XIX в. вокруг поэта-символиста Стефана Георге. Лейтмотивом творчества философов «Круга» было неприятие современности и чаяние нового «духовного Рейха», подобного имперской утопии Платона – «афинского Георге». Яркий георгеанец Э. Залин в 1921 г. рассчитывал предотвратить путем установления сословного общества кастового типа грядущую диктатуру, неизбежность которой вычитывалась им из самого Платона (она должна была прийти на смену демократии как доминирующего политического режима XIX в.). Платоновские касты Залин понимал как феномен, скорее, духовный: они объединяют людей, равных не по рождению, но «по служению, по этосу, по душе» [2, с. 18-19].

До известной степени социальный идеал Платона воплотился в ранней Советской России, на что обратил внимание посетивший нашу страну в 1920 г. Б. Рассел. По приезде на родину он написал книгу «Практика и теория большевизма», где утверждал: «Наиболее близкой исторической параллелью большевизма является “Республика” Платона. Коммунистическая партия соответствует здесь стражам; солдаты обладают похожим статусом; в России в большей или меньшей мере в соответствии с учением Платона наблюдается стремление регулировать и семейную жизнь. <...> Большевизм внутренне аристократичен, а внешне воинственен. Коммунисты во многом похожи на воспитанников британской системы привилегированных государственных школ: у тех и других налицо хорошие и плохие черты молодой и жизнестойкой аристократии. Они мужественны, энергичны, способны властвовать, всегда готовы служить государству; с другой стороны, они склонны к диктаторству и им недостает обычной снисходительности к плебсу» [3, с. 17–18].

Таким образом, именно большевикам удалось исполнить мечту Платона: «Непродолжительная по историческим меркам жизнь советской эпохи была теснейшим образом связана с философией. В 1917 г. в России к власти впервые в истории пришли философы-революционеры, воплотившие в жизнь платоновский рецепт слияния власти и философии, хотя по своим воззрениям они были антиплатониками и материалистами» [4, с. 328–329].

Наиболее беспощадной критике «кастовая» система Платона подверглась в исключительно влиятельной книге философа-позитивиста К. Поппера «Открытое общество и его враги» (1945), где автор рассматривал Платона как первого теоретика тоталитарного государства, по вине которого донныне возникают по всему миру бесчеловечные тоталитарные режимы, «первого политического идеолога, мыслившего в терминах классов и придумавшего концентрационные лагеря» [5, с. 7].

Поппер аттестует Платона как отца-основателя расизма, ссылаясь на его учение о качественном различии представителей трех сословий. Эта теория содержится в рассказанном Платоновым Сократом «финикийском» мифе о порождении людей землей: «Бог, вылепивший вас, в тех из вас, кто способен править, примешал при рождении золота, и поэтому они наиболее ценны, в помощников их – серебра, железа же и меди – в земледельцев и разных ремесленников» (Resp. 415a) [6, с. 184]. Эти металлы, передающиеся по наследству, Поппер называет «расовыми характеристиками» [5, с. 182]; по Платону, они не должны смешиваться («Когда железо примешается к серебру, а медь к золоту, возникнут отклонения и нелепые сочетания, а это, где бы оно ни случилось, сразу порождает вражду и раздор» (Resp. 547a) [6, с. 331]), т. е. речь идет, согласно Попперу, о расовой сегрегации в чистом виде. Взаимопроникновение «каст» Платон считает недопустимым: три различных по своей природе сословия должны делать каждое свое дело, лишь в этом случае государство можно назвать справедливым (Resp. 435b), Поппер «резюмирует»: «если сказать кратко и по существу, [этот принцип] означает следующее: государство справедливо, если правители правят, рабочие работают, а рабы остаются рабами» [5, с. 128].

По сути, замечает Поппер, Платон выделяет в своем государстве не три, а два социальных класса: «военная каста – вооруженные и образованные правители – и безоружное и необразованное управляемое стадо, поскольку правители являются не отдельной кастой, а лишь старыми и умудренными воинами, вышедшими из рядов помощников» [5, с. 80]. По мнению австрийского ученого, Платон был как никто заинтересован в усилении власти «господствующей расы» и в устранении возможности любых политических перемен и социальной мобильности, поскольку «Государство» он писал как реальную политическую программу, центральное место в которой отводилась его собственной персоне: «Идея верховной власти правителя-философа служит ширмой стремлению к власти Платона. Прекрасный портрет верховного

правителя – это автопортрет», – не обинуясь заявляет Поппер и тут же патетически восклицает: «Каким памятником человеческому ничтожеству является идея правителя-философа!» [5, с. 197, 198].

Известно, что Поппер не получил никакого философского образования и начал профессионально заниматься философией лишь в 35 лет. Это не могло не сказаться на глубине его интерпретаций античных текстов, на что, конечно же, обратили внимание современники. Немецкий политический философ Э. Фёгелин писал в августе 1950 г. в письме своему коллеге Л. Штраусу: «Поппер настолько философски некультурный, настолько примитивный идеологический скандалист, что он не способен даже приблизительно передать содержание хотя бы одной страницы Платона. Чтение для него бесполезно; ему не хватает знаний, чтобы понять, что говорит автор» [7, с. 68].

Все это, однако, не помешало книге Поппера стать культовой для каждого современного либерала и задать целое направление в последующем критическом изучении Платона.

Согласно Попперу, теория Платона о трех сословиях является не чем иным, как злонамеренной выдумкой. Тем не менее, он пытается определить истоки этого учения, находя их в воззрениях критской и спартанской аристократии, в свою очередь представлявшей собой остаток еще более древних государственных форм. Интерпретируя отдельные пассажи из «Политика» (271d-e), «Законов» (680d-e) и «Государства» (415 d-e), Поппер приходит к выводу, что Платон в иносказательной форме излагает историю дорийского вторжения на Пелопоннес, описывая при этом «не только происхождение дорического высшего сословия, но и происхождение человеческого стада, т. е. коренного греческого населения» [5, с. 84].

Заметим, что по подобной схеме формировались и индийские варны: высшие сословия брахманов, кшатриев и вайшьев, т. е. жрецов («философов»), воинов и производителей материальных благ, составили потомки вторгнувшихся в середине II тыс. до н.э. на территорию современной Индии индоевропейских племен, автохтонное же население образовало варну лишенных имущества, бесправных шудр.

Попутно Поппер передает гипотезу Р. Айслера, который предположил, что миф о металлах в человеке, на котором основана «расовая» теория Платона, попал в Грецию во времена Гесиода через финикийцев («он обращает внимание на то, что эфиопов, греков (серебряные рудники), суданцев и сирийцев (Дамаск) на Востоке называли, соответственно, золотой, серебряной, бронзовой и железной расами и что эти названия в Египте применялись для целей политической пропаганды» [5, с. 337–338]). На этот факт намекает и сам Платон, называя устами Сократа миф о металлах «финикийским вымыслом» (Resp. 414c).

В советской историко-философской литературе вопрос об истоках платоновской теории трех сословий решался практически однозначно:

непрекословным авторитетом, оспаривать который мало кто решался, был К. Маркс. Указанное учение Маркс рассматривал как частный случай концепции разделения труда. Платоновское пожелание заниматься каждому своим делом на благо всех Маркс называет «точкой зрения потребительной стоимости» [8, с. 378], имея в виду, что значение разделения труда в обществе Платон рассматривает не со стороны производителя того или иного продукта, а со стороны его потребителей-рабовладельцев. Такая точка зрения, по Марксу, приводит Платона к тому, что в разделении труда он видит не только «основу распада общества на сословия», но и «основной принцип строения государства» [8, с. 379]. При этом источником теории разделения труда (читай: учения о трех сословиях), по Марксу, выступила для Платона политическая модель Египта: платонова республика, по словам основоположника коммунизма, «представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя; Египет и для других авторов, современников Платона, например Исократ, был образцом промышленной страны, он сохраняет это свое значение даже в глазах греков времен Римской империи» [8, с. 379].

Эта цитата из «Капитала» кочевала из одной монографии (статьи, учебника) в другую, что обуславливалось самой политикой изучения истории античности в Советском Союзе (о судьбах советской истории античной философии см. [9]). «Первый сигнал об изменении официального отношения к Платону прозвучал в 1923 г., когда Лениным был издан декрет, предписывающий изъятие из публичных библиотек философских книг, признанных непригодными для свободного доступа, – указывает шотландский историк, специалист по русской историографии Ф. Незеркотт. – С этого времени изучение Платона ... было ограничено “специализированными исследованиями в академических институтах”, оценки в которых целиком зависели от идеологических установок, как они формулировались (и переформулировались) советской наукой на протяжении 1920-х и 1930-х гг. В своей простейшей форме они сводились к насаждению цитат, по случаю извлеченных из работ Маркса, Энгельса и Ленина. Таким образом в обиход вошло описание идеального государства Платона по Марксу как “афинской идеализации египетской кастовой системы”, а его теория познания и метафизика, как и вдохновленная ей долгая традиция идеалистической философии, определялись по Ленину – как “линия Платона”» [10, с. 159–160].

Формула Маркса о платоновом Философополисе как кальке с общества Древнего Египта будет доминировать в советском антиковедении на протяжении десятилетий. Вопросы об иных векторах влияния на философию Платона поднимались лишь в отдельных компаративистских исследованиях. Так, филолог-классик С. Я. Шейнман в своей монографии, посвященной сравнительному анализу философии Платона и учений древней Индии, процитировав Маркса, предположила: «Не исключено, что на концепцию Платона оказал определенное влияние и индийский кастовый

строй, с которым он мог быть знаком. Условно, с поправкой на сложившиеся в Греции ко времени Платона социальные отношения, разряд философов Платона можно сопоставить с варной жрецов-брахманов, обладавших прерогативой толкования ведийских текстов; воинам-стражам соответствует варна кшатриев, а разряду наемных работников – земледельцев, ремесленников и торговцев – варна вайшьев. Серьезной особенностью платоновской системы классов (или разрядов, сословий) является отсутствие четвертого класса – рабов (правда, и четвертая варна в древней Индии не соответствует классу рабов, поскольку шудры считались свободной частью индийского населения)» [11, с. 18].

Определенными сведениями об Индии ко времени Платона Эллада, действительно, уже располагала.

Первым греком, побывавшим в Индии и оставившим рассказы о своем странствии, был уроженец Карики Скилак, участвовавший в походе Дария I на Индию. Недошедшее до наших дней сочинение Скилака стало первым источником греческих знаний об Индии.

На труды Скилака опирался Геродот, почитавший Индию краем обитаемой Земли (далее лежит безжизненная пустыня (IV 40)), а народ ее – самым многочисленным из всех известных (III 94). Племена же его многообразны. Одни носят одежду из тростникового лыка, другие – из «древесной шерсти» (хлопка), одни питаются сырой рыбой, а другие – своими недужными сородичами. Есть и третьи, что кормятся лишь травой и не убивают живых существ (IV 98–100) – в этом сообщении Геродот описывает жрецов-брахманов, это первое в античной литературе упоминание об этой категории населения. В индийской земле много золота; гигантские муравьи, когда роют себе норы, выносят его из-под земли, а инды собирают. Нагрузив золотой песок в мешки, они удирают со всех ног, чтобы муравьи не успели их растерзать (IV 102–105).

Необходимо отметить, что сюжет о «муравьином золоте» имеет определенно индийское происхождение – о нем, например, повествуется в «Махабхарате» (II 48 etc). Таким образом, в сообщении Геродота мы имеем свидетельство о проникновении в греческую культуру индийских преданий еще в V в. до н. э.

Вместе с тем, очевидно, что Индия виделась грекам, в первую очередь, как источник разнообразных курьезов; особенности социального уклада индийцев античными авторами доплатоновского периода не описываются, о них попросту ничего не известно. Таким образом, подтверждающими гипотезу об индийском происхождении Платоновой теории трех сословий фактами мы не располагаем.

Но, может быть, теория трех сословий коренится в каких-то сокровенных пластах самой греческой мысли?

О гипотетических истоках своей концепции, уходящих в глубокую древность, дает знать и сам Платон. Устами старого египетского жреца,

собеседника Солона, он рассказывает в «Тимее», что египетская сословная система была отнюдь не самой древней – такая же система, дескать, существовала у предков афинян еще девять тысяч лет назад, во времена величия Атлантиды: «Законы твоих предков ты можешь представить себе по здешним: ты найдешь ныне в Египте множество установлений, принятых в те времена у вас, и прежде всего сословие жрецов, обособленное от всех прочих, затем сословие ремесленников, в котором каждый занимается своим ремеслом, ни во что больше не вмешиваясь, и, наконец, сословия пастухов, охотников и земледельцев; да и воинское сословие, как ты, должно быть, заметил сам, отделено от прочих, и членам его закон предписывает не заботиться ни о чем, кроме войны. Добавь к этому, что снаряжены наши воины щитами и копьями, этот род вооружения был явлен богиней, и мы ввели его у себя первыми в Азии, как вы – первыми в ваших землях. Что касается умственных занятий, ты и сам видишь, какую заботу о них проявил с самого начала наш закон, исследуя космос и из наук божественных выводя науки человеческие, вплоть до искусства гадания и пекущегося о здоровье искусства врачевания, а равно и всех прочих видов знания, которые стоят в связи с упомянутыми. Но весь этот порядок и строй богиня еще раньше ввела у вас, устроив ваше государство, а начала она с того, что отыскала для вашего рождения такое место, где под действием мягкого климата вы рождались бы разумнейшими на Земле людьми. Любя брани и любя мудрость, богиня избрала и первым заселила такой край, который обещал породить мужей, более кого бы то ни было похожих на нее самое. И вот вы стали обитать там, обладая прекрасными законами, которые были тогда еще более совершенны, и превосходя всех людей во всех видах добродетели, как это и естественно для отпрысков и питомцев богов» (Tim. 24a-d) [12, с. 428–429].

При известной фантазии можно представить, что это описание идеального государства представляет собой воплощенную память о седой древности, когда предки греков, представители более развитой цивилизации, придя на территорию будущей Эллады, принесли с собой передовые для своего времени знания, верования, социальные модели. Случилось это, разумеется, не за сказочные 9000 лет до Платона, а в середине II тыс. до н. э., как уже было указано выше.

Пришедшие в Индию индоевропейские народы учредили там кастовую систему и заняли высшие касты. Вместе с языком переселенцы передали местным народам основы своей религии и космогонии, а также представление о трехчастном делении общества по функциональному признаку. Как доказывал еще французский лингвист и религиовед Ж. Дюмезиль, это представление восходит к временам индоевропейской общности; оно присуще подавляющему большинству индоевропейских народов.

В письменных памятниках оно впервые фиксируется в «Пурушасукте» (Ригведа, X 90, 12), где рассказано о великом жертвоприношении

«тысячеглавого, тысячеглазого и тысяченогого» космического гиганта Пуруши, из тела которого была создана Вселенная – земля и небо, огонь и ветер, растения и животные, а также люди, сразу разделенные на четыре варны:

*Его рот стал брахманом,
(Его) руки сделались раджанья,
(То,) что бедра его, – это вайшья,
Из ног родился шудра.*
[13, с. 236].

«Наличие четвертого сословия, – поясняет историк М. Л. Серяков, – было спецификой Древней Индии, обусловленной тем, что сравнительно немногочисленные арийские пришельцы завоевали и поработили гораздо более многочисленное темнокожее население этой страны, отнесенное к разряду шудр» [14, с. 307].

Функции каждой из варн определяются в «Законах Ману»: «Для сохранения всей этой Вселенной он, пресветлый [Брахма-Пуруша], для рожденных от уст, рук, бедр и ступней установил особые занятия. Обучение, изучение [Веды], жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и получение [милостыни] он установил для брахманов. Охрану подданных, раздачу [милостыни], жертвоприношение, изучение [Веды] и неприверженность к мирским утехам он указал для кшатрия. Пастьбу скота и также раздачу [милостыни], жертвоприношение, изучение [Веды], торговлю, ростовщичество и земледелие – для вайшья. Но только одно занятие Владыка указал для шудры – служение этим варнам со смирением» (87–91) [15, с. 28].

Таким образом, как можно видеть, неукоснительному следованию представителями всех сословий своему предназначению придается в «Ману-смрити» космическое значение: благодаря этому сохраняется не просто общество, но и вся Вселенная.

Представление о трехчастном делении общества содержится и в священных книгах Древнего Ирана. В трактате «Бундахишн» («Сотворение основ»), являющемся изложением утраченной главы из «Авесты» «Дамдатнаск», повествуется о том, как трое сыновей Заратуштры стали прародителями трех сословий – жрецов, воинов и скотоводов, воплотив в телесном мире три качества самого пророка, «который первый жрец, который первый воин, который первый скотовод есть» (Фравардин-яшт 89) [16, с. 340]: «Я скажу второй раз, (что) у Зардушта родились три сына и три дочери. Один (сын) – Исадвастар, один – Урватнар, один – Хуршедчихр. Так как Исадвастар (был) главой жрецов, он стал верховным мобедом, и он умер в сотый год веры. Урватнар (был) главой земледельцев в убежище, которое Йима построил под землей. Хуршедчихр (был) воином, командующим армией Пешотана, сына Виштаспа, и живет он в Кангдизе» (Бундахишн 32.5) [17, с. 309].

С авестийским преданием коррелирует скифская легенда о Таргитае, переданная Геродотом: «Был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колоксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но, когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему» (IV 5) [18, с. 188].

Имена сыновей Таргитая толкуются учеными как, соответственно, Гора-царь, Река-царь, Солнце-царь [19; 20], таким образом, они отражают скифскую космологическую систему, одновременно повествуя и о социальном членении скифского общества: три брата олицетворяют три «плоскости космоса, что ... соответствует кругу индо-иранских представлений, связанных с кастами» [20, с. 10]. К социальному толкованию легенды склонялись и многие западные историки и лингвисты. «В результате работ Ж. Дюмезиля и Э. Бенвениста, привлечших обширный сравнительный материал, можно считать установленным, что символика перечисленных в легенде предметов отражает традиционное для индоиранских народов трехчастное социальное членение, причем плуг с ярмом являются символом общинников (земледельцев и скотоводов), секира – военной аристократии, а чаша – жречества» [21, с. 88–89].

Трехчленное индоевропейское деление общества было, судя по всему, характерно и для Древней Руси. М. Л. Серяков делает этот вывод, основываясь на «Голубиной книге», сборнике восточно-славянских духовных стихов XV–XVI вв. Подобно ведийской «Пуруша-сукте», «Голубиная книга» описывает происхождение небесных светил и стихий из тела Христа, являющегося здесь образом индоевропейского Первобога:

*Оттого зачался наш белый свет –
От Святаго Духа Сагаофова;
Солнце красное от лица Божья,
Самого Христа царя небеснаго;
Млад-светел месяц от грудей Божьих;
Звёзды цястыя от риз Божьих;
Утренняя заря, заря вецёрняя
От очей Божьих, Христа царя небеснаго;
Оттого у нас в земле ветры пошли –
От Святаго Духа Сагаофова,
От здыхания от Господняго;
Оттого у нас в земле громы пошли –
От глагол пошли от Господних*
[22, с. 287],

а вслед за тем сказитель повествует о появлении сословно-профессиональных страт:

*Оттого у нас в земле цари пошли –
От святой главы от Адамовой;
Оттого зачались князья-бояры –
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяны православные –
От свята колена от Адамова.*

[Там же].

Библейским первочеловеком Адамом, по мнению Серякова, был заменен в духовном стихе изначально фигурировавший в нем Первобог – во избежание обвинения в святотатстве и богохульстве. О позднейших изменениях текста для приспособления его к новым историческим реалиям говорит также помещение на верхнюю ступеньку социальной лестницы царей – вместо волхвов, духовного сословия, к тому времени уже ликвидированного [14, с. 306–307, 319].

Как и в случае с индийскими и скифскими легендами, в «Голубиной книге» постулируется космическое значение сословного деления общества: порядок на Земле – это и порядок на небе, именно благодаря чему, как мы читали в «Законах Ману», «сохраняется Вселенная».

Миф о сотворении мира из частей некоего гигантского человекоподобного существа характерен для многих культур (вспомним хотя бы Паньгу из китайской мифологии), однако происхождение из него трех сословий – сюжет, встречающийся лишь у индоевропейских народов. За пределы индоевропейского ареала, как подчеркивает Ж. Дюмезиль, не выходило и разделение общества на жрецов, воинов и производителей материальных благ [23, с. 25].

Вместе с тем, у ряда народов, например, у германцев, представление о происхождении трех сословий из тела Первобога не фиксируется документальными источниками и, по всей видимости, исчезло еще до того, как его могли позаимствовать славяне. Серяков делает отсюда заключение, что указанную идею автор «Голубиной книги» не мог заимствовать ниоткуда, кроме общеиндоевропейского духовного наследия: «Сравнение этого места с остальной индоевропейской традицией приводит нас к выводу, что в данном конкретном вопросе русская “Голубиная книга” наряду с индийской “Ригведой” стоит в наибольшей близости к первоисточнику. ... Все это указывает на чрезвычайную древность нашего памятника, передававшегося из уст в уста, по крайней мере в данном месте, самое меньшее пять тысячелетий, с III тысячелетия до н. э. по конец II тысячелетия н. э.» [14, с. 335–336].

Подобные рассуждения Серякова представляются умозрительными и выдержанными скорее в духе фолк-истории, чем академической науки, однако саму попытку поместить «Голубиную книгу» в контекст истории

политических учений стоит признать обоснованной.

Вопрос об источниках учения Платона о сословном делении общества остается дискуссионным, в первую очередь, по причине утраты еще в древности большинства античных текстов. Выдвинутые в разное время версии о внешнем заимствовании этой теории – египетская, финикийская, индийская – не представляются достаточно достоверными. При этом платоновская теория трех сословий, как было показано выше, структурно и содержательно родственна и ведической концепции варн, и дескриптивным моделям социальной организации древнеперсидского и скифского обществ. Можно сделать предположение, что неизвестный источник концепции Платона принадлежал самой греческой культуре и, в свою очередь, отражал реалии «кастового» общества древних индоевропейцев, восходя, таким образом, по крайней мере, в содержательной части, к временам индоевропейской общности.

Совсем не обязательно, что этот источник (в кавычках или без) – письменный; он может относиться (что вообще характерно для Платона) к области мифологии, в которой и сегодня немало «белых пятен», тем более что о догомеровской мифографической традиции нам известно не так уж и много.

Одним из важнейших направлений в работе может стать проясняющий поиск следов индоевропейских верований, отражающих определенные социальные модели, в доступном корпусе греческих текстов, который должен вестись в неотрывной связи с компаративистскими религиоведческими и историко-философскими исследованиями.

Список литературы

1. Wilamowitz-Moellendorff U. Platon. В. 1. Leben und Werke. Berlin: Weidmann, 1920. 767 S.
2. Salin E. Platon und die griechische Utopie. München, Leipzig: Duncker & Humblot, 1921. 288 S.
3. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 128 с.
4. Пуцаев Ю. В. Философия советского времени. Мамардашвили и Ильенков (энергии отталкивания и притяжения). М.: ИНИОН, 2018. 356 с.
5. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
6. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
7. Faith and Political Philosophy: The Correspondence between Leo Strauss and Eric Voegelin, 1934-1964. Columbia: University of Missouri Press, 2004. 264 p.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд.

2. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 908 с.

9. Матвейчев О. А. К дискуссии о происхождении древнегреческой философии в русской и советской философской мысли // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 185–199.

10. Незеркотт Ф. Восприятие Платона в Советской России (1920 – 1960 гг.) // Логос. 2011. № 4. С. 158–169.

11. Шейнман-Топштейн С. Я. Платон и ведийская философия. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 199 с.

12. Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421-500.

13. Ригведа. Мандалы IX-X. М.: Наука, 1999. 560 с.

14. Серяков М. Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М.: Вече, 2012. 448 с.

15. Законы Ману. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 362 с.

16. Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. 480 с.

17. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 352 с.

18. Геродот. История. Л.: Наука, 1972. 600 с.

19. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 602 с.

20. Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов / XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 24 с.

21. Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.

22. Калеки переходные. Сборник стихов и исследование П. Безсонова. Вып. 2. М.: Тип. А. Семена, 1861. 526 с.

23. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Главная редакция восточной литературы, 1986. 234 с.

Матвейчев Олег Анатольевич, канд. филос. наук, проф., matveyol@yandex.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

INDO-EUROPEAN ORIGINS OF THE PLATONIAN THREE-STATE THEORY

O. A. Matveychev

The article analyzes various assessments and interpretations of the Platonic theory of the Three Estates described in the “Republic” dialogue, demonstrates their socio-political conditionality. A number of versions are considered regarding the possible sources of this theory - Doric, Egyptian, Indian, etc., none of which seems sufficiently reliable. The author

notes that the idea of a three-part division of society by function, as G. Dumézil has already demonstrated, dates back to the times of the Indo-European common origin, and it never went beyond the Indo-European area. Based on the written monuments of the ancient peoples of the Indo-European group (Rigveda, Manusmriti, Avesta, Bundahishn, Dove Book, etc.), the specificity of the ideas of these peoples about the social division of society is analyzed. The hypothesis is formulated that the possible source of Plato's theory belonged to the Greek culture, and it can date back to the period of the Indo-European common origin.

Key words: history of philosophy, history of political doctrines, historiography, Ancient Greece, Ancient India, Indo-Europeans, the theory of estates, castes, varna, Plato.

Matveychev Oleg Anatolyevich, Ph.D., professor, matveyol@yandex.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

УДК 101.1

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10406

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ФОРМАЦИОННОЙ ТЕОРИИ

А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов

При анализе закономерностей развития общества формационная теория в ряде случаев получает свою методологическую оправданность. Тем не менее она должна быть дополнена и переосмыслена с учетом результатов, полученных, в первую очередь, в рамках теорий социальных институтов, а также функционалистских, структуралистских и структурно-функционалистских концепций. На основе синтеза формационного и институционального подходов возможно создание новой институционально-формационной социальной теории, которая обеспечит теоретико-методологический анализ сложных процессов, происходящих в современном обществе, и их прогнозирование.

Ключевые слова: формационная теория, цивилизационная теория, глобализация, функционализм, структурализм, структурный функционализм, социальная организация, социальные институты, институционально-формационная теория.

Структура постиндустриального мира обнаруживает уязвимость перед лицом повторяющихся и набирающих интенсивность кризисов в различных сферах общественной жизни. Они обретают качественно новые формы как по масштабу, так по глубине и динамике воздействия на общество. Переход глобального мира к системному экономическому и социальному регрессу, характерный для современности, сопровождается процессами фрагментации и поляризации локальных общностей, так называемым

«социогенетическим взрывом», порождающим множество новых социальных групп, субъектов и идентичностей.

Вопреки прогнозам о возможности создания единой глобальной общности с усредненным культурным кодом и единой «всечеловеческой» идентичностью в реальности наблюдается обратная тенденция. Продвижение по пути построения глобальной социальной среды вызвало не смягчение противоречий между общностями и группами различного генезиса, а масштабную эскалацию внутригосударственных и международных конфликтов. Войдя в фазу прекращения экономического роста и нарастания ресурсно-демографического кризиса, современное общество вступило в эпоху антагонистической конкуренции за раздел иссякающих ресурсов. Всплеск дивергентных процессов, фрагментирующих общество по мере интеграции всемирного экономического, социального и культурного пространства, ввиду их высокой скорости оказывается серьезной проблемой для научного анализа.

Одна из причин концептуального кризиса современных социальных теорий заключается в понимании глобализации, главным образом, как процесса возникновения и становления единого экономического и информационного пространства. Однако практика общественной жизни предметно показывает, что появление и развитие данного феномена не сводимо к интеграции локальных рынков и появлению интернет-коммуникаций.

Сегодня мы убеждаемся, что в современном мире на первый план выходят если не новые, то качественно иные движущие силы и социальные институты, не характерные для предыдущих эпох. В данных условиях необходим опыт создания проектов новой социальной теории, способной объяснить сущность происходящих процессов и их перспективы. Первым шагом к решению этой задачи должен стать сравнительный анализ прогнозистической ценности известных социально-философских концепций применительно к современности, жестко противоречащей ожиданиям мыслителей и политиков конца прошлого века.

В социальной философии основные подходы к изучению законов развития общества делятся на формационные и цивилизационные, которые считаются альтернативными, но в истории общественнознания они дополняли друг друга, раскрывая разнокачественные сферы социума.

Основные положения формационного подхода сформулированы в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, а его классическое определение дано в концепции прогрессивной смены способов производства, заложенных в основаниях общественно-экономических формаций, которые как ступени прогресса выходят на все более высокий уровень [1]. В последующем развитие формационной парадигмы пошло путем рассмотрения различных особенностей общественно-экономических формаций, выделения их атрибутивных характеристик и анализа в конкретно-историческом контексте.

Со временем в ходе дальнейшей разработки данного подхода была предложена внутренняя периодизация отдельных формаций, в их рамках были выделены так называемые технологические уклады, как характерные для своего времени относительно устойчивые совокупности «базисных» и «надстроечных» компонентов.

Значительный вклад в теорию уклада внес Й. Шумпетер, определивший его как совокупность политических, социальных, экономических и институциональных подсистем общества [2]. Хотя австрийский экономист был оппонентом К.Маркса, резко критиковал его экономическое учение, обоснование им концепции уклада впоследствии было использовано для развития формационного подхода. Категорию технологического уклада также разрабатывал отечественный ученый Н. Д. Кондратьев, связавший смену укладов с экономической цикличностью [3]. В ходе дальнейшего уточнения понятие «технологический уклад» определялось как «ступень развития способа производства, становления общественной формации», существование уклада понималось как «определенный этап переходного состояния экономики», тесно связанный с социальными изменениями [4]. В итоге на базе формационной теории К. Маркса было создано вторичное учение о технологических укладах, которое не вполне корректно редуцировало общественную формацию - системный социально-экономический феномен, включающий базис и надстройку, - только к экономике и более узко – к технологии.

Теоретические основы цивилизационного подхода исходили из представлений мыслителей Новейшего времени, где «...теория линейного развития общества сменяется концепцией нелинейности развития эволюции. Прошлая и современная история рассматривается как результат человеческого творчества. В ней налицо прогресс и регресс, взлёты и падения, единение и размежевание» [5]. Согласно данной позиции каждая культура проходит свой уникальный путь становления и упадка.

Сопоставление формационного и цивилизационного подходов наглядно показывает, что они рассматривают совершенно разные аспекты и сферы жизни общества, взятые на качественно различных этапах исторического развития. Так, формационная теория исходит из признания общих законов развития человечества, создавая тем самым возможность выделить единые для различных культур и цивилизаций объективные закономерности на основе обобщения их исторического опыта. Напротив, цивилизационные теории фокусируются на частных, единичных, локальных формах социального бытия, игнорируя закономерности универсального характера. В их рамках не ставится задача установления движущих сил и основных законов исторического развития.

Авторы многочисленных исследований с использованием цивилизационного подхода предлагают свои критерии, которые позволяют отне-

сти локальные социокультурные общности к определенному типу цивилизации, но системы подобных критериев строятся на различных основаниях. Это предметно доказывает, что цивилизационный подход не смог и не может стать всеобъемлющей социально-философской парадигмой, альтернативной формационной, и должен рассматриваться скорее как теория, дополнительная к формационному подходу, описывающая культурно детерминированные формы исторической реализации общественных формаций.

Однако в конечном итоге как формационный, так и цивилизационный подходы, объясняя генезис и развитие общества постфактум, оказываются малоэффективными для среднесрочного, а тем более – долгосрочного прогнозирования.

По сути, опора на формационный подход указывает только на то, что становление и развитие глобализации - глобальной экономики, однородной социальной и цифровой среды – вызовет появление новой формации, которая будет характеризоваться другими технологическими укладами и формами общественных отношений. Однако прогнозирование возникновения этой новой формации, ее качественных характеристик, выходит за рамки инструментария, разработанного в рамках формационного подхода. Создатели теории общественно-экономических формаций как ступеней прогресса предлагали иную модель развития человечества. Более столетия назад К. Маркс и Ф. Энгельс, обобщив закономерности раннего периода индустриализации, фактически сделали долгосрочный прогноз - вывод о неизбежности возникновения коммунистической формации как высшего типа общества. Они полагали, что ее основой будет общественная собственность на средства производства, а как ее следствие - полная социальная однородность населения. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, развивая тенденции, заложенные в промышленной революции, новая формация предельно повысит степень обобществления средств производства и других экономических ресурсов при снятии наиболее острых социальных противоречий капитализма середины XIX в. Но их прогноз не оправдался.

Основным недостатком классической формационной теории было фактическое игнорирование ее приверженцами системной сложности общества и его социальной дифференциации, сводимой в основном к вертикальной классовой структуре в одномерном варианте («верхи-низы»). Структурная неоднородность общества ими не отрицалась, но воспринималась как вторичное, «надстроечное», явление, играющее подчиненную роль даже на макросоциальном уровне и практически не влияющее на ход исторического процесса.

Сторонники цивилизационного подхода, фиксируясь на социальных структурах конкретных типов общества, просто не ставили задачи поиска общих объективных закономерностей формирования данных образований, замкнувшись на ретроспективном анализе.

Тем не менее понятие структуры, как одной из базовых категорий научной методологии социального познания, обладающей значительным эвристическим потенциалом, не могло не реализоваться в общественно-научных дисциплинах. Социальные структуры исследуются в контексте разнообразных философских учений, включая концепции представителей франкфуртской школы (Т. Адорно, В. Беньямин, Л. Левенталь, Г. Маркузе, О. Негт, Ф. Нейман, Ф. Поллок, Э. Фромм, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер и др.), а также возникшие на базе марксистской теории. Структурность социума стала предметом специального анализа сторонников структуралистских, функционалистских и структурно-функционалистских подходов, рассматривающих ее как ключ к раскрытию сущности противоречивых процессов, протекающих в обществе. Для выделения классов и других элементов макросоциальной структуры в подходах последователей К. Маркса и М. Вебера применяются преимущественно экономические критерии, поскольку класс рассматривается ими как продукт экономических отношений. Критериями социальной дифференциации в функционализме и в структурализме выступают социальный престиж, ролевой статус, этническая и религиозная принадлежность и т.д. Тем не менее надо отметить, что большинство авторов, позиции которых можно обозначить как структурализм, функционализм и структурный функционализм с их конкретно-прикладным характером, не ставили перед собой задач макросоциального уровня - долгосрочного социального прогнозирования, анализа динамики социальных структур в глобальном контексте исторического развития.

Постклассическая философия, согласно Н. Лукману, характеризует современность как общество «предельной изменчивости», ограничивается фиксацией этого явления, не предлагая инструментов анализа реальных процессов, характерных для переходных периодов развития общества, и уходит от проблем определения движущих сил и направлений социальной трансформации. В итоге данное направление социальной философии, фиксируясь на неопределенностях и флуктуациях социальной реальности и обосновывая непознаваемость современного общества, оказывается вариантом исторического агностицизма, познавательная ценность которого сомнительна.

Авторы институциональных теорий рассматривают развитие социума как процесс взаимосвязанного формирования институтов и организаций. Новые структуры возникают под действием институционализации групповых запросов индивидуумов, возникающих в процессе развития общества. В отличие от социальных институтов, социальные организации целенаправленно создаются людьми для реализации поставленных ими задач [6, 7, 8].

Тем не менее практическое применение институциональных теорий ограничивается самой констатацией факта существования общественных институтов и организаций, канализирующих и структурирующих взаимодействие и социальное поведение индивидов. Более того, в рамках данного направления до сих пор не сложились общепринятое определение и классификация социальных институтов. Это неизбежно ограничивает использование институциональных теорий в междисциплинарном анализе политических, социальных и экономических процессов.

Приходится констатировать, что большинство мезо- и микросоциологических теорий не ставили и не ставят проблемы изучения базовых механизмов и движущих сил развития, действующих на макросоциальном уровне. Таким образом, формационная парадигма и сегодня остается единственно приемлемой методологической базой социально-философской теории, оперирующей универсальными моделями и объективными критериями исторического развития. Остальные теории либо ограничены проблемами мезо- и микроуровня, либо рассматривают особенности развития конкретного социума, именно это обеспечивает цивилизационный подход. Очевидно, что методологической основой теории высокого уровня, адекватной условиям современной эпохи, может быть только формационный подход.

В то же время не следует забывать, что формационная теория создавалась на основе анализа общественной жизни раннего индустриализма. Развитие крупной промышленности, ставку на которую делал К. Маркс, привело к совершенно другому результату – возникновению глобализации. Вместо предсказанного марксизмом становления коммунистической формации на основе рационально управляемой централизованной экономики и общественной собственности на средства производства произошел рост частного капитала, создавшего новые формы общественных отношений. В современном мире доминирующую роль играют транснациональные корпорации, получившие качественно иную технологическую базу для экспансии во все сферы общественной жизни (цифровая среда). Для постиндустриализма характерна предельная концентрация финансовых и материальных активов, собственности и других ресурсов в руках узкого круга элитных группировок, тесно сплетенных экономическими и социальными связями.

Одно из основных положений марксизма – тезис о том, что техника и технологии развиваются в процессе удовлетворения потребностей индивидов сами по себе, опережая общественные изменения. В формационной теории постулируется наличие у человека потребностей, запросов и интересов, определяющих цели его деятельности. Однако марксизм, рассматривая объективные потребности витального уровня (воспроизводство рабочей силы), не исследует социальные механизмы возникновения чело-

веческих потребностей более высокого уровня, выходящих за рамки биологического воспроизводства и опосредованные феноменами культурного и цивилизационного порядка. Классический марксизм во многом игнорирует внеэкономические сферы бытия человека, где идет формирование и трансформация его высших потребностей и целей. Соответственно, в новых условиях, когда объективные материальные потребности человека в основном насыщены, на первый план выходят гораздо более изменчивые и субъективные потребности «надстроечного» уровня, формируемые на социокультурном уровне – что и показывает современная общественная практика.

Для создания новой социальной теории в качестве стимула развития, на наш взгляд, следует рассматривать не только объективные витальные потребности, но также потребности социокультурного характера. Они трансформируются не только в процессе смены формаций, но и в периоды краткосрочных общественных изменений, охватывающих социум во время кризисов и катастроф. Приобретая массовый характер, эти потребности высшего порядка объективируются и институционализируются, как и вся система жизнеобеспечения человека.

Формационная теория не учитывает, что средства производства и технологии разрабатываются и используются не «капиталистами» или «пролетариями» как таковыми, но функционируют и развиваются в форме множества сходно организованных (типовых) капиталистических предприятий – вертикально организованных групп, имеющих похожую структуру и аналогичную систему социальных статусов и ролей. Следует отметить, что характерные для своего времени социальные организации возникают не для удовлетворения субъективных потребностей отдельных абстрактных индивидов, но объективных институционализованных потребностей всего общества.

В процессе становления социальные организации вырабатывают систему собственных целей и интересов, детерминированных не обществом в целом, но внутренней структурой и специфическими особенностями отдельной конкретной организации как субъекта общественной жизни. Внутри социальных организаций (частным случаем которых являются государства и их институты, а также транснациональные корпорации) возникают властные отношения, обеспечивающие целостность и стабильность организации, позволяющие ей действовать целенаправленно, согласованно с другими субъектами социума.

Таким образом, интегрируя людей и их частные цели, запросы и потребности, типичная социальная организация осуществляет свою деятельность, реализуя свои корпоративные субъективные интересы, а не только объективные интересы макросоциальной группы (класса) или общества в целом. Для каждой формации характерны не только определенные типы

производственных отношений, регулирующие все стороны производства, но и соответствующие им, сходные между собой организации, во многом детерминирующие всю систему общественных отношений и служащие для удовлетворения институционализированных потребностей всего общества.

Таковыми массовыми (типовыми) организациями в индустриальную эпоху являлись промышленные предприятия, в эпоху глобализации – транснациональные корпорации и связанный с ними массив мелких и средних предприятий и т. д. Впрочем, для каждой формации характерны типовые организации и непромышленного характера, удовлетворяющие соответствующие потребности.

С момента своего зарождения государство представляет собой типовую организацию, специфичную для каждой эпохи. Оно регулирует не только поведение отдельных граждан, но в первую очередь – деятельность различного рода организаций, прежде всего, наиболее многочисленных, типовых организаций, определяющих формацию и наличный технологический уклад.

Таким образом, каждой общественной формации соответствует не только определенный тип государства, но и конкретные типы социальных организаций, поддерживающие основания жизнедеятельности социума (например, капиталистические предприятия). Не только государство, но и типовые социальные организации задают характерную для каждой эпохи типичную статусно-ролевую, классовую и социальную структуру общества в целом. Поэтому новая социальная теория должна учитывать феномен типовых социальных организаций как базисных форм жизнеобеспечения общественного бытия.

Деятельность организации с необходимостью включает феномен власти как атрибут любой иерархически организованной социальной структуры. Модернизация формационной парадигмы предполагает теоретический анализ властных полномочий и функций различных организаций как социального механизма разделения и кооперации человеческой деятельности в конкретно-исторических условиях.

В качестве движущей силы исторического развития формационный подход рассматривает противоречия и конфликты, однако для раскрытия сущности и перспектив общественного развития не менее важны феномены кооперации и сотрудничества, индуцируемые противоречиями, но не сводимые к ним. Соответственно, противоречия между типовыми социальными организациями генерируют, формируют и обеспечивают их эволюционный отбор. Таким образом, наряду с классовой борьбой и конфликтами в обществе социальные изменения детерминируются процессами возникновения, развития и распада социальных организаций, общностей и социальных групп, формируемых объективированными и институализированными интересами. Определяющие ход истории массовые движения, в

том числе и революционные, ведут к возникновению и распространению новых типов социальных организаций, создаваемых для разрешения конфликтов и противоречий в пользу своих участников. Закономерности генезиса и эволюции типовых организаций, анализ паттернов группового поведения, объективирующего социальные действия индивидов, могут быть успешно установлены на базе структуралистских, структурно-функционалистских подходов, а также в рамках психологического направления социологии, возникшего в рамках функционализма.

Таким образом, классическая формационная парадигма должна быть переосмыслена и конкретизирована на основе результатов, полученных в рамках институциональных, функционалистских, структуралистских и структурно-функционалистских теорий, дополняющих ее на мезо- и микроуровне [9, 10]. Также при построении новой социальной теории необходимо учитывать феномен устойчивого воспроизводства культурно-цивилизационного разнообразия мира в условиях глобального социума.

Социальные модели развития общества должны основываться на следующих положениях:

1. Личные потребности индивидуума возникают в процессе развития общества. Если они становятся стабильными и приобретают групповой характер, то они объективируются. В этом случае появляются не индивидуальные, а институционализированные потребности. Они возникают в различных подсистемах общества: собственно социальной, экономической и политической. Для их реализации создаются вертикально организованные группы со своей иерархической структурой и статусно-ролевой системой, т. е. организации, формальные и неформальные. Каждому состоянию общества соответствует свой уровень развития техники и технологий. Развитие и использование техники и технологий для осуществления институционализированных потребностей происходит в рамках организаций.

2. Развитие организации определяется не только ее взаимодействием с внешней средой, но во многом зависит от процессов трансформации ее внутренней структуры. Как следствие в рамках организации возникает особая субкультура со своими нормами и правилами. Под их действием у данной организации появляются собственные корпоративные интересы, отличающиеся от общественных. Достижение групповых целей не дает в полной мере решать задачи, направленные на реализацию институционализированных запросов общества.

3. Каждая историческая эпоха характеризуется типовыми социальными организациями, которые имеют собственные цели и решают свои задачи. Для того чтобы согласовывать их интересы с институционализированными запросами общества, появляется государство. Оно регулирует не только поведение отдельных индивидов, но и деятельность различного рода социальных организаций, в том числе и типовых, которые опосредуют

распределение значительной части ресурсов (сельские общины – при феодализме, фабрики – при капитализме и др.). Государство со своими подразделениями само по себе является организацией с характерной для нее статусно-ролевой структурой. Каждой исторической эпохе соответствует свой тип государства, отражающего политическую структуру конкретного общества.

4. Типовые для каждой эпохи государственные и другие социальные организации определяют характерную для своего времени статусно-ролевую и социальную (в том числе и классовую) структуру общества.

5. Согласованные действия членов социальной организации, несмотря на различные интересы составляющих ее индивидуумов, которые во многом определяются их статусно-ролевыми позициями, возможны только благодаря такому социальному феномену, как власть. Как свойство вертикально интегрированной группы власть всегда связана с принадлежностью к организованной общности, в пределах которой она реализуется.

6. Организации в процессе своего существования проходят жизненный цикл – фазы возникновения, развития, устойчивого функционирования и распада. Воспроизводство данных структур во многом обеспечивается их внутренней культурой с определенными нормами, правилами, типами социальных связей и т.д. Эти процессы могут быть рассмотрены в рамках структуралистских и структурно-функционалистских подходов. Развитие организаций в существенной степени зависит от массовых действий ее членов, в которых объективируются социальные процессы.

7. Классовая борьба и социальный конфликт играют существенную роль в развитии общества. Тем не менее не только они определяют социальные изменения. При раскрытии механизмов развития общества, необходимо учитывать процессы группообразования и кооперации, которые идут под влиянием внешних, в том числе институционализированных факторов. Кроме этого, при анализе социальных изменений следует выделять особенности развития организаций, возникающие в результате трансформации их внутренней структуры. Это также возможно в рамках функционалистских, структуралистских и структурно-функционалистских теорий.

8. Содержание цивилизационных теорий позволяет сделать весьма существенный, хотя и далеко не очевидный вывод: несмотря на процессы, ведущие к унификации экономики и культуры, однородного социума с недифференцированной идентичностью не возникает. Общие процессы глобализации в различных регионах мира имеют свои особенные проявления. Значительное количество организаций будет возникать под влиянием институтов, характерных только для определенных цивилизаций. Культурная дифференциация сохранится в ближайшей исторической перспективе, как она ранее сохранялась в крупных империях и государствах.

9. Новая социальная теория, соответствующая современной эпохе,

должна представлять собой синтез формационной теории с теориями социальных институтов и организаций. Кроме этого, она должна применять методы и подходы, разработанные в рамках цивилизационных и функционалистских концепций, структурно-функционалистского и структуралистского направления в социологии, а также теорий социальной стратификации и власти.

Для построения институционально-формационной теории необходимо решить следующие задачи:

1. В дискурсе социальной философии осуществить теоретический анализ типовых организаций, характерных для каждой эпохи, выяснить их роль в структуризации социума. На этой основе создать теорию формирования социальной структуры общества, которая даст возможность сформулировать объективные критерии классификации соответствующих социальных групп, позволяющие обоснованно выделять классы и социальные слои.

2. Рассмотреть социальные процессы, которые формируют систему потребностей людей как членов общества, обуславливают появление такого феномена, как власть. Раскрыть основания властных отношений и роль государственных организаций в их реализации.

3. Обосновать механизмы развития социума, которые главным образом определяются процессами группообразования и согласования интересов, а также рассмотреть роль социальных движений и революций в ходе изменений общества.

Решение данных задач позволит создать адекватную методологическую базу для построения институционально-формационной теории, способной анализировать процессы трансформации социума и прогнозировать их перспективы.

Список литературы

1. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.13. М.: Политиздат. с.5-9.
2. Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
3. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 767 с.
4. Сытник А.А. Генезис технологического уклада // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 1. № 1 (52). С. 245–248.
5. Гидденс Э. М. : Эдиториал, УРСС. 1999. 704 с.
6. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6-17.

7. Норт Д. Функционирование экономики во времени // Отечественные записки. № 6 (21) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni> (дата обращения: 03.05.2020).

8. Фаворо О. Внешние и внутренние рынки // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 90–103.

9. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация и парадигмы социальной философии // Философская мысль. 2019. № 1. С. 1–32.

10. Сафонов А.Л. Орлов А.Д. Новая социальная теория и принципы ее построения (глобализация и основные механизмы развития общества). Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 112 с.

Сафонов Андрей Леонидович, д-р филос. наук, проф., zumsiu@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Орлов Александр Дмитриевич, канд. техн. наук, ведущий специалист, aorlov2004@yandex.ru, Россия, г. Жуковский, АНО «Международный центр дополнительного образования»

TO THE QUESTION OF BUILDING INSTITUTIONAL-FORMATIONAL THEORY

A.L. Safonov, A.D. Orlov

When analyzing the laws of the development of society, the formation theory in a number of cases receives its methodological justification. Nevertheless, it must be supplemented and rethought taking into account the results obtained, first, within the framework of theories of social institutions, as well as functionalist, structuralist and structural-functionalist concepts. Based on the synthesis of the formation theory and the theory of social institutions, it is possible to create a new institutional-formation social theory, which, according to the authors, is more capable of predicting and explaining the historical processes going on in society.

Key words: formation theory, civilizational theory, globalization, post-globalization, functionalism, structuralism, structural functionalism, social organization, social institutions, institutional-formation theory.

Safonov Andrey Leonidovich, doctor of philosophical science, professor, zumsiu@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Orlov Alexander Dmitrievich, candidate of technical science, leading specialist, aorlov2004@yandex.ru, Russia, Zhukovsky, ANO "International Center for Additional Education".

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.3

ПРОБЛЕМА СТАТУСА И ПРЕДМЕТА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

К.В. Аршин

Представлена позиция в отношении возможных путей преодоления кризиса современной социальной философии как познавательной дисциплины. На основе анализа идей отечественных авторов К. Момджяна, К. Пигрова, В. Келле, А. Павлова и др. делается вывод о необходимости возвращения к классическим подходам к социальной философии, позволяющим поставить точку в дискуссиях о сциентистской и валютивной природе социально-философского знания, а также избежать подмены подлинного философского знания поверхностным философствованием.

Ключевые слова: социальная философия, социология, социальная организация, ценность, норма, философствование.

В третьем выпуске 2018 года журнала «Социологическое обозрение» была напечатана статья известного российского философа, кинокритика, доцента Школы философии НИУ-ВШЭ, руководителя сектора социальной философии ИФ РАН Александра Павлова, озаглавленная «Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии». В основу статьи, как отмечает сам автор, был положен доклад, который был им сделан перед Ученым советом Института философии РАН. В статье, как, вероятно, и в докладе А. Павлов попытался определить свое понимание проблемного поля социально-философского знания, попутно отделив его от проблемных полей теоретической социологии, политической философии и других обществоведческих теорий, а также обозначить те вызовы, с которыми в ближайшем будущем столкнется социальная философия, и наметить программу решения создаваемых ими проблем.

Точка зрения А. Павлова, попытка краткой реконструкции которой сделана в данной статье, безусловно, имеет право на существование. Однако, упомянутый выше его официальный статус в академической философской среде – руководитель сектора социальной философии ИФ РАН, требует от сообщества философов отнестись к ней более чем серьезно, обозначить либо свое согласие с ней, либо, напротив, высказать критические замечания.

Представляется, что указанная задача имеет архиважный характер, поскольку речь идет отнюдь не о частной позиции конкретного философа и даже не о манифесте отдельной философской школы. В данном случае речь идет о формулировке программы развития всей отечественной социальной философии на ближайшие годы, возможно, и на десятилетия. Отказ

же представителей российской академической философии от участия в дискуссии по столь важному вопросу будет означать одно из двух: либо отечественное философское сообщество окончательно исчерпало свои творческие возможности, либо заостенело настолько, что его участники не способны сформулировать внятные аргументы как в пользу позиции А. Павлова, так и против нее. Впрочем, последнее для философии – все равно что смерть.

Поэтому выражаю надежду, что данная статья станет той ласточкой, которая символизирует для отечественной социальной философии приход весны. Со своей стороны постараюсь сформулировать собственные аргументы как можно более ясно, дабы не допустить их двусмысленности или двойного их толкования.

Соответственно, в рамках нашей статьи, во-первых, показана картина дискуссий о предмете и границах социальной философии, которые велись в течение последних 20 лет. Во-вторых, пунктирно обозначена программа А. Павлова, представленная им в статье «Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии», и дана ее оценка. В-третьих, обоснована собственная авторская позиция относительно предмета и границ социальной философии.

С утратой статуса марксизма-ленинизма как «единственно верной идеологии» и, как следствие, отказом от курсов «Исторического материализма», «Научного коммунизма», «Истории КПСС» и т. д., перед обществоведами бывшего Советского Союза встал вопрос о замене догматического советского истмата иным учением, более адекватным для объяснения новой социальной реальности. Поток хлынувшей из-за рубежа философской или околофилософской литературы стал для многих российских специалистов в сфере гуманитарного знания выходом из создавшегося положения.

Некоторыми отечественными философами были некритически восприняты работы таких авторов, как постмодернисты (Ф. Лиотар, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Бодрийяр), аналитические философы (А. Данто), русские философы начала XX столетия (Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин), социологи различных школ (П. Сорокин, Т. Парсонс, Н. Смелзер, П. Бурдье, Э. Гофман, Э. Парк, Н. Луман и др.). Отдельно стоит отметить, что большая часть этих работ принадлежала авторам, концепции которых к тому времени в рамках западного философского и социологического дискурса считались устаревшими, а их методологические принципы анализа общественной жизни подвергались коренному пересмотру.

Подобное некритическое восприятие иностранных источников приводило к рождению настоящих химер, когда исследователь в попытке объяснить тот или иной социальный феномен использовал не просто терминологию двух совершенно различных философов или социологов, но даже применял их методологии, не задумываясь о том, что они могут противосто-

речить друг другу и по объективным причинам не могут быть совместно использованы.

Отголоски этого до сих пор можно обнаружить не только в магистерских работах, но даже в кандидатских диссертациях, когда соискатели абсолютно бездумно в разделе, посвященном методологии, пишут об одновременном использовании в исследовании методов материалистического понимания истории, деконструкции, феноменологии, структурализма и постструктурализма. В подобных случаях отсутствует не просто необходимая методологическая культура, но проявляется принципиальное непонимание базовой основы любого теоретического анализа. Метод и позиция, которую занимает автор при его избрании, накладывают на оптику исследования четкие ограничения, при отказе от которых оно лишается научного значения и познавательного смысла, перестает быть аналитическим исследованием, а превращается в простое, не имеющее эвристической ценности размышление (и хорошо, если размышление) на заданную тему.

К началу XXI столетия первоначальный восторг от открывшихся в 1990-х годах перспектив интеллектуальной свободы угас, обнажив каменное дно интеллектуальной вторичности отечественной социально-философской мысли. Философы стали задаваться вопросами о методологических основах социальной философии, следование которым позволит ей приобрести идентичность в условиях господства представления о философии как теоретическом знании, не слишком весомого для осмысления экономических проблем и не имеющего какого-либо практического применения. А в условиях господства «дикого капитализма» это означало смертный приговор.

Итогом такого осознания стала, вероятно, самая важная дискуссия о предмете социальной философии в истории новейшей российской философской мысли. Она развернулась в 2002 году на страницах журнала «Личность, культура, общество» и обозначила наличие двух полярных позиций по вопросу о предмете социальной философии (сциентистской и валюативной), более того, наличие двух различных школ социальной философии – Московской и Санкт-Петербургской. Глашатаем позиции Московской школы социальной философии стал профессор К.Х. Момджян, ныне заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Санкт-Петербургскую школу в дискуссии представлял К.С. Пигров, профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Так, для К.Х. Момджяна, представляющего сциентистское направление, социальная философия – это, наряду с социологией, составная часть «теоретического обществензнания», которое изучает общество как сложную систему. Для социологии предметом изучения выступает общественная

жизнь, рассмотренная «в ее системности и исторических формах осуществления» [1, с. 78]. В свою очередь социальная философия изучает «предельные основания праксеологического отношения человека к миру, создающие особую подсистему окружающей и охватывающей нас реальности - социум» [1, с. 78]. Иными словами, в задачи социальной философии входит изучение имеющей социальный характер деятельности человека, ее интерпретация, вычленение ее составных частей, их описание, объяснение и т. д. Ведь, по мысли К.Х. Момджяна, только человеческая деятельность, взаимодействия людей и формируют социум. На пересечении предметных полей социальной философии и социологии формируется теоретическое обществознание. Таким образом, для К.Х. Момджяна социальная философия – это наука, выводы которой имеют общезначимый характер. Комментировавший позицию К.Х. Момджяна профессор В.Ж. Келле указывал, что в данном случае московский философ «воспроизводит когнитивную модель исторического материализма, определяемого как философско-социологическая теория, выполняющая функции и социальной философии, и общесоциологической теории» [2, с. 7]. Добавим также, что статус социальной философии так и остается не проясненным, не определено: является ли социальная философия самостоятельным направлением или полностью подчинена социальной теории. Ответ на этот вопрос мог бы быть получен при возможно более последовательном разведении понятий «общество» и «социум». Однако, в рамках указанной дискуссии К.Х. Момджян свою позицию по данным вопросам не представил.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается петербургский философ К.С. Пигров. Если для К.Х. Момджяна путеводной звездой служили Г.В.Ф. Гегель и К. Маркс, то для К.С. Пигрова образцом стал И. Кант. Ссылаясь на возрожденное Кантом античное деление философии на логику, физику и этику, К.С. Пигров определяет социальную философию как «нормативную дисциплину, которая исследует, проясняет, вербализирует, устанавливает и вообще культивирует нормы, ценности, не имеющие, по сути, отношения к наличной реальности» [3, с. 63]. Таким образом, социальная философия – это отнюдь не наука. Она, в отличие от науки, не изучает сущее. Объект ее изучения – должное в виде ценностей и норм, которые порождаются в рамках социума. Таким образом, социальная философия возможна только как валюативное знание, то есть знание, имеющее ценностное измерение. А поскольку выводы науки не имеют ценностного измерения, постольку социальная философия – не наука, а социальные философы – не ученые. Следствием этого выступает плюралистический постулат, согласно которому, социальная философия – это то, чем занимаются социальные философы. Единственное ограничение, которое К.С. Пигров накладывает на социальных философов, – это требование осуществлять исследования сквозь призму социума. Однако что такое в его понимании социум, неясно, как и в концепции К.Х. Момджяна.

Отказ от определения важнейших для социально–философского знания понятий крайне симптоматичен. Ведь именно согласие относительно базовых понятий и формирует единое поле науки. В противном случае можно наблюдать диалог «глухого с немым». Впрочем, наличие согласия участников дискуссии по поводу того, что центр предметного поля социальной философии должен занимать социум, что бы под ним ни понималось, уже внушало изрядную долю оптимизма, вызывало надежду, что будет сформировано единое представление о предметном поле социальной философии и определена ее методологическая основа. К сожалению, этот оптимизм не оправдался. Ведь отечественные социальные философы как будто бы взяли на вооружение максимуму К.С. Пигрова, решив реализовать провозглашенный им плюрализм на практике, тем самым не просто размывая предметное поле социальной философии, но ставя под вопрос само ее существование как самостоятельной философской дисциплины.

Как следствие, в течение последующих лет неоднократно появлялись статьи, посвященные кризису социальной философии и попыткам найти из него выход.

Так, уже в 2006 г. увидела свет статья известного отечественного философа В.Ж. Келле «Социальная философия: актуальные проблемы» [2], в которой автор, постулировав принципиальный рационалистический характер социальной философии, объективный характер ее выводов, вместе с тем указал на важность ценностного измерения в объяснении социальных феноменов. Тем самым В.Ж. Келле предлагал третий путь, позволяющий избежать «Сциллы» сверхрационализма К.Х. Момджяна и «Харибды» валюативного плюрализма К.С. Пигрова. Впрочем, данная мысль в достаточной мере не была развита в статье, поскольку автор обратился к иной, с его точки зрения, более важной проблеме – трансформации социальной философии в философию истории. Указанная трансформация, как полагает В.Ж. Келле, и обеспечит ей выход из кризиса, в котором она находится.

В 2009 и 2011 гг. в «Ученых записках Казанского государственного университета» и «Вестнике Волгоградского государственного университета» появились две статьи с практически идентичными названиями – «Как возможна социальная философия» [4] и «Как возможна современная социальная философия» [5]. Характерно, что, несмотря на тот факт, что авторы статей принадлежат к разным научным учреждениям (Томскому государственному университету и Казанскому федеральному университету), а временной лаг между выходами статей составлял 2 года, авторы в попытке ответить на поставленный в названии их статей вопрос обращаются к методологии социальных наук. Несмотря на различие в их рассуждениях, они приходят к сходным выводам. Современная социальная философия возможна лишь как некая рефлексия, предмет которой ими видится по-разному. Если для Ф.Ф. Серебрякова это рефлексия над смыслом и сутью общественного бытия, то для В.Н. Сырова это рефлексия над основаниями

социального знания (дискурса социальных наук). Представляется, что обе позиции едва ли можно считать удовлетворительными, но по разным причинам. Точка зрения Ф.Ф. Серебрякова ставит вопросы о различии социальной философии и околофилософской публицистики, с одной стороны, социальной философии и философии истории, с другой стороны, а также утраты социальной философией критической функции, изначально присущей философскому знанию. Позиция В.Н. Сырова, по сути, лишает социальную философию ее самостоятельного существования, приравнивая ее к философии социальных наук. Последнее направление, кстати, достаточно популярно на Западе, где под философией социальных наук понимают именно методологию [6–8]. Однако шаг в сторону ограничения предмета социальной философии исключительно методологией социальных наук крайне сомнителен, если не сказать ошибочен. Ведь в рамках того же западного философского истеблишмента социальная философия (Social Philosophy) признана в качестве самостоятельного направления, которое отнюдь не сводится к философии социальных наук (Philosophy of Social Science).

В связи с изложенным появление статьи Александра Павлова и предложенное им решение вопроса о предметном поле социальной философии вызывает неподдельный интерес, поскольку не только стимулирует продолжение дискуссии усилиями философского сообщества России по решению вопроса о статусе социальной философии в семье социальных и гуманитарных наук, но и предлагает свежий подход к расширению ее эвристических характеристик.

Свой подход к анализу социальной философии А. Павлов обозначает как параллаксный, то есть такой, при котором «в разных обстоятельствах изучаемый объект представляется нам в новом свете и открывает такие свои качества и свойства, которые бы в других обстоятельствах мы просто не заметили» [9, с. 151]. Использование этого подхода дает А. Павлову возможность не только разграничить социальную философию и иные отрасли гуманитарного знания, изучающие общество, но и сформулировать то, что он называет «слабыми программами социальной философии», а в итоге предложить «сильную программу», сформулировав свое определение для социальной философии. Об этом по порядку.

Итак, с точки зрения А. Павлова современная социальная философия изучает «не только социальное как таковое, но и различные феномены социальной и политической жизни – капитализм, революцию, неравенство, власть, культуру в целом, секс, труд, досуг и т. д.» [9, с. 150]. Следствием этого становится пересечение, а порой и совпадение, предметных областей социальной философии, политической философии, философии истории и социальных наук: теоретической социологии, исторической социологии и т. д. То есть предметное поле социальной философии размывается, она теряет свою самостоятельность и, по сути, исчезает. Дабы не допустить это-

го, А. Павлов, проводя последовательный анализ исторических траекторий развития теоретической социологии, выделяет особенность социальной философии как валюативного знания, т. е. имеющего ценностную подоплеку и предполагающего оценочные суждения, которые, в свою очередь, выносятся исключительно на основе анализа эмпирического материала, предоставляемого эмпирической социологией, историей и т. д. При этом следует оговорка, что валюативность социальной философии – это отнюдь не морализаторство. Придавая социальной философии ценностное измерение, А. Павлов проводит четкое различие между социальной философией и всем спектром социальных наук, коль скоро они позиционируются как науки.

В отношении же различия философии политической и философии социальной А. Павлов постулирует подчиненность первой последней, утверждая: «Политическая философия и социальная философия не только пересекаются, но даже совпадают, а точнее – у обеих дисциплин один и тот же объект (общество), и предмет политической философии включен в предмет социальной» [9, с. 157].

Выделив социальную философию из состава социальных наук, А. Павлов показывает существующие ныне «слабые программы» социальной философии, чтобы на их основе сформулировать ее «сильную программу». Таких «слабых программ», с его точки зрения, четыре. Первая – современный неомарксизм, представленный А. Негри, И. Валлерстайном, Ф. Джеймисоном, С. Жижекком и др. Особенностью этой программы выступает четкое следование теоретиков своим ценностным предпосылкам и идеологическим позициям. Вторая – «нефилософская» социальная философия, которая требует от своих адептов изучения какого-либо социального феномена с точки зрения четко артикулированной гражданской позиции. В качестве примера представителя подобной социальной философии А. Павлов приводит американского психиатра Т. Сасса, чья антипсихиатрическая теория характеризуется им как фундированная социально-философская концепция, предполагающая гражданскую позицию, но без философии или специальных философских методов. Третья «слабая программа» – это кропотливая исследовательская работа со «сложными понятиями» социальной реальности, предполагающая, среди прочего, возможность обоснованной оценки изученного материала, но в рамках избранной исследовательской парадигмы. В качестве примера указываются исследования понятий «постмодерна» и «гегемонии» британского марксиста П. Андерсона. Наконец, четвертый вариант «слабой программы» – это так называемая «сильная» программа культурсоциологии, сформулированная американским культурологом Джеффри Александером. Особенностью позиции Дж. Александера является широкое теоретизирование, базирующееся на конкретно-исторических исследованиях культурных феноменов. В основе его метода анализа социокультурных процессов лежит убеждение, что любой

культурный феномен имеет свои модели логики и прагматики, укорененные в нормативных интересах.

Единый принцип, позволяющий объединить столь разные подходы к исследованию общества, видится в их отчетливой нормативности. Соответственно, объединение указанных четырех «слабых программ» социальной философии, по мнению А. Павлова, позволяет сформулировать «сильную программу» социальной философии, которая содержит следующие установки – «методологию неомарксизма, включая ориентацию на традиционные для этого течения объекты анализа (капитализм, идеология, отчуждение); аккуратные и тщательные исследования; почтительное отношение к культуре (и ее приоритет в анализе), а также фундированность и концептуальность, т. е. обязательный выход за пределы обработанного эмпирического материала» [9, с. 166]. Кроме того, социальная философия «должна предлагать аргументированные варианты моральных ориентиров для общества, в том числе и российского» [9, с. 166]. Таким образом, социальная философия в рамках «сильной программы» предстает как «многочисленные (не всегда) философские концептуализации социальных проблем, феноменов, сложных понятий, а также теоретические попытки интерпретации нашего и/или иного времени, во-первых, предполагающие нормативное измерение и, во-вторых, основанные на богатом эмпирическом материале» [9, с. 166].

Однако зададимся вопросом, возможна ли в рамках социальной философии нефилософская концептуализация социальных проблем, пусть даже эта концептуализация будет реализована в рамках имеющегося эмпирического материала, который будет осмыслен сквозь существующую призму нормативных стандартов? Останется ли социальная философия тем, чем она должна быть, то есть социальной философией или превратиться в философствование на определенную важную для общества тему? И не получаем ли мы, в конце концов, лишь многочисленные интерпретации взамен истинного знания, то есть не повторяем ли мы начавшийся еще 2500 лет назад спор между Сократом и софистами о природе философского знания и природе истины в рамках этого знания?

Ответы на вопросы, поставленные выше, вряд ли казались бы такими важными, и едва ли их вообще можно было поставить, если бы само социально-философское знание реализовывалось на высоком концептуальном уровне. К сожалению, в рамках западной мысли социальная философия превратилась, в лучшем случае, в попытку философского осмысления методологии социальных наук, а в худшем случае – в описание содержания социальной работы. О правдивости последнего можно судить, ознакомившись с содержанием ряда западных журналов, посвященных социальной философии, например «Journal of Social Philosophy». Впрочем, как было отмечено выше, и отечественная социально-философская мысль в настоящее время не может похвастаться нетривиальными интерпретация-

ми природы социально-философского знания и его приложения для осмысления действительности. Она либо «скатывается» в методологический сциентизм, превращая социальную философию в служанку социальной методологии, либо в философствование на темы, волнующие российскую общественность, с использованием терминологии западных социологических концепций, либо «истмата».

Каков же выход и есть ли он? Для обоснования возможного выхода из сложившегося тупика продуктивным было бы обратиться к знаменитому эссе немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». Указанное эссе, будучи в списке обязательной для чтения литературы в рамках практически всех курсов по философии, казалось бы, хорошо известно, однако содержащийся в нем методологический посыл в значительной мере остается вне сферы внимания. Между тем именно он позволяет обозначить путь выхода социальной философии из нынешнего кризиса.

Напомним, что в этом эссе Г.Ф.В. Гегель на примере осмысления судьбы преступника, приговоренного к смертной казни, демонстрирует развертывание используемого им методологического приема – восхождение от абстрактного к конкретному, показывает, что наиболее абстрактным, то есть наиболее бедным по содержанию, выступает именно общепринятое – обобщенное и схематичное - представление о действительности, в то время как наиболее конкретным, то есть наиболее содержательным, является представление о действительности, охватывающее все многообразие ее сторон, не только очевидных для глаза, но и неочевидных, скрытых под покровом обыденных событий.

В этом и заключается основное назначение философии как таковой – видеть неочевидное под покровом очевидного и превращение этого неочевидного в очевидное. В рамках социальной действительности это задача прежде всего социальной философии, казалось бы, достаточно тривиальная, однако это не так. Ведь всегда существует опасность «скатиться» в конспирологию, выдавая игру нездорового воображения за истину, либо «удариться» в социальное философствование, скрывая за игрой глубоко-мысленных социологических терминов пустоту смыслов. И это действительно проблема социальной философии – ей постоянно приходится балансировать на данной тонкой грани.

Каков же выход из этой ловушки? Чтобы его найти, прежде всего необходимо определиться с предметом социальной философии. С точки зрения автора данной статьи предметом социальной философии всегда выступает социальная организация людей, которая выражается в идеях, ценностях и смыслах, определяющих самопонимание определенной социальной группы в синхронической и диахронической перспективе, а также собственное позиционирование указанной группы в ее отношениях с представителями других подобных групп. Данный подход к предмету социальной философии не носит партикуляристский характер, отрицающий ее универ-

сальность. Используя провозглашенный Г. В. Ф. Гегелем методологический принцип восхождения от абстрактного к конкретному, социальный философ волей-неволей придет к универсалистскому осмыслению выбранного им объекта исследования. Так, например, целостное концептуальное понимание человека как социального существа обязательно предполагает постановку вопроса о родовой сущности человека как представителя вида *Homo sapiens*, о тех природных основаниях общественных отношений, которые определяют взаимодействие людей друг с другом (справедливости ради следует отметить, что здесь есть опасность «скатиться» в биологизм, однако это уже другой вопрос). Или, например, попытка осмысления феномена социальной организации, наблюдаемой в определенном обществе, потребует обратиться к историческим прецедентам, выявить формы этой социальной организации в исторической перспективе, понять, как они менялись, при каких условиях сложилась именно та модель социальной организации, которую исследователь изучает, какие идеи, ценности и нормы на нее повлияли и как они сами менялись под обратным влиянием измененных их воздействием социальных условий. В процессе подобных рассуждений в любом случае встанет вопрос о социальной организации как таковой. Что собой представляет ее природа и движущие силы, лежащие в основе социокультурных механизмов? Насколько, однажды сложившись, социальная организация устойчива в отношении меняющихся ценностей и норм, а сами ценности и нормы пластичны? Насколько современные ценности и нормы заключают в себе «остатки» ценностей и норм предыдущих эпох, а также фрагменты социальных объектов распадающейся прежней модели общества, с которыми данная социальная организация контактировала, и как это влияет на ее современное состояние? Эти вопросы носят универсальный характер и без ответа на них, пусть скрытого и неявного, теоретический анализ не будет носить характер социально-философского исследования. В лучшем случае это будет социологическое исследование, в худшем – ученый скатится в одну из угрожающих социальной философии пропастей.

В этой глубине предельного универсального вопрошания и скрывается философская концептуализация, которой пусть и частично отказывает А. Павлов в своей «сильной программе» для социальной философии. Непонимание того, что именно глубина философской концептуализации, вопрошание, порой остающееся без ответа, о предельных основаниях социальной организации, ее ценностей и смыслов, лишает социальную философию ее обобщающего методологического фундамента, превращая в теоретическую социологию, историческую социологию, историю идей, историю социально-философской мысли и т. д. Одновременно оказывается невозможным поставить вопрос о важнейшем основании самих философских, либо нефилософских концептуализаций – нормативном измерении. В «сильной программе» социальной философии нормативное измерение

предшествует и служит основанием самой (не-)философской концептуализации, а следовательно, должно приниматься в качестве должного, что невозможно исследовать в рамках «сильной программы» социальной философии. В предельном случае это делает невозможным основную задачу социальной философии – формирование и изложение моральных ориентиров для общества, согласно формулировке А. Павлова. Ведь если невозможно поставить под сомнение тот нормативный базис, на котором зиждется моральный ориентир, то есть ли гарантия, что этот нормативный базис соответствует основным потребностям различных социальных групп общества, а моральные ориентиры будут способствовать его прогрессивному развитию. Справедливости ради следует отметить, что данный вопрос даже не будет поставлен, поскольку при отсутствии вопрошания о нормативном базисе, альтернатив сформированным на его основе моральным ориентирам не будет. В случае же, если эмпирический материал будет противоречить нормативным основаниям, то к нему будут подходить с позиций Гегеля. Как сообщается в одном апокрифе, когда Гегеля известили о противоречии его философской системы и зафиксированных естествознанием эмпирических фактах, он якобы ответил: «Тем хуже для фактов». В конце концов, как свидетельствует история человечества, эмпирические факты достаточно часто становились жертвой нормативных постулатов. Но для человечества это редко оканчивалось хорошо.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Несмотря на то, что «сильная программа» социальной философии представляет собой новый, интересный и, вероятно, в ряде случаев перспективный подход к исследованию феноменов общественной жизни, однако он, к сожалению, едва ли позволит в полной мере преодолеть то кризисное состояние, в котором отечественная социальная философия пребывает сегодня в силу объективных причин. Более продуктивным видится возвращение к классическим образцам философского исследования, наложенным на новую социальную реальность.

Список литературы

1. Момджян К.Х. О ситуации в современном теоретическом обществознании, или Кризис фрагментации и как с ним бороться // Личность, культура, общество. № 3–4. 2002. С. 76–92.
2. Келле В.Ж. Социальная философия: актуальные проблемы // Философия и общество. № 1. 2006. С. 5–18.
3. Пигров К.С. Еще раз о предмете социальной философии // Личность, культура, общество. № 3–4. 2002. С. 63–68.
4. Серебряков Ф.Ф. Как возможна социальная философия // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. 2009. С. 76–83.

5. Сыров В.Н. Как возможна современная социальная философия // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. № 2(14). 2011. С. 20–27.

6. Rosenberg A. *Philosophy of Social Science*. London: Routledge. 2015. 360 p.

7. Delanty G., Strydom P. *Philosophies of Social Science: The classic and Contemporary Readings*, Philadelphia: Open University Press. 2003. 481 p.

8. Cartwright N., Montuschi E. *Philosophy of Social Science: a New Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 320 p.

9. Павлов А. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. № 3. 2018. С. 149–172.

Аршин Константин Валерьевич, канд. филос. наук, старший научный сотрудник, Kosta-10@yandex.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

*THE PROBLEM OF STATUS AND SUBJECT OF SOCIAL PHILOSOPHY:
CURRENT ISSUES*

K.V. Arshin

The article presents the position regarding possible ways to overcome the crisis of modern social philosophy as a cognitive discipline. Based on the analysis of the positions of domestic authors K. Momdzhyan, K. Pigrov, V. Kelle, A. Pavlov and others regarding ways to overcome this crisis, it is concluded that there is a need to return to classical approaches to social philosophy, which allows overcoming debates about the scientific and valuation nature of social -philosophical knowledge, and also to avoid the trap of replacing genuine philosophical knowledge with superficial philosophizing.

Key words: social philosophy, sociology, social organization, value, norm, philosophizing.

Arshin Konstantin Valerievich, candidate of philosophical science, Senior Researcher, Kosta-10@yandex.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕТЕВЫХ КОНФЛИКТОВ

Ю.Л. Баньковская

Сетевое коммуникативное пространство становится способом существования и взаимодействия людей в современном обществе, по-новому выстраивая социальные связи и отношения между людьми. В статье осуществляется исследование сущности, специфики, особенностей социокоммуникативного взаимодействия сетевых структур в ситуации конфликта, функционирования сетевого образования и его воздействия на социальные процессы. Сетевой коммуникации присущи такие черты, как свобода интерпретации, анонимность, низкий уровень критичности. Они создают условия для образования противоречий.

Ключевые слова: конфликт, коммуникация, сетевые структуры, сеть, взаимодействие, информация.

Актуальность исследования социокоммуникативных особенностей взаимодействия сетевых структур обусловлена формированием качественно нового типа коммуникативного обмена информацией, необходимостью его осмысления в гуманитарном знании. Сети становятся своего рода глобальным координационным центром, охватывающим социальные связи множества людей и регулирующим коммуникативные взаимодействия между ними. Процесс глобализации, распространение и развитие информационных и коммуникационных технологий, расширение социальных связей между отдельными индивидами и группами содействуют актуализации и усилению значимости сетевых структур в сравнении с традиционными иерархическими системами. Исследователь О.В. Рябцев считает необходимым для характеристики специфики возникновения и функционирования сети ввести понятие «сетевое развертывание». Необходимость использования данного термина продиктована тем обстоятельством, что, в отличие от иных структурных образований, сетевые объединения трудно уничтожимы и более жизнеспособны вследствие их так называемого корневого проникновения, включения множества разнообразных элементов, децентрированности и неформальности взаимодействия [1, с. 24–47].

Сетевые образования посредством включения в свой состав акторов, имеющих принадлежность к разным этническим, конфессиональным, экономическим и властным структурам, влияют на все сферы жизнедеятельности общества благодаря осуществлению ими «точечных» воздействий. Сети охватывают огромное социально-территориальное пространство, а следовательно, возникшие конфликты нередко обретают глобальный характер. Посредством информационно-коммуникационных технологий и ресурсов задается направленность и динамика их развертывания. Широкое распространение в сети многочисленных провокаций, насаждающих национальную ненависть, вражду, экстремизм и другие формы кон-

фликтного противоборства, приводят к формированию целого ряда противоречий, как внутренних – между членами различных сетевых сообществ, так и во внешней социальной среде. В рамках того или иного сетевого образования человек становится невольным участником тех или иных событий. Обсуждая сложившиеся проблемы, оценивая их, он принимает определенную позицию, тем самым может вовлекаться в конфликт с приверженцами противоположной точки зрения. Таким образом, с одной стороны, сетевые структуры позволяют преодолеть территориальную разобщенность посредством установления пространственно-опосредованной коммуникации. Синергия информационных ресурсов создает условия для открытости общения акторов. С другой стороны, формируется сложная социальная общность людей, принадлежащих к разным культурам, имеющих различный менталитет и ценности, которые могут противоречить друг другу. Деятельность сетевых сообществ, пропагандирующих националистические идеи, значительно повышает риски обострения межнациональных противоречий. Возникает угроза формирования радикальных национальных меньшинств и распространения антиправительственных идеологий.

Сеть – это специфическое социальное пространство, включающее в себя сообщество пользователей. В сфере социальной коммуникации сетевой конфликт проявляется в форме информационного противоборства, осуществляемого в форме явного или скрытого влияния на убеждения, ценности, ресурсы акторов, приводящего к дестабилизации сложившихся форм их взаимодействия. Сети выступают в качестве значимого источника информации, оказывая существенное влияние на распространение сведений и формирование представлений человека о тех или иных проблемах. Мобильность сетевых структур обусловлена не только наличием ресурсов, но и спецификой коммуникативного и функционального взаимодействия участников различных сообществ.

Специфика социокоммуникативного взаимодействия сетевых структур заключается, во-первых, в том, что широкий доступ к информации радикально настроенным социальным группам позволяет усилить недовольство и интенсифицировать уже существующие противоречия. Сетевые технологии содействуют разрастанию конфликтов, вовлекая в них жителей разных стран. Тем самым все чаще противоборство приобретает глобальные масштабы. Сетевые конфликты могут привести к развертыванию кибервойн, использующих информацию в качестве нелетального оружия, воздействующего не только на информационно-технические средства, но и на сознание противника. Глобальность масштабов информационного воздействия приводит к развертыванию международных конфликтов, дестабилизирующих ситуацию в мире. Целью кибервойны является не захват новой территории, а возможность оказывать воздействие на политические, экономические и социальные процессы, происходящие в других государствах с применением специальных мер, заключающихся в предоставлении противоречивых сведений, ложных сообщений, обостряющих

недовольство граждан. Более того, формируются условия для расширения возможностей деятельности террористических организаций. Информационный терроризм заключается в использовании сети в качестве средства воздействия на социальную систему с целью нарушения устойчивости ее функционирования. Умышленное влияние на компьютерные сети и передаваемую посредством них информацию направляется на дестабилизацию этой системы. Таким образом, сеть применяется как инструмент для осуществления финансового, информационного, управленческого, манипуляторного обеспечения деятельности экстремистских объединений вне непосредственной связи с проведением теракта. Сетевая террористическая структура представляет собой сложное разветвленное образование, состоящее из отдельно связанных ячеек, сохраняющих свою анонимность и осуществляющих взаимосвязь посредством руководителя. Наличие собственных финансовых и управляющих звеньев способствует тому, что данная структура становится независимой от факторов внешнего воздействия.

Во-вторых, дезинформация становится одним из приоритетных факторов, оказывающих воздействие на динамику развертывания сетевых конфликтов. Фальсификация данных, распространение неподтвержденных фактов приводит к ложной интерпретации информации. Подобные методы порождают множество противоречивых слухов, которые могут быть использованы для разжигания конфликтов внутри сети и в обществе в целом. Непроверенная информация часто оказывает огромное влияние на сознание больших масс людей, провоцируя соответствующее восприятие решения проблем. Незнание истинных данных, опора на фейковые сообщения порождает чувства страха и неуверенности у больших групп населения, что способно вызвать панику, массовую истерию. Непонимание сущности появившейся проблемы порождает множество домыслов, приводящих к кризису социальной системы. Так, отсутствие точных сведений о ситуации, связанной с развертыванием политических, экономических и социальных процессов, способствует возникновению слухов, которые обостряют ситуацию конфликта между управляющими и управляемыми элементами общества. Целью информационно-психологического воздействия является дискредитация властных структур, подрыв к ним доверия людей вследствие возникновения в массовом сознании ощущений неопределенности и неуверенности в стабильности дальнейшего функционирования социальной системы. Распространению подобной недостоверной информации способствуют объективные обстоятельства, когда ложные сведения накладываются на наличную проблемную ситуацию, существующую в обществе. Однако происходит гиперболизация полученных данных. Отсутствие у многих граждан навыков критического осмысления происходящих событий способствует эскалации конфликта.

В-третьих, разрозненность, фрагментарность информации, ее неполнота, становится одним из основных средств, используемых акторами для создания условий возникновения и эскалации конфликтов средствами

сетевой коммуникации. «Особенностью информационного общества, которое установилось в эпоху постмодерна, то есть постиндустриальную эпоху, является то, что количество информации достигло такого объема, что ни один здоровый человек не способен не то что осваивать этот объем, а даже более-менее в нем ориентироваться. Но именно этот не воспринимаемый человеческим сознанием объем информации дает одно из главных преимуществ... превращает информацию в мусор» [2, с. 79–80]. Е.П. Белинская полагает, что «ведущей характеристикой пространства компьютерно-опосредованной коммуникации является ее неопределенность» [3, с. 28]. Она проявляется в информационной противоречивости, недостаточности или наоборот избыточности сведений, в несовместимости или рассогласованности восприятия и понимания ситуации людьми, в невозможности осуществления ими контроля над ситуацией и высокой степени риска при принятии решений.

В-четвертых, это отсутствие непосредственного конфликтного противостояния и контактных действий в условиях реального общения. Доминирование удаленных и опосредованных форм взаимодействия акторов приводит к формированию новой коммуникативной среды, базирующейся на фрагментарном сетевом пространстве. Данные конфликты воздействуют, прежде всего, на ментально-психологическое состояние акторов. Использование информационно-технического и информационно-консциентального потенциала сетевой коммуникации становится мощным инструментом воздействия на оппонента в условиях противоборства. Гибкость и высокая степень устойчивости сети по отношению к внешним факторам воздействия приводит к тому, что возникшие конфликты трудно разрешаемы, практически отсутствует возможность принудительного дистанцирования оппонентов. Тем не менее в дальнейшем при распространении и эскалации насилия возможен перенос противоречий на сферу реального взаимодействия субъектов сетевого общения, проявляющийся в их открытом противоборстве.

В-пятых, существование видимости свободы и анонимности коммуникации содействует снижению степени критичности акторов к процессу осмысления поступающей информации. Это позволяет рассматривать сеть в качестве мощного и влиятельного механизма воздействия на систему ценностей и норм членов входящих в нее сообществ. Анонимность, уменьшение значимости авторитетов и увеличение доли диссоциативного расстройства воображения создают «эффект расслабления» в процессе коммуникации [4, с. 17–41]. Однако этот феномен имеет обратную сторону. Он приводит к вседозволенности, отсутствию ответственности авторов за посылаемые ими информационные сообщения. Данная особенность позволяет распространять ложную информацию, манипулировать сознанием и поведением людей. Анонимность сетевого взаимодействия создает иллюзию отстраненности авторов фейков от конфликтной ситуации, отсутствия их заинтересованности в ее развитии и возможности оказывать непосредственное влияние на ее разворачивание. Происходит разрыв связи между

актерами, участвующими в противоборстве, и остальными членами сетевого сообщества, которые, не вступая в конфликт, воспринимают исходящие от манипуляторов оценочные сообщения. Нередко сетевые конфликты возникают в результате преднамеренных действий акторов, располагающих функциями управления сетевыми информационными потоками. Их анонимность, одновременно с наличием возможности влиять на работу сети в целом, приводит к тому, что конфликты становятся неуправляемыми.

В-шестых, наличие возможности манипулирования сознанием множества людей приводит к тому, что сетевые конфликты становятся одним из наиболее распространенных средств стимуляции противоречий. Нередко акторы используют недостоверную информацию, преподносят неосведомленной аудитории свою версию развертывания конфликта, совершенно отличную от другой трактовки и не соответствующую истине. Тем самым усиливается их скрытое воздействие на развитие событий через создание видимости оппозиционного подхода, который должен привести к справедливости. «В виртуальном мире личность одевает маску, которая облегчает процесс коммуникации» [5, с. 175]. Скрытая опасность использования сетевой коммуникации заключается в том, что ее пользователи уверены в наличии у них свободы выбора и невозможности манипулирования их действиями. Также сети предполагают наличие интерактивной обратной связи, порождающей у акторов чувство своей сопричастности к происходящему. Подобные установки снижают уровень их рационально-критического отношения к содержанию получаемой информации, которую они в свою очередь тиражируют в массовое сознание. Таким образом, деструктивное значение сетевой коммуникации в данном случае заключается в том, что она содействует дестабилизации социального порядка путем манипуляции информацией и формирования общественного мнения посредством внушения соответствующего видения сущности проблемы, выгодного для определенных групп, контролирующими информационные ресурсы.

В-седьмых, несанкционированный доступ к персональным данным, возможность их кражи с целью дальнейшего манипулирования сознанием человека и воздействия на его мировоззрение, проникновение в его компьютерные системы создают угрозу раскрытия конфиденциальной информации, что приводит к образованию множества противоречий. Массовый перенос личной информации в социальные сети создает условия для злоупотребления ею. Информация о личности приводит к ситуации, связанной с риском ее применения в деструктивных целях, возможности разглашения тайных сведений, их дополнении данными, включающими вымышленные факты. Тем самым расширяются возможности для мошенничества. Дискредитация человека может содействовать его общественному порицанию, что нередко становится причиной появления новых противоречий.

В-восьмых, целенаправленное удаление властными структурами информации о конкретной социальной общности еще больше способствует ее изоляции. Этим создаются условия для фактически безнаказанного ее

преследования, с одной стороны, и снижения внутренней угрозы дестабилизации ситуации, с другой стороны. Кроме того, длительная изоляция будет способствовать уменьшению информированности общества о наличных проблемах данной социальной группы, что провоцирует недовольство сложившейся ситуацией. Таким образом, удаление или ограничение доступа к подобному контенту может породить внутренние конфликты в сети, в рамках которой происходит ущемление возможностей для отдельных акторов участвовать в обсуждении и решении ряда насущных задач общественной жизни.

В-девятых, использование пропагандистских методов оказывает воздействие на формирование общественного мнения. Сетевым пользователям, как непосредственно втянутым в конфликт, так и не участвующим в нем, часто бывает сложно объективно оценить проблемную ситуацию. Более того, у каждого актора существует реальная возможность девальвировать информацию, создавая собственную версию развертывания событий. Затрудняется либо становится неэффективным процесс управления сбором, ранжированием и проверкой сведений о конфликтной ситуации и ее перспективах. Невозможно установить истинные цели, ради достижения которых акторы спровоцировали конфликт. Разнородность и множественность участвующих пользователей, имеющих собственные интересы и программы действий, затрудняют прогнозирование сценария развертывания противоречий. Меньший уровень их ответственности за последствия конфликта приводит к тому, что подобные негативные явления возникают все чаще, оказывая обратное воздействие на функционирование сети. Специфика развертывания сетевых конфликтов заключается в том, что акторы, используя властные механизмы, скрывают силовые отношения, находящиеся в основании их взаимодействия и воздействия на социальные процессы.

Посредством сетей создаются, углубляются информационные эпидемии. Имея характер социального, политического или экономического воздействия на сознание людей, они задают определённый ракурс рассмотрения проблемной ситуации, формируют условия для ее обострения и обретения глобального масштаба. Являясь значимым источником информации, сети содействуют ее быстрому распространению. Однако возникновение множества ложных сведений становится причиной образования противоречий. Конструктивное использование сети, нивелирование конфликтов зависит от нормативно-правовой базы, определяющей процесс взаимодействия акторов, способствующей разработке единых ценностно-нормативных стандартов. При создании мер по урегулированию сетевых конфликтов должна быть учтена фундаментальность преобразований, происходящих в информационной сфере, их масштаб и возможные угрозы мировой стабильности. Необходимо сформировать устойчивую стратегию дальнейшего развития, выработать совокупность норм совместного решения глобальных проблем, возникающих в рамках сети.

Будучи достаточно автономными, сетевые узлы могут выступать как коллективные субъекты и самостоятельно принимать решения в условиях дестабилизации социальной системы. Отсутствие единого центра управления содействует гибкости и автономности сети. Следовательно, увеличивается скорость принятия решений по урегулированию проблемной ситуации. Внешне децентрализованные и разнородные элементы структурируются и координируют свои действия в ситуации конфликта. Тем самым возможно снижение уровня негативного воздействия на функционирование социальной системы. Для сетевых структур характерно существование многоканальной системы коммуникации, а следовательно, наличие динамичной реакции на возникшую проблему, разработка способа ее разрешения и его реализация для стабилизации системы.

Сетевая коммуникация способствует снижению уровня напряженности благодаря созданию благоприятных условий осуществления плодотворной дискуссии. Аргументированное обсуждение противоречия и выявление истинной сущности причины конфликта снижают возможности манипулирования сознанием как участников сетевого сообщества, так и представителей различных слоев социума в целом. Доступ к информации позволяет акторам донести до людей свое видение проблемы. Наличие информационного преимущества дает возможность предугадать действия оппонентов, предупредить дальнейшее деструктивное разворачивание противоборства посредством быстрого принятия соответствующих решений. Тем самым символический капитал все чаще становится тем орудием, которым пользуются участники сетевого общения в отстаивании своих групповых и индивидуальных интересов.

Отсутствие надежной системы государственного страхования личной информации, находящейся в сети, содействует неизбежности возникновения конфликтов, которые сложно урегулировать посредством современных законодательных актов. Необходимо совершенствование механизмов хранения конфиденциальной информации о частной жизни, обеспечивающих сохранность личных данных от взлома и создание условий максимального контроля над предоставляемыми сведениями. Кроме того, многие пользователи не осознают степень риска, которому они подвергаются при сетевом общении, не обладают информацией о собственных правах и мерах, предпринимаемых в рамках информационной безопасности. Человек должен осознавать это и нести полную ответственность за те сведения, которые он предоставляет в сети другим акторам. Следует помнить, что все используемые данные сохраняются.

Производство и распространение информации, создание новых мер по соблюдению норм взаимодействия акторов, ограничение и раскрытие анонимности становится необходимым условием сохранения легитимного права властных структур на обеспечение контроля обращаемой в сети информацией с целью сохранения национальной безопасности государства. Интериоризация ценностей и норм традиционной культуры в сознание личности, испытывающей влияние противоречивых процессов, проис-

ходящих в сетевом пространстве, и их институциональное закрепление направлены на формирование мировоззрения, соответствующего условиям информационного общества.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Сетевая коммуникация выступает одним из наиболее эффективных способов трансляции информации в современном обществе. Это обусловлено ее периодичностью, доступностью и оптимальными экономическими затратами на распространение информации. Поскольку сетевая коммуникация обладает множеством узлов, в рамках которых осуществляется аккумуляция и распространение информации, ей присущи глобальность и демократичность. Однако при этом она остается бесконтрольным способом коммуникативного взаимодействия акторов. По этой причине в ее рамках разворачивается большое число разнообразных конфликтов, проявляющихся в различных сферах общественной жизни, оказывающих влияние на развитие социальных процессов.

2. В рамках сети возникает ряд противоречий, обусловленных объективными причинами, заложенными в ее природе. По мере развития сети обостряется противоречие между возрастанием объема циркулирующей в ней информации и невозможностью полностью ее контролировать, оценивать истинность контента всех сообщений. Более того, специфика сетевого конфликта заключается в том, что в нем очень сложно определить источник возникновения противоречия. Трансляция информации направлена не только на конкретную социальную общность. В русле сетевых процессов она передается для интернационального сообщества, члены которого не связаны коллективной идентичностью и единством мировоззрения. Навязывание определенной системы представлений о смысле происходящих социальных изменений приводит к нарушению ценностных ориентаций личности как оснований ее жизнедеятельности. Деструктивный контент сетевой коммуникации реализуется через распространение информации, способствующей эскалации социальных конфликтов.

3. Конфликт в сетевой коммуникации проявляется в форме информационного воздействия и осуществляется через подготовку соответствующего видения назревшей проблемы посредством навязывания людям сомнения в правильности действий акторов, создания провокационной ситуации, предполагающей необходимость ее обсуждения; через дальнейшее убеждение участников сетевых групп в том, что данные противоречия являются очевидными для большинства членов социальной общности. Результатом этого является манипулирование общественным мнением и сознанием отдельных людей, приводящее к управлению ситуацией в желаемом ракурсе для одной из конфликтующих сторон. Информационное воздействие способствует трансформации системы ценностей отдельной личности и социальной группы в целом. «В условиях новой глобальной среды наблюдения и контроля возникает более серьезная угроза свободе: структурирование повседневного поведения через доминирующие нормы соци-

ального поведения» [6, с. 211]. Тем самым, продуцируется возможность тотального контроля над существованием человека.

Список литературы

1. Рябцев О.В. Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. Ростов-на-Дону: Изд-во Сев.-Кав. Научного центра высшей школы Южного федерального университета, 2007. 163 с.
2. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
3. Белинская Е.П. Психология Интернет-коммуникации. М.: МПСУ, 2013. 185 с.
4. Joinson A., McKenna K., Postmes T. Oxford Handbook of Internet Psychology. New York: Oxford university press, 2007. 508 p.
5. Трофимова Г.Н. Особенности негативных тенденций в массовой коммуникации // Материалы X междунар. конгресса междунар. общества по прикладной социолингвистике. М.: Институт лингвистики РАН, 2013. С.174–176.
6. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

Баньковская Юлия Леонидовна, канд. филос. наук, доц. ulia_bank@tut.by, Беларусь, Минск, Белорусский государственный аграрный технический университет

SOCIOCOMMUNICATIVE FEATURES OF NETWORK CONFLICTS

Yu.L. Bankouskaya

The network communication space is becoming a way of existence and interaction of people in modern society. It builds social connections and relationships between people in a new way. The article examines the essence, specific and features of network structures socio-communicative interaction in a conflict situation, the functioning of network formation and its impact on social processes. Network communication is characterized by such features as complexity and uncertainty of information processes, their multiplicity, low transaction costs, freedom of interpretation, anonymity and a low level of criticality. They create conditions for the formation of contradictions.

Key words: conflict, communication, network structures, network, interaction, information.

Bankovskaya Yuliya Leonidovna, candidate of philosophical science, docent, ulia_bank@tut.by, Belarus, Minsk, Belarusian state agrarian technical university

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Курсанова Е.Г.

Формирование национальной инновационной системы современной России: роль «цифрового правительства»3

Белугина Н.Б., Рязанова Л.В.

Технологии конструирования виртуальной политической реальности: дискурсивные практики противоборства на примере СМИ России и США.....15

Ильичева М.В.

Трансформация взаимодействия государства и гражданского общества в цифровой реальности28

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Федотов А.В., Ильичева М.В.

Государство и институты гражданского общества: построение системы государственной поддержки в регионах.....38

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Проказина Н. В.

Социологическое образование в современной России: новые вызовы и перспективы.....51

Данковцев О.А., Маскалянова С.А.

Феномен одинокого материнства в российском обществе: региональный аспект.....62

Махно Л. Л.

Социальное служение Русской Православной Церкви: история и современность69

Шурова Н.В.
Социально-психологические
проблемы современной семьи79

Галкина Е.П., Кадничанская М.И.
Проблемы безработицы молодежи
(выпускников учебных заведений)
в Ульяновской области.....85

Харченко В. С., Кожевникова Е. В.
Анализ брачного выбора:
эмпирическое измерение в социологическом исследовании100

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Матвейчев О. А.
Индоевропейские истоки
платоновской теории трех сословий116

Сафонов А.Л., Орлов А.Д.
К вопросу о построении
институционально-формационной теории128

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Аршин К.В.
Проблема статуса и предмета
социальной философии: актуальные вопросы.....140

Баньковская Ю.Л.
Социокоммуникативные особенности
сетевых конфликтов.....152

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 4

Редактор Т. А. Лаврынкина

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд.лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97.
Подписано в печать 21.12.20. Дата выхода в свет 31.12.20.
Формат бумаги 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26,4
Тираж 500 экз. Заказ 178.
Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ.
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95